

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2015, № 4 (13)

Учредитель
**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

Слепцов П.А., д.ф.н., проф. (гл. редактор); *Андреева Т.Е.*, к.ф.н.; *Антонов Е.П.*, к.и.н.;
Боякова С.И., д.и.н. (зам. гл. редактора); *Бурцева Ж.В.*, к.ф.н.; *Варламов А.Н.*, д.ф.н.;
Винокурова Д.М., к. социол. н.; *Данилова Н.И.*, д.ф.н.;
Ефремов Н.Н., д.ф.н. (отв. секретарь); *Жукова Л.Н.*, к.и.н.; *Игнатьева В.Б.*, к.и.н.;
Ларионова А.С., д.иск.; *Попова Н.И.*, к.ф.н. (зам. гл. редактора);
Романова Е.Н., д.и.н.; *Романова Л.Н.*, к.ф.н.

Ответственный за выпуск *Бурцева Ж.В.*

Редакторы: *Е.Ф. Молотков*, *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2015, № 4 (13)

Founder

Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board

Sleptsov P.A., Ph.D. in Philology, D.Sc. Professor (editor in chief); *Andreeva T.E.*, Ph.D. in Philology; *Antonov E.P.*, Ph.D. in History; *Boyakova S.I.*, Ph.D. in History, D.Sc. (dep. editor in chief); *Burtseva Zh.V.*, Ph.D. in Philology; *Varlamov A.N.* Ph.D. in Philology, D.Sc.;
Vinokurova D.M. Ph.D in Sociology; *Danilova N.I.* Ph.D. in Philology, D.Sc.;
Efremov N.N., Ph.D. in Philology, (executive secretary); *Zhukova L.N.*, Ph.D. in History;
Ignatjeva V.B. Ph.D. in History; *Larionova A.S.*, Ph.D. in Art, D.Sc.;
Popova N.I., Ph.D. in Philology (dep. editor chief);
Romanova E.N., Ph.D. in History, D.Sc.; *Romanova L.N.*, Ph.D. in Philology,

Responsible for issue *Burtseva Zh.V.*

Editor: *E.F. Molotkov, N.I. Degtyarova*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Головнев А.В.</i> Арктическая мобильность: технологии и стратегии.....	7
<i>Дьяконов В.М., Бравина Р.И.</i> Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла).....	12
<i>Бутанаев В.Я.</i> Новые памятники кыргызской рунической письменности в Хонгорае (Хакасия).....	15
<i>Миссонова Л.И.</i> Тунгусоманьчжурское «движение» в процессе освоения пространства Дальнего Востока.....	18
<i>Белянская М.Х.</i> История и культура эвенков Якутии в исследовательских материалах ученых России.....	27
<i>Захарова Т.В.</i> Якутский уездный воинский начальник Н.Д. Попов и трудовая мобилизация якутов на Первую мировую войну (1916 г.).....	30
<i>Винокурова Л.Е.</i> И.Н. Винокуров: от семинариста до государственного деятеля.....	33

Социология

<i>Базаров Б.В.</i> Этносоциальные процессы в современной Бурятии.....	40
<i>Мурашева С.В.</i> Этносоциальные и этнокультурные изменения в современной России как факторы возникновения межэтнических конфликтов.....	44
<i>Брагина Д.Г.</i> Семья у якутов: от традиции к современности.....	48

Филологические науки

<i>Хисамитдинова Ф.Г.</i> Роль академических гуманитарных институтов в сохранении и развитии языка и культуры народов России (на примере Института истории, языка и литературы УНЦ РАН).....	54
<i>Слепцов П.А.</i> Взгляды А.И. Софронова на сущность литературного языка и их воплощение в творчестве писателя.....	60
<i>Иванов С.А.</i> Якутская диалектология и история языка саха.....	66
<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Итоги и перспективы развития лексикологических изысканий якутского языка последних десятилетий.....	71
<i>Ефремов Н.Н.</i> Функционально-семантическая категория обусловленности в якутском языке: причинно-следственные и уступительные отношения (в сопоставлении с казахским и алтайским языками).....	75
<i>Анисимов Р.Н.</i> Названия 'диких животных' в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека.....	82
<i>Андреева Г.Т.</i> Поэтический образ Сибири как проявление творческой индивидуальности русских писателей XIX века.....	88
<i>Имixelова С.С.</i> Судьба бурятского народа в исторических легендах и художественной литературе.....	93
<i>Бороноева Т.А.</i> Особенности автобиографизма в современной бурятской художественной культуре.....	96
<i>Манджиева Б.Б.</i> Фольклорное наследие калмыков: сохранение, изучение, популяризация на современном этапе.....	100
<i>Варламов А.Н.</i> Географические представления эвенков в эпосе.....	104
<i>Татаринова А.Д.</i> Многоголосие в якутском круговом танце осуохай: на материале образцов из Сунтарского улуса.....	107

Память

<i>Бурнашева Н.И.</i> С.И. Ковлеков о трудовом энтузиазме и новаторских инициативах трудящихся Советской Якутии (к 85-летию со дня рождения С.И. Ковлекова)	114
<i>Федоров В.И.</i> Институт в моей жизни	116

Информация

<i>Винокурова Л.Е.</i> О круглом столе «И.Н. Винокуров – видный государственный и политический деятель Якутии»	119
<i>Винокуров А.Д.</i> Круглый стол «Подвиг народа: историческая память о Великой Отечественной войне» (к 70-летию Великой Победы)	120
<i>Рыкова В.В.</i> Анализ потока документов из БД «Коренные малочисленные народы Севера», посвященного исследованиям народа саха	122
Сведения об авторах	125
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	129

CONTENTS

Historical sciences

<i>Golovnev A.V.</i> Arctic mobility: technologies and strategies.....	7
<i>Dyakov V.M., Bravina R.I.</i> Nyurba Bronze Celt (about cultural ties between Yakutia and adjacent territories in the Paleometal Epoch).....	12
<i>Butanaev V. Ya.</i> New monuments of the Kyrgyz runic writing in Khongoray (Khakassia).....	15
<i>Missonova L.I.</i> The Tungus "movement" in the process of development of the Far East.....	18
<i>Belyanskaya M.Kh.</i> The history and culture of the Evenks of Yakutia in research materials of Russia's scientists	27
<i>Zakharova T.V.</i> Yakut military district head N.D. Popov and labor mobilization of the Yakuts in World War I (1916)	30
<i>Vinokurova L.E.</i> I.N. Vinokurov: from seminarian to statesman.....	33

Sociology

<i>Bazarov B.V.</i> Ethno-social processes in modern Buryatia	40
<i>Murashova S.V.</i> Ethno-social and ethno-cultural changes in the modern Russia as factors of emergence of the interethnic conflicts	44
<i>Bragina D.G.</i> Family at the Yakuts: from tradition to modernity	48

Philological sciences

<i>Khisamitdinova F.G.</i> The role of academic humanitarian institutions in the preservation and development of languages and cultures of the peoples of Russia (on the example of Institute of History, Language and Literature USC RAS)	54
<i>Sleptsov P.A.</i> The views of A.I. Sofronov about the nature of literary language and their embodiment in the work of the writer	60
<i>Ivanov S.A.</i> Yakut dialectology and history of the Sakha language	66
<i>Dyachkovsky F.N.</i> The results and prospects of development of lexicological researches of the Yakut language of the last decades	71
<i>Efremov N.N.</i> Functional and semantic category of conditionality in the Yakut language: causal and concessive relationships (in comparison with the Kazakh and the Altaic languages)	75
<i>Anisimov R.N.</i> Names of "wild animals" as a part of idioms of the Yakut language characterizing person	82
<i>Andreeva G.T.</i> The poetic image of Siberia as a manifestation of creative identity of the Russian writers of the XIX century	88
<i>Imikhelova S.S.</i> The fate of the Buryat people in the historical legends and literature	93
<i>Boronoeva T.A.</i> Features of autobiographical in the modern Buryat art culture	96
<i>Mandzhieva B.B.</i> Kalmyk folk heritage: preservation, studying, promotion at the present stage	100
<i>Varlamov A.N.</i> Geographical representations in the Evenks' epos	104
<i>Tatarinova A.D.</i> Polyphony in the Yakut round dance osuokhay on a material samples Suntar district	107

Memory

<i>Burnasheva N.I.</i> S.I. Kovlevkov about labor enthusiasm and innovative initiatives of workers of the Soviet Yakutia (to the 85 th anniversary since the birth of S.I. Kovlevkov)	114
<i>Fedorov V. I.</i> The Institute in my life	116

Information

<i>Vinokurova L.E.</i> About the Round table "I.N. Vinokurov – the prominent state and political figure of Yakutia".	119
<i>Vinokurov A.D.</i> Round table "Feat of the people: Historical memory of the Great Patriotic War" (to the 70 th anniversary of the Great Victory).....	120
<i>Rykova V.V.</i> The analysis of a flow of documents from the Date bases "the North indigenous ethnic groups" devoted to researches of the people of Sakha.....	122
Information about authors.....	127
Requirements to registration of articles is in the journal «North-Eastern journal of the humanities».....	129

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 397.4(98)

А.В. Головнёв

Арктическая мобильность: технологии и стратегии*

Новый полевой метод антропологии движения (ПКД – путь – карта – действие) обеспечивает более ясное понимание опыта и ценностей арктических кочевников, меняет их имидж, взгляд на их культурное наследие и обычаи. Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека и его потенциала (кстати, человечество и родилось в кочевье), то нomaдология предстанет направлением, раскрывающим динамику и статику в человеческой истории и культуре, причем как в прошлом, так и в будущем.

Ключевые слова: Арктика, кочевники, мобильность, технология, стратегия, Чукотка, Ямал. Кольский полуостров

Кочевников можно считать классиками в практиках мобильности и контроля над пространством. Кочевники-оленеводы Арктики: ненцы, саамы и чукчи – обладают уникальным ресурсом движения, позволяющим им осваивать труднодоступные территории, поддерживать и развивать самобытную культуру и этнические традиции. И дело не только в стадах оленей, но и в мотивационно-деятельностном алгоритме, выражающемся в особом стиле освоения больших пространств. Мобильность, развернувшаяся сегодня в широком спектре форм, в том числе информационной и виртуальной, в кочевых культурах Арктики по-прежнему традиционна в непосредственности общения людей, связи человека с природой, физического движения в пространстве и времени. Новые технологии, нередко конфликтующие с

этническими традициями, в целом ряде случаев (особенно в сфере транспорта и навигации) дают дополнительный ресурс традиционным культурам, создавая перспективу неотрадиционного развития. Коренные народы Арктики обладают выверенными стратегиями и технологиями контроля над природным и социальным пространством, самобытным северным дизайном кочевий – традициями, которые в системной адаптации и оптимизации могут послужить эффективными инновациями для современного освоения Севера. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой – многообразно применим в новейших стратегиях мобильности.

*Исследование выполнено по гранту РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации».

Арктика – пространство, в котором ярко сохраняется кочевая традиция. В разные эпохи в высоких широтах Евразии кочевали оленеводы (саамы, ненцы, эвенки, эвены, чукчи, коряки), собаководы (эскимосы, юкагиры), мореходы (норманны, поморы, эскимосы), коневоды (скандинавы, русские, якуты), пешеходы (например, на Чукотке бег и быстрая ходьба были возведены едва ли не в культ). В контактных ареалах мобильные культуры смыкались и поддерживали друг друга: мореходы, оленеводы, коневоды и собаководы образовывали сеть коммуникаций, которая породила в Арктике эффект «циркумпольной культуры».

Адаптивность

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров, имея немало общего, обладают существенными различиями в стиле оленеводства и мобильности чукчей, ненцев, саамов, коми-ижемцев. В каждой из тундр оленеводство сложилось самостоятельно на основе местных охотничьих практик, хотя циркумпольные контакты издавна обеспечивали обмен технологиями нomaдизма (например, при экспансии ымыяхтахской культуры, «каменных самоедов», «каменных чукчей», коми-ижемцев) [Головнёв, 2013, с. 470].

Кочевые культуры Арктики обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям; например, в XVI–XVIII вв. по тундрам Евразии прокатилась «олeneводческая революция», превратившая охотников в оленеводов и преобразовавшая их системы жизнеобеспечения и мировоззрения. Включенные в состав государств Скандинавии и России, арктические культуры адаптировались к межэтническому диалогу и внешним формам управления, сохранив свои стили контроля над пространством и социальной коммуникацией. Даже в практике совхозного администрирования при советской власти реальный менеджмент в оленеводстве осуществляли сами оленеводы. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям управления, экономики, информации, дав самые впечатляющие в циркумпольном мире примеры нетрадиционного развития культуры, экономики и самоуправления.

Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, ритмов биоценоза, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, администра-

тивным центрам, промышленным объектам и т.д. Поскольку на Ямале тундра болотистая и мягкая, а на Чукотке каменная и «острая» (рвет любые полозья и колеса), ненцы предпочитают всегда и везде ездить на оленьих упряжках, а чукчи полагаются больше на собственные ноги или (сегодня) гусеничные вездеходы. Ненцы запрягают по пять оленей круглый год, чукчи – по паре и лишь зимой; ненецкая нарта прочна и массивна, но ее поломка в пути грозит катастрофой; чукотская нарта на фоне ненецкой кажется игрушечной, зато ее легко чинить и тащить вручную по камням. При виде чукотской нарты, связанной ремнями из тонких кусков дерева и оленьих рогов, ненец недоумевает; в свою очередь чукотский пастух удивляется: «А правда, что ненцы вдвоем поднимают нарту?». Кольские саамы и ижемцы давно не используют керёжку, все реже садятся на нарту и предпочитают механизированный транспорт (снегоходы, вездеходы, мотолодки, квадроциклы).

Север для его коренных жителей – не просто «кормящий ландшафт», а пространство сложных стратегий. Одно из главных свойств кочевых культур – высокая мобильность населения, в том числе мобильность ментальная, выражающаяся в скорости принятия решений, и как следствие – успешной адаптации к меняющимся условиям экологической и социальной среды. Точками повышенной сложности и напряжения оказываются эпизоды пурги, тумана, гололеда, волчьих потрав, вторжений диких оленей, разбега стад в «оводовый» и «грибной» периоды, и другие фазы охраны и сбора стад. Эти эпизоды требуют напряжения и особых психокультурных навыков, например, мастерства быстрого действия и быстрого сна. Искусство чередовать напряжение и расслабление в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной из замечательных технологий арктического нomaдизма [Головнёв, 2015, с. 12–16].

Мобильность кочевников многообразна в гендерных, возрастных, статусных, сезонных, пространственных вариациях. Например, у ненцев Ямала оленеводческие маневры бригадира отличаются от поездок обычных пастухов охватом пространства, поскольку он не только окарауливает стадо, но и осматривает окрестности для оптимизации режима выпаса и миграций. У чукчей в период августовского сбора оленей оленеводы распределяются на караульчиков основного стада и искателей отколовшихся групп, чьи ритмы

движения существенно рознятся. У кольских коми-ижемцев и саамов в ходе сбора оленей на зимний кораль взаимодействуют группы пастухов (державших основное стадо), «моряков» (собирающих «кусков» стада в отдаленной приморской тундре), «огородников» (сторожей изгородей, регулирующих движение оленей) и «коральщиков» (работников оленеводческой базы). Кочевые стратегии и технологии евразийской Арктики заметно различаются: для Чукотки характерен «круговой» стиль, для Ямала – «миграционный», для Колы – «огородный». При этом все практики представляют собой сложные композиции действий и действующих лиц, которыми руководят лидеры оленеводства. По убеждению коренных жителей, оленеводство основано на жестком единоначалии лидеров и четком взаимодействии коллективов.

Традиции и инновации

С физической мобильностью кочевников Арктики парадоксально, на первый взгляд, сочетается стабильность культурных традиций и этнических ценностей. Одной из базовых ценностей оленеводы считают свою независимость. Чукчи, ненцы и саамы пасут оленей по-разному, но одинаково видят в оленеводстве экономический стержень, а в олене – символ своей самобытности (для коми-ижемцев это еще и коммерческий проект). Оленеводство обеспечивает автономию в транспортно-экономическом, социальном и мировоззренческом измерениях, которая в свою очередь создает условия самобытности любой культуры, обратившейся к кочевому оленеводству как основе жизнедеятельности.

Во всех основных очагах оленеводства сейчас происходят технологические преобразования, связанные с распространением сноумобилей, квадроциклов, мобильных телефонов, навигаторов, электрогенераторов, компьютеров. Всюду, хотя и в разной степени, эти новшества существенно преобразуют традиции и создают зависимость от внешних технологических ресурсов, открывая вместе с тем перспективы новых стратегий и приемов движения, мышления, кочевания, содержания стад. В обстановке «технологической революции» особенно значимо сочетание опыта стариков и активности молодежи, а также взвешенных действий администрации регионов и сельхозпредприятий. Из трех рассматриваемых арктических регионов ситуация регулируется, хотя и по-своему сложна, на Ямале и Кольском

полуострове, где судьба оленеводства находится в руках самих оленеводов. В Чаунской тундре Чукотки обстановка осложнена конфликтным противостоянием и системным расхождением позиций чукчей-оленеводов и дирекции сельхозпредприятия «Чаунское». На Кольском полуострове снегоходы стали главным средством окарауливания оленей, вытеснив ижемские упряжки, саамские вьюки, собак-оленегонок. Лишь в мае пастухи на месяц пересаживаются на упряжки, однако квадроцикл может вскоре оставить за оленьей упряжкой лишь «сувенирную» функцию. Техника позволила вдвое сократить численность бригад и заменить постоянное окарауливание пастушеской вахтой. Все эти новшества отчуждают пастуха от стада, который уже не ассоциирует кочевье с домом. Сегодня он больше похож на вахтовика, выезжающего в стадо на пару недель, а дети оленеводов знают оленя по большей части в виде оленины.

Кочевники опираются на традиции, но открыты и адаптивны к инновациям. Осмысление опыта и ценностей кочевников открывает возможность изменения отношения к самим кочевникам, их культурному наследию и ценностям. В конкретных ситуациях ресурсодобывающим корпорациям Севера часто недостает концептуально внятного и системно визуализированного представления о стиле жизнедеятельности коренного населения для согласования и оптимизации принимаемых решений. Современное освоение природных ресурсов Севера России предполагает новые сценарии взаимовыгодных отношений добывающих компаний с коренным населением, в котором «право сильного» не навязывается и не покупается (при принуждении или ущемлении противоположной стороны), а реализуется модель взвешенного диалога, баланса амбиций и сохранения приоритетов обеих сторон.

Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и интересов. В действительности, это взаимодействие насыщено встречными воздействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают, а развивают кочевую культуру. Многие традиционные технологии жизни-в-движении представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. Становление дис-

курса о понятиях движения и технологиях мобильности, от физических до виртуальных, имеет особое значение для Севера с его коренными кочевниками и подвижными мигрантами, в том числе вахтовиками и туристами.

Для адекватного исследования движения кочевников и его презентации и в научно-практических, и дизайнерских разработках создан новый метод записи движения, обозначаемый как ПКД (путь–карта–действие) и включающий три вида документирования: (а) GPS-запись (трек) передвижений человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года; (в) видеопоторяд действий. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, дающая многомерную картину движения с его пиками и паузами, персональными и социальными траекториями (Головнёв, 2014).

Этнографическое исследование мобильности предполагает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве-времени (у кочевников эти категории синтезированы). Соответственно, конкретная задача и опорная исследовательская база исследования состоит в документированной средствами этнографии и дизайна системе движения (последовательности действий) на индивидуальном и социальном уровнях у кочевников-оленеводов Ямала, Чукотки и Кольского полуострова.

Опора на феномен движения нова в науке и прикладных экспертизах, поскольку прежде не существовало разработанной методологии документирования и анализа жизненной мобильности – появление этих методов во многом связано с недавно открывшимися возможностями визуальной записи и презентации. В прошлом в гуманитарных науках акцент делался на фиксированных внешних формах и логически противопоставленных состояниях (в том числе «культур», «идентичностей», «интересов»); ныне в предлагаемом методе антропологии движения акцент смещен на общий для всех северян потенциал движения–действия, предполагающий оптимизацию (дизайн) ролей и функций в реальном взаимодействии.

Цель антропологического и этнологического исследования движения состоит в рассмотрении цепочки мотив–решение–действие как алгоритма жизни и деятельности, причем не в итогах, а истоках. В этом отношении антропология движения ориентирована не в прошлое, хотя осмысляет опыт истории, а в будущее с его сценариями и форсайтами. Обращенность к опыту прошлого, мониторингу настоящего и сценариям будущего придает антропологии движения практическую или прикладную перспективу. Например, она удобна в этноэкспертизе, как нам недавно довелось убедиться на Ямале. Именно картина движения позиционирует коренных кочевников Севера не как малые отсталые сообщества, заслуживающие снисхождения и опеки, а как равноправных партнеров освоения пространств Арктики, обладающих мощным потенциалом стратегий и конкурентными преимуществами в разработке перспективных совместных проектов, например, на стыке оленеводства и газодобычи, традиций и инноваций на Ямале [см.: Головнёв и др. 2014]. Осмысление опыта и ценностей кочевников открывает возможность изменения отношения к самим кочевникам, их культурному наследию и ценностям. В конкретных ситуациях ресурсодобывающим корпорациям Арктики часто недостает концептуально внятного и системно визуализированного представления о стиле жизнедеятельности коренного населения для согласования и оптимизации принимаемых решений.

Номадизм и неономадизм

Еще недавно номадизм рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить, осчастливив кочевников «переводом на оседлость». Искренняя убежденность в том, что номады – рудимент цивилизации, дополненная стремлением упрочить контроль над их территориями, настраивала чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших поселков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность номадов собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости.

Сегодня многое изменилось. С одной стороны, опыты перевода кочевников на оседлость обернулись «драмой поселков» с их депрессивной маргинальностью, отсутствием занятости и

полноценной самореализации (особенно мужчин) – в отличие от «здоровой тундры», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. в мире распространилась мода на неонадализм, чему в немалой степени способствовал бум туризма, кибер- и медиапутешествий; «новыми кочевниками» стали называть себя «люди сети» (кибер-номады) и «транслокальных культур», а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах [D'Andrea, 2006; Головнёв, 2014]. Правда, речь идет больше о виртуальности и метафорах, чем об устойчивых социальных явлениях, но сам дух мобильности изменил отношение к феномену движения и номадизма, востребовав, обновив и популяризовав опыт кочевников.

Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека, то номадология предстанет направлением, раскрывающим механизмы динамики и статики в человеческой истории и культуре, причем как в прошлом, так и в будущем. Иначе говоря, кочевник становится интересен не только как образчик экзотики, но и как образец энергии и движения, исконно присутствующих человеку и человечеству. Этот подход в корне меняет отношение к кочевникам, их культуре, технологиям, мотивациям. Вопрос состоит уже не в том, как научить кочевника правильно жить, а в том, как у него научиться философии номадизма и «комфорту в движении». В изучении этого феномена намечается, по меньшей мере, три тематико-хронологических горизонта: (1) номадизм как естество культуры с древнейших времен; (2) место кочевников в истории; (3) кочевые алгоритмы в современных технологиях мобильности. Иначе говоря, номадология нацелена не только на изучение конкретных кочевых обществ,

но и на познание потенциала движения человека.

Северность России – не только географический факт, но и огромный полигон возможностей, от ресурсных и геополитических до инновационно-технологических и этнокультурных. В реализации этого потенциала, в том числе в развитии арктических территорий и «северном измерении» России, первостепенное значение имеет осмысление и применение накопленного веками опыта кочевых стратегий, полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян. Без осмысления феномена мобильности/движения Арктика непознаваема и неприступна. Северная мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики. В традициях северных кочевников следует искать ключ к научному изучению, концептуализации и дизайнерскому позиционированию потенциала номадизма в современных практиках освоения Севера.

Литература

Головнёв А.В. Народы Арктики и Субарктики // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время. – М.: Наука, 2013. – С. 467–472.

Головнёв А.В. Кочевье, путешествие и неонадализм // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 4(45). – С. 133–138.

Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белорусова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. – 232 с.

Головнёв А.В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2(47). – С. 6–16.

D'Andrea A. Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, No 1. Pp. 95–119.

Andrei V. Golovnev

Arctic mobility: technologies and strategies

New field method of anthropology movement (TMA – tracking–mapping–acting) provides better understanding the Arctic nomads' experience and values, changes the image of nomads, their cultural heritage and customs. If nomads is seen as nature of human (remembering that humankind was born in migration), rather than archaism, then the nomadology is to be a clue uncovering dynamics and statics in human history and culture, both in past and future.

Keywords: Arctic, nomads, mobility, technology, strategy, Chukotka, Yamal, Kola peninsula.

В.М. Дьяконов, Р.И. Бравина

Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла)

Статья вводит в научный оборот редкий для территории Якутии артефакт – бронзовый топор-кельт, обнаруженный в 2013 г. в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия). Кельт относится к типу безушковых, украшенных линиями, треугольными фестонами и глазками. Похожий топор был найден ранее у пос. Мурья Ленского района Якутии в разрушенном погребении. Аналоги нюрбинскому кельту встречаются на территории лесной и лесостепной зоны Красноярского края и относятся к красноярско-ангарскому типу. Кельты, подобные нюрбинскому, синхронизируются с раннетагарским временем – VII–VI вв. до н.э., а их проникновение в Якутию связывается с носителями цэпаньской культуры раннего железного века из Северного Приангарья.

Ключевые слова: ранний железный век, бронзовые топоры-кельты, красноярско-ангарский тип, Виллой, раннетагарское время, цэпаньская культура.

Находки бронзовых изделий эпохи палеометалла в Якутии единичны. Общее их количество едва превышает 20 [Эртюков, 1990; Алексеев, 1996; Степанов, 2007, 2008]. За все время археологических исследований в Якутии был найден только один бронзовый кельт – мурьинский, обнаруженный в разрушенном погребении у пос. Мурья Ленского района Якутии [Федосеева, 1970, с. 137]. Орнамент мурьинского кельта состоит из двух парных вписанных друг в друга глазков, двух горизонтальных полосок, горизонтальной полосы, от которой вниз спускаются два парных фестона, разделённых тремя вертикальными линиями-разделителями. По классификации Г.А. Максименкова [1960, с. 151] этот топор относится к кельтам красноярско-ангарского типа третьей формы, отличительным признаком которых является закруглённое секирообразное лезвие. Кроме того, в 1940 г. А.П. Окладниковым при обследовании стоянки Областная Больница в г. Якутске был найден фрагмент одной из двух половинок литейной формы для отливки кельта, что явилось явным доказательством наличия местного бронзолитейного производства в Якутии [Окладников, 1950, с. 104–105]. Судя по этой находке, кельты, отливавшиеся в этой двусторонней форме, были узкими и небольшими по размерам – около 8–10 см высотой. Орнамент состоял из горизонтальной линии с тремя кружочками на ней [Окладников, 1941, с. 73, рис. 9, 3].

Летом 2013 г. жителем г. Нюрба Гераймовичем Олесем Петровичем на территории 2-го Бор-

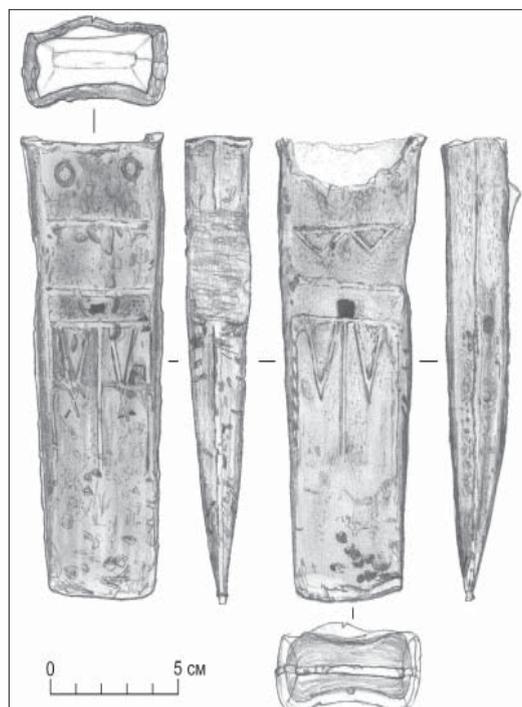
донского (Нюрбачанского) наслега Нюрбинского района Республики Саха (Якутия), в 18 км западнее Нюрбы, в 3,3 км северо-западнее устья р. Сы-айаан (левый приток р. Виллой), в урочище Хому-стаах на поляне был найден бронзовый топор-кельт, переданный им в дальнейшем в фонды нюрбинского Музея дружбы народов им. К.Д. Уткина (г. Нюрба). Топор изготовлен методом литья из бронзы, состав которой пока не изучен. Поверхность его практически полностью равномерно покрыта зеленовато-коричневато-серой патиной, но на выступающих участках местами виден металлический золотистый блеск. Кельт втульчатый, в сечении имеет клиновидную форму, в профиле – удлинённо-подпрямоугольную (рисунок). В районе втулки с одной стороны имеется утрата – скол размером 1,3×5 см. Высота кельта 15 см, ширина лезвия 4 см. Размер втулки у верхнего края 5,6×2,6 см, толщина стенок 0,3–0,5 см, глубина втулки 11 см.

Кельт относится к типу безушковых, украшенных линиями, треугольными фестонами (шевронами) и глазками. Почти вся поверхность топора имеет следы забитости и вмятины, лезвие сильно затуплено (забито). На боковых гранях по всей длине проходят литейные швы, но на одной стороне ближе ко втулке имеется сильная вмятина, сплющившая шов и деформировавшая боковую сторону. Втулка-насад кельта имеет подпрямоугольную форму со слегка закруглёнными углами. В результате забитости длинные стороны втулки загнуты внутрь.

Орнамент кельта состоит из нескольких ярусов (описание идёт от втулки к лезвию): 1) два рельефных колечка-глазка диаметром около 1 см, внутри которых вписаны меньшие по размеру кружки (расстояние от края втулки до середины глазков – 0,8–0,9 см); 2) горизонтальная линия, от которой вниз – в направлении лезвия спускаются вершинами вниз два равнобедренных тупоугольных треугольников (высота фестонов – 0,9 см); 3) горизонтальная рельефная полоска; 4) горизонтальная рельефная полоска, от которой вершиной вниз спущены два равнобедренных остроугольных треугольников, разделённых тремя рельефными вертикальными полосками-разделителями примерно в два раза более длинными, чем сами фестоны. Высота фестонов равняется 2,6 см, высота разделителей – 5 см. На одной стороне кельта второй ярус орнамента с фестонами почти не виден из-за забитости, зато на другой – не сохранились глазки из-за скола у втулки.

Над средними вертикальными полосками-разделителями с обеих сторон кельта имеются сквозные отверстия, на одной стороне – квадратное с округлёнными углами размером 0,6×0,6 см, на другой – подпрямоугольное с округлёнными углами размером 0,6×0,4 см. По мнению В.Н. Чернецова [1947, с. 75–76], такие отверстия на кельтах не использовались для прибивания топора к рукоятке при помощи гвоздей, а оставались в результате технических операций при отливке кельтов, когда в литейную форму при помощи двух цапф закрепляли сердечник, необходимый для получения втулки изделия.

В сезон 2014 г. нами обследовано место находки кельта. Выяснено, что он найден на позднеякутском поселении XVIII – начала XX в. Возможно, что кто-то из обитателей поселения случайно нашёл этот топор и принёс его к себе домой. Следы забитости и вмятины на поверхности кельта

Нюрбинский бронзовый кельт

явно свидетельствуют о попытках проверки прочности металла.

Аналоги нюрбинскому кельту встречаются на территории лесной и лесостепной зоны Красноярского края, но полных соответствий нет (не описаны кельты, у которых от верхней горизонтальной линии вершинами вниз спускаются тупоугольные треугольники). По классификации Г.А. Максименкова, проанализировавшего находки 75 кельтов и одной литевой формы, нюрбинский топор можно отнести к восьмой группе, а мурьинский – к третьей. Орнамент мурьинского почти идентичен таковому нюрбинского

кельта, но форма лезвия топора у первого – секирообразная, а у второго – слегка выпуклая. У нюрбинского кельта боковые стороны почти прямые, размер его крупный. Кельты таких типов синхронизируются с раннетагарским временем – VII–VI вв. до н.э. [Максименков, 1960, с. 151, 152, 155]. Соглашаясь в целом с такой датировкой, красноярский археолог Н.П. Макаров отмечает [2010, с. 198], что «внутренняя хронология кельтов красноярско-ангарского типа нуждается в дополнительной аргументации» ввиду того, что она не подкреплена находками на хорошо датированных памятниках.

Еще один красноярский археолог – В.И. Привалихин [1993], много лет исследовавший разнообразные памятники раннего железного века в Северном Приангарье и выделивший на основе этого цэпаньскую культуру, считает, что погребения на р. Лене у села Покровское, в устье речек Куллаты, Иччилях и ручья Бугачан, раскопанные А.П. Окладниковым, относятся именно к этой культуре раннего железного века. Появление на Лене и её притоках погребений с такой обрядностью и инвентарем, а также бронзовых кельтов с треугольными шевронами и «глазками» он связывает с проникновением на эту территорию из Северного Приангарья по долине реки Илим носителей цэпаньской культуры [Привалихин, 2011,

с. 167]. В целом, с ним соглашается А.Д. Степанов – в настоящее время основной исследователь культуры раннего железного века в Якутии. Он пишет, что «ряд аналогий в инвентаре приленских комплексов железного века с материалами цэпаньской культуры позволяет подтвердить предположение о приангарских корнях культуры раннего железного века Якутии, высказанное ещё И.В. Константиновым на примере аналогий с керамическим комплексом» [Степанов, 2014, с. 41]. К раннему этапу железного века Якутии, ограничивающемуся рамками VIII–III вв. до н.э. и в целом синхронному цэпаньской культуре, А.Д. Степанов относит и ряд бронзовых изделий скифского и раннесарматского времени импортного и местного производства: мурьинский кельт, некоторые из известных мечей (хоту-туулаахский, укуланский, сэндэлинский, возможно, сильгумджинский), наконечники стрел и котлы [Степанов, 2008; Степанов и др., 2014].

Таким образом, можно констатировать, что нахождение на среднем Вилюе ещё одного бронзового кельта раннетагарского времени связано с проникновением сюда носителей цэпаньской культуры раннего железного века из Северного Приангарья, а сам кельт, по-видимому датируется VII–VI вв. до н.э.

Литература

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Макаров Н.П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Мат. XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. (Томск, 19-21 мая 2010 г.). – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 196–198.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарского типа // Советская археология. – 1960. – №1. – С. 148–162.

Окладников А.П. Археология и основные вопросы древней истории Якутии (в связи с итогами работ Ленской археологической экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР и ИИМК АН СССР в 1940 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1941. – Вып. 9. – С. 63–79.

Окладников А.П. Ленские древности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 3. – 242 с.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. – С. 161–183.

Степанов А.Д. К аналогиям и происхождению некоторых бронзовых изделий Якутии (к вопросу о южных связях в эпоху железа и раннего средневековья) // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С. 196–199.

Степанов А.Д. Предметы скифо-сарматского времени в Якутии // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 167–174.

Степанов А.Д. История исследований железного века Якутии // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2014. – №2 (11). – С. 33–42.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Дж.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Изв. Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 7. – С. 106–112.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии (Тр. ПАЭ). – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – С. 128–142.

Чернецов В.Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. 16. – С. 63–79.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

V.M. Dyakonov, R.I. Bravina

Nyurba Bronze Celt (The Questions of Cultural Relations Between Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Epoch)

The article describes a bronze axe (celt) discovered in 2013 near Nyurba in the Republic of Sakha (Yakutia). Such artifacts are rarely found on the territory of Yakutia. The celt belongs to the type of earless axes and is decorated with

lines, triangular festoons and eyelets. A similar axe had been found earlier in a ruined burial near the village of Mur'ya in Lensky district of Yakutia. Analogs of the Nyurba Celt are found on the territory of the forest and steppe zones of Krasnoyarsk region and belong to the Krasnoyarsk-Angarsk type. Celts like Nyurba Celt are synchronized with the early stage of the Tagar culture and dated to the VII-VI centuries BC. Their penetration in Yakutia is associated with bearers of Tsepan' culture of Northern Angara region dated to the Early Iron Age.

Keywords: Early Iron Age, bronze celts, Krasnoyarsk-Angarsk type, Vilyuy, early stage of the Tagar culture, Tsepan' culture.

УДК 902.

В.Я. Бутанаев

Новые памятники кыргызской рунической письменности в Хонгорае (Хакасия)

Работа посвящена предварительному описанию новых памятников древнетюркской рунической письменности, найденных в 2015 г. на территории Хакасии.

Ключевые слова: древнетюркская письменность, руны, енисейские кыргызы, стелы, плитки для обучения письму.

Одним из высших достижений культуры енисейских кыргызов является создание рунической письменности. В степях Хакасии сохранилось около сотни памятников «кладбищенской поэзии» VII–IX вв. н. э.

В августе 2014 г. при паспортизации памятников древности в долине р. Абакан по заданию Хакасского национального музея (директор А.И. Готлиб) археологами под руководством Ю.В. Тетерина была обнаружена неизвестная ранее стела с древнетюркскими письменами. Она лежала у подножия горы Уйтаг на 64 км с левой стороны по трассе Абакан – Аскиз. Согласно хакасским легендам, гора Уйтаг названа в честь легендарного героя Одженбега, погибшего в битве с врагами в данной степи.

В апреле этого года на место расположения находки к подножию горы Уйтаг выехал проф. В. Бутанаев, который осмотрел памятник и выяснил его историческое значение. Последний представляет обелиск с древнетюркскими письменами, поставленный в честь кыргызского героя, жившего в 8–10 вв. н.э. (рис. 1). Он относится к очень редким находкам. Подобный памятник письменности, имеющий с двух сторон крупные надписи, на территории Хакасии был обнаружен археологом А.Н. Липским 46 лет тому назад в долине р. Уйбат. Он был прочитан впервые проф. В.Я. Бутанаевым [1973]. Ныне указанная уйбатская сабра (т.е. стела с надписью) находится в Хакасском национальном музее.

© В.Я. Бутанаев, 2015

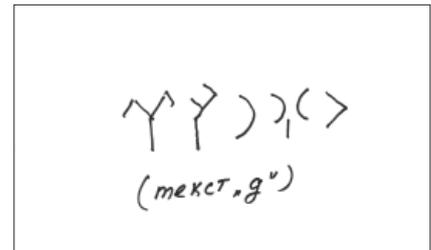
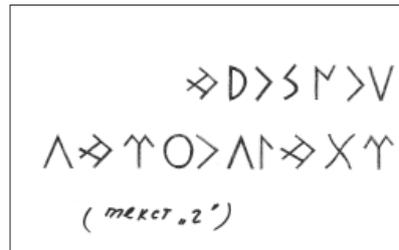
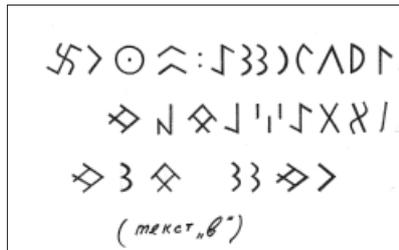
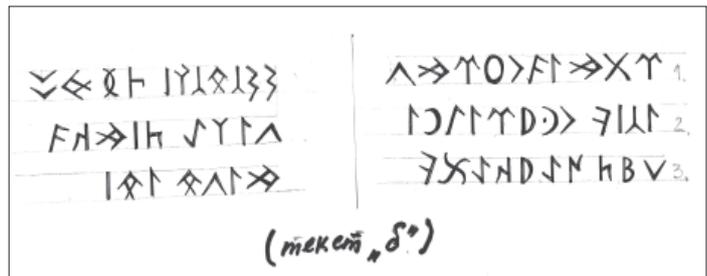
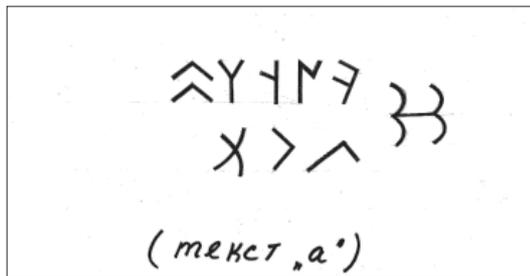

Рис. 1. Стела с древнетюркскими письменами

Девятого июня 2015 г. проф. В.Я. Бутанаев доставил из степи долины Абакана в Хакасский национальный музей эту новую неизвестную ранее каменную стелу с кыргызской рунической письменностью.

Уйтагская каменная стела весит около полутора тонн, длина 2,5 м, ширина 50 см, толщина 46 см. Она сглажена со всех четырех сторон. Этот камень представляет бывшее окуневское изваяние (II тыс. до н.э.) с мало заметной антропоморфной личиной, обрамленной в верхней части солнечными лучами. На вершине памятника виден соляренный знак.

В центре передней плоскости стелы имеются две короткие строки одна над второй, перед которыми вырезана тамга в виде двух параллельных изогнутых дуг в виде крыльев, соединенных посе-

редине глубокой линией (текст «а»)*. Длина линии 10 см., ширина размаха дуг 15 см. Подобные тамги на известных памятниках кыргызской письменности Енисея ранее не встречались. Однако они до сих пор бытуют среди тамговых знаков тюрков Хонгорая. Аналогичные родовые тамги под названием «харахус танма», т.е. орлиная тамга, имелись у сеюков кеджин (букв. беркут), бельгыр (букв. метисы), чыстар (букв. черневые) и под названием «пага танма», т.е. лягушечья тамга, у сеюков хобый и сайын [Бутанаев, 2004. № 390–416].

За тамгой следуют две короткие строки, верхняя длиной 22 см. состоит из пяти крупных знаков. Высота рун 5 см. Нижняя строка состоит из трех знаков длиной 14 см. Руны верхней строки глубоко прорезаны и четко читаются: «Кюнгил ат(ы)», т.е. его имя Кюнгил. Нижняя строка прорезана не совсем четко. Предположительное чтение: «сонч».

На правой боковой стороне находятся три строки кыргызской письменности длиной 71 см. со знаками, несколько разрушенными временем (текст «б»). Верхняя строка состоит из 22 плохо сохранившихся букв, высотой 4–5 см. Средняя строка состоит из 19 знаков и нижняя – из 20 рун. Письменные знаки читаются плохо. В начале первой строки можно прочесть слово «эрдем», т.е. доблесть, затем «эрим» – мой воин и предположительно «адырылдынгыз» – вы отделились (т.е. скончались). В других строках также читаются только отдельные слова (см. тексты).

На обратной стороне памятника, лежавшей ранее лицом на поверхности земли, находятся

три строки, расположенные по бокам. Первая строка длиной 60 см состоит из 11 знаков высотой 4–7 см (текст «в»). Две другие строки находятся с другого бока. Длина их составляет 120 см, высота знаков 3–4 см. (тексты «в», «г»).

Кроме уйтагского памятника письменности, в этом году на берегу острова Гладкий по р. Енисей на территории Усть–Абаканского района Хакасии была найдена каменная плитка с рунической надписью (рис. 2). Ныне она хранится в Национальном краеведческом музее города Абакана. Длина 8 см, ширина 9 см, толщина 1,7 см, длина надписи 6 см, высота букв 1,3–1,7 см. Надпись состоит из пяти хорошо читаемых знаков. Она гласит: «огын йер», т.е. место обучения (текст «д»). По всей видимости,

Рис. 2. Каменная плитка с рунической надписью

* Данный текст читается справа налево. – В.Б.

такие плитки применялись в школах, в которых дети обучались кыргызской грамоте.

Хонгорские фольклорные материалы донесли до нас память о древнем письме и об учебных пособиях, применявшихся в старинных школьных учреждениях. По поводу обучения грамоте у хакасов бытуют следующие загадки: «пиши-пиши ручка, записанный след (т.е. букву) не испортишь, познавший письмо китайчонок (т.е. ученик) выпущенную стрелу («огын», т.е. знания) не забудет». В других вариантах говорится: «пиши-пиши грифель, написанный след не испортится, видевший его простачок выпущенную стрелу не испортит»; «пиши-пиши дощечка для письма, написанный след не испортится, смотревший его китайчонок выпущенную стрелу не забудет» [Бутанаев, 2008, с. 334–335]. В данных примерах слово ручка, дощечка для письма или грифель обозначается по-хонгорски словом «пан» и несомненно связано с древнетюркским «бан» – доска (для письма), а второе – «чыны» отождествляется с понятием китаец, что свидетельствует о большом культурном влиянии Китая. Оба термина ныне забыты и сохранились только в указанных загадках.

В хонгорском героическом эпосе выдающиеся богатыри с рождения владеют грамотой: «отчетливо понимают, громко читают» тексты. Письмо и письменность передается термином «пичик», который является монголизированной формой древнетюркского «битиг» – книга, надпись.

Великие книги хранились в сундуках эпических героев. Они с древнейших времен передавались из поколения в поколение. Грамотность была характерной чертой только для богатырей – ханов. Простые люди письмом не владели.

В 1969 г. при моей работе над прочтением уйбатского памятника письменности в музей зашла пожилая женщина В.И. Марьясова 1917 г. рождения из деревни Листвягово (по-хакасски «Инзее»). Эта деревня находится в устье р. Туба, впадающей в Енисей под горой Тепсей, как раз напротив острова Гладкий. Она мне поведала невероятную историю. В. И. Марьясова была сама родом из пашенных татар (т.е. оседлых хонгорцев) из княжеского рода кыргыз. На горе Тепсей находилась их родовая пещера. При входе в родовую пещеру с двух сторон, по ее рассказу, стояли каменные львы. Когда ей было лет десять, то ее отец Иван (по-хонгорски Хароол) и дедушка Никифор (по-хонгорски Чыко) обучали юную Ма-

рьясову древней кыргызской грамоте, которая была похожа на знаки уйбатского памятника. Буквы древнего письма были вырезаны у них на серебряных пластинках, аналогичных, как теперь становится ясным, найденной в этом году плитке. В 1929 г. при раскулачивании зажиточных Марьясовых, ее отец и брат отца спрятали два сундука с серебряными вещами в родовой пещере в горе Тепсей. Вход в эту пещеру они замуровали. Поньше эти серебряные пластинки с письменами находятся там. В ее маловероятный рассказ тогда я не поверил. Но в дальнейшем, при работе с архивными документами, мне встретились сведения о том, что действительно Марьясовы относятся к хонгорцам княжеского кыргызского рода [ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 11]. Кроме того, в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартынова действительно находятся два каменных льва найденные на горе Тепсей. Необходимо отметить, что на этой горе имеются много надписей древнетюркского рунического письма, прочитанных тюркологом С.Г. Кляшторным.

Вполне возможно, исходя из указанных сведений, что знание древнетюркского рунического письма сохранялось у кыргызской аристократии вплоть до вхождения Хонгория в состав России. Например, в 1701 г. при заключении мира с Российским государством хонгорские князья составили договор «за их татарским письмом», которое было непонятно русским переводчикам. К началу XVIII в. в делах Красноярской воеводской канцелярии накопилось кыргызских «одинадцать писем, которые писаны на бумаге, да одно письмо на бересте, а подлинно оных писем перевести на русское письмо в Красноярске некому» [Бутанаев. 1990. С. 24]. К большому сожалению, Красноярская канцелярия в 1705 г. сгорела.

В этом сообщении эстампаж рунических надписей сделал художник Хакасского национального музея В. Агеев. Прорисовки части писем выполнены художником В. Кызласовым (см. тексты а, б. в. г.).

В целом надписи стелы с Уйтага читаются очень плохо. Чтение и перевод этого памятника древнетюркской письменности – задача для ученых тюркологов.

Литература

Бутанаев В.Я. Новая Уйбатская сабра // Ученые зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1973. – Вып.18, сер. фил.№2. – С.149–153.

Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 3. Хакасы. – М., 1990.

Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. – Абакан, 2004.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан, 2008.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 303. Оп. 1. Д. 11.

V. Ya. Butanaev

New monuments of the Kyrgyz runic writing in Khongoray (Khakassia)

The work is devoted to the preliminary description of new monuments of the ancient Turkic runic writing was found in 2015 on the territory of Khakassia.

Keywords: Ancient Turkish writing system, the runes, Yenisei Kyrgyz, steles, tiles for teaching writing.

УДК 94(571.6)

Л.И. Миссонова

Тунгусоманьчжурское «движение» в процессе освоения пространства Дальнего Востока*

Статья посвящена движению тунгусоманьчжурских этнических общностей в процессе освоения ими огромного пространства от Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока до Сахалина. На основе новых архивных данных автор раскрывает сложные миграционные процессы эвенков Центральной Якутии в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: тунгусоманьчжурские народы, антропология движения, пространство, освоение, миграционные процессы, этническая культура.

Вспомним, что еще в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [1897, 1902] значилось, что “тунгузское племя” широко раскинулось по огромной территории, от границ срединного Китая к северу до самого побережья Ледовитого океана и от берегов Енисея на западе вплоть до побережья Северо-Японского и Охотского моря. Тунгусоманьчжурские народы** и их активное освоение пространств Востока нашего континента в процессе постоянного движения давно интересуют ученых разных поколений и эпох. Неотъемлемой и значимой частью их истории, безусловно, является история освоения как территории современной Якутии, так и заселение Дальнего Востока «через» территорию Якутии.

Сделаем небольшой экскурс в историю тунгусоманьчжуров. По лингвистическим исследовани-

ям А.М. Певнова, в историко-фонетическом отношении наиболее архаичным среди тунгусоманьчжурских языков может считаться нанайский, «за ним следуют ульчский, чжурчжэньский и письменный маньчжурский; на противоположном полюсе находятся эвенский, орокский, удэгейский, современные маньчжурские диалекты, а также солонский – все они существенно, но по-разному фонетически отделились от гипотетического языка-основы...». Необходимо подчеркнуть, что почти все тунгусоманьчжурские народы живут в бассейне Амура (либо на его притоках, озерах...), исключение составляют лишь эвены и ороки (уйльта). И именно им как «языкам-мигрантам» по лингвистическим исследованиям естественно «свойственно максимальное количество глубоких фонетических изменений» [Певнов, 2008].

* Статья написана в рамках проекта «История Якутии».

** Согласно принятому в российской науке разделению, к тунгусоманьчжурским народам относятся живущие в России эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, ульчи, ороки (уйльта), орочи, негидальцы, в Китае – маньчжуры, сибо, эвенки, ороконы, хэчжэ, в Монголии – хамниган. См. подробнее: Решетов А.М. Расселение и классификация тунгусоманьчжурских народов (состояние и проблемы изучения) // Культура народов Сибири. Материалы третьих Сибирских чтений. – СПб., 1997. – С. 47; Народы Восточной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова и др. – М.: Л., 1965.

Анализ этнической лексики тунгусоманьчжурских языков может дать много важной информации для изучения истории и этнографии этих народов. Так, А.М. Певнов для поиска тунгусоманьчжурской прародины с успехом использовал в качестве «диагностической» лексики названия лиственных деревьев (березы, осины, ясень, дуба, тополя), лососевых рыб, потамонимов (названий рек), домашних животных и пришел к выводу о возможности включить в зону поиска прародины бассейн среднего Амура (Среднее Приамурье) [Там же, с. 67–81]. Что подтверждает ранее сделанные на основании археологических данных выводы А.П. Деревянко [1975, 1976]. Лингвистические данные позволили уточнить, что «родина языковых предков тунгусоманьчжуров находилась не в равнинных районах бассейна среднего Амура, а в гористой местности с хвойно-широколиственными лесами» (возможно, южная часть Буреинского хребта и Малый Хинган, параллельно р. Амур) [Певнов, 2008, с. 81]. Интересен факт отсутствия единого этимологически общего названия соли в тунгусоманьчжурских языках: существует семь разных по происхождению слов, обозначающих соль [Певнов, 1985, с. 19–35; 2008, с. 76–77]. Археологические и лингвистические материалы также подтверждают этнографические данные (в частности, касающиеся тунгусского цикла жизнеобеспечения, орнаментального искусства). Интересно, что у всех тунгусоманьчжурских народов название железа – общее, т.е. оно общее для «гипотетического праязыка» – “sele”. Причем, это название железа было в праязыке явно свое, оно не заимствовано из монгольских или тюркских языков, в отличие от названий серебра, меди, изделий из железа, кузнечного меха, которые имеют прамонгольское заимствование у непосредственных соседей [Деревянко, 1973, с. 243–245; Певнов, 2008, с. 76–77].

Существует также предположение многих российских и японских лингвистов (Певнов, Аврорин, Лебедев, японский исследователь Икегами) о том, что все носители пратунгусоманьчжурского языка имели представление о коневодстве (имеются слова, обозначающие “сено”, или “сухую траву”), а позднее об оленеводстве. В большинстве тунгусоманьчжурских языков известно наименование домашнего оленя *oro(n)*, однако в уильтинском и орочком есть иное название “*ulaa*” [Певнов, 2008, с. 78; A Dictionare, 1997; Аврорин, Лебедева, 1978, с. 288]. Поэтому дела-

ется однозначный вывод о том, что общим для всех тунгусоманьчжуров занятием была охота, которая «наряду с генетической общностью языков» стала объединяющим фактором, к примеру, оленеводов-эвенков, рыболовов-нанайцев и земледельцев-маньчжуров [Певнов, 2008, с. 81].

Находим существенные подтверждения этому и в археологических исследованиях А.П. Окладникова и А.П. Деревянко. Анализируя материалы археологических памятников территории, соседней с Маньчжурией, а именно Забайкалья, Приамурья и особенно среднего Амура (ныне район Благовещенска), а также Приморья, исследователи приходят к выводу, что исконные для тунгусской культуры таежные черты здесь и складываются – на границе тайги и степи. Именно здесь, возможно, шло формирование той этнической общности, основным признаком которой стали тунгусоманьчжурские языки [Окладников, Деревянко, 1973, с. 291–292].

На основании фаунистических остатков лошади, известных в памятниках урильской культуры, А.П. Деревянко считает возможным использование лошади у племен Дальнего Востока уже во II тысячелетии до н.э. [Там же, с. 242]. Ко второй половине (или к концу) II тыс. до н.э. можно гипотетически отнести и возникновение «самостоятельного центра черной металлургии» на юге Дальнего Востока (в Северном Китае не известны находки изделий из железа этого периода, там отмечается существование высокоразвитой техники выплавки бронзы). Данное предположение подтверждается реальными предпосылками освоения железа племенами Приамурья и Приморья. Они одними из первых в Восточной Азии переходят к железному веку. На юге Дальнего Востока, особенно в Приамурье, было много месторождений железных руд, среди них были и такие, где железо легко поддавалось восстановлению. Месторождений же меди на этой территории было крайне не достаточно. Поэтому, владея техникой выплавки бронзы, использовать ее было затруднительно, а освоить производство железа заставляла потребность в орудиях труда и вооружении [Окладников, Деревянко, 1973, с. 243–244].

Движение тунгусоманьчжурских этнических общностей в процессе освоения жизненного пространства при всей их малочисленности распространилось по огромной территории речных артерий Дальнего Востока и дошло до острова Са-

халин (а также позднее уже в середине XX в. – и до острова Хоккайдо).

Восприятие «острова» и «жизненного пространства» имеет отличимые особенности для коренных малочисленных народов и иного населения Сахалина. Кроме того очевидны различия восприятия пространства как реальной географической категории, так и мировоззренческой для различных общностей острова в разные исторические периоды. «Островное» пространство и связанную с ним идентификацию населения острова можно рассматривать, по меньшей мере, с четырех позиций:

осознание осваиваемого веками пространства острова малочисленными коренными народами (к примеру, народа уйльта: группы тунгусоманьчжурских этнических общностей переселялись на остров несколькими этапами и формирование народа происходило, очевиднее всего, уже на острове);

осознание пространства острова эвенками, переселившимися сюда в XIX в.;

осознание острова поселенцами и каторжанами конца XIX в.;

осознание островного пространства населением XX – XXI вв.

Идентификацию представляется возможным рассмотреть в первом случае посредством изучения артефактов духовной культуры малочисленной этнической общности. Важно отметить, что третью и четвертую категорию населения часто объединяет наличие «островной психологии» восприятия жизненного пространства. В то время как представители коренных народов воспринимают Сахалин как естественное продолжение материка, а не что-то отдельное от него.

В восприятии поселенцев и каторжан – это «*Quasi insula*»: «Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою... всякий желающий может пройти пешком или переехать на собаках. Да и летом пролив ненадежен: в самом узком месте, между мысами Погоби и Лазарева, он не шире шести-семи верст, а в тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на ... гиляцкой лодке и сто верст...» [Чехов, 1901(3), с. 31–33]. Несмотря на близость острова к материка современное насе-

ление Сахалина, живущее здесь не одно поколение, имеет (помимо этнической, религиозной и др.) «островную» идентификацию, четко отличающую от «материковской».

С точки зрения этнической психологии коренного населения, «остров Сахалин» – *nā žinū* – это «Земли голова» (уйлт.), а не что-то далекое, «оторванное» от материка. Предельно детальное знание особенностей пространства острова коренными жителями логично объясняется передачей сакральной информации, накопленной веками. Данная информация передавалась как средствами устного народного творчества, так и сакральными композициями в искусстве. Ярким примером служит т.н. Рукутамский жезл из воздушного захоронения шамана. Жезл как бы вобрал в себя всё пространство Сахалина [Миссонова, 2011]. На нём отражены все основные сюжеты сакрального мира – прежде всего реки и озера. Жизненно важными районами и позициями пространства о-ва Сахалин оказываются реки Рукутама, Поронай, Тымь, Камышовый хребет Западно-Сахалинских гор, п-ов Шмидта, п-ов Терпения, залив Терпения, залив Анива, оз. Невское, оз. Лодочное. Напрашивается предположение о давнем освоении этой общностью большей территории острова. Интересно, что характеризуя шаманство уйльта, Б.А. Васильев отмечает, что оно должно быть отнесено к гольдско-орочскому типу, далее он уточняет, что шаманы уйльта во время камлания перелетали через море, достигали Амура и выходили на реку Амгунь и верховья реки Удыль, т.е. к месту, где жили их предки с большим количеством оленей. Такое мифическое воспоминание хранится в памяти народа до сих пор [Основные черты..., 1929; Сем, 1989]. Ныне это место приходится на район имени Полины Осипенко в Хабаровском крае и предположительно Чукчагирское озеро*. «Тунгусское движение» также дошло и до Сахалина, в том числе и из этих мест. Потомки фамилии Соловьевы и сейчас живут в пос. Вал Ногликского района Сахалинской области.

По лингвистическим исследованиям, язык сахалинских эвенков имеет немалое количество заимствований из якутского, а это говорит о том, что предки сахалинских эвенков после прихода русских в Якутию вынуждены были мигрировать

* В сентябре-октябре 2015 г. была проведена экспедиционная и архивная работа по изучению эвенков и эвенов Хабаровского края (пос. Владимировка, пос. им. Полины Осипенко), а также Хангаласского улуса Якутии в рамках научно-исследовательского и издательского проекта «История Якутии» Академии наук Республики Саха (Якутии).

из Якутии. В результате большое число эвенков оказалось далеко за пределами Якутии – в частности, представители нескольких родов переселились на Сахалин, где они продолжали заниматься оленеводством.

По переписи 2010 г. на Сахалине живет 209 эвенков (и 63 якута)*.

Стоит заметить, как пишет А.А. Бурыкин [2001], что районы, прилегающие к Охотскому побережью, составляют прародину эвенского этноса и находятся сравнительно недалеко от исторической родины эвенков, которая, как показывают археологические и историко-этнографические данные, располагалась на территории современной Амурской области и северной части Хабаровского края. А.А. Бурыкин изучил этимологию названий тунгусских родов на материале топонимики Западного Приохотья и прилегающих к нему регионов и насчитал 68–69 родов (точнее родовых этнонимов, начиная с XVIIв.) эвенков (ламутов) и эвенков (тунгусов) Охотского побережья. При этом известны места их кочевания по рекам: Тауй, Ола, Тугур, Уда, Охота, Урак, Улья, Кухтуй, Иня, Мотыклей, Амгунь, Тором, Нимелен, Ульбея. Исследователь отмечает, что названия родов и территориальных подразделений эвенков и эвенков в изобилии представлены в документах, которые относятся к открытию и освоению Дальнего Востока в XVII–XVIII вв. Многочисленные и разнообразные родовые названия эвенков, проживающих на огромной территории от Тихоокеанского побережья до Томской области, были предметом изучения Г.М. Василевич [1969] и В.А. Туголукова [1985]. И.С. Гурвич [1966] писал: «Имеющиеся материалы о значительной концентрации тунгусов в бассейнах Ульи, Охоты, Ини и Тауя дают возможность полагать, что именно этот район был главным центром, из которого волны восточных тунгусов – эвенков устремлялись на запад».

Как следует из работ А.Н. Алексеева и Р.И. Бравиной, взаимовлияние этнокультурных систем Якутии и Дальнего Востока фиксируется в археологических культурах еще начиная с неолита; предполагаемые контакты населения Якутии раннего железного века с приамурскими пле-

нами по археологическим материалам датируются II–VIII вв. н.э. [Алексеев, 1996; Бравина, 2011]. Р.И. Бравина отмечает, что в исторической памяти якутов удивительным образом сохранились представления о том, что носителями культуры раннего железного века в Якутии были выходцы из Приамурья, а также Приморья (что соответствует археологическим данным) [Константинов, 1978; Дюпсинский наслег, 2009; Бравина, 2015]. О подобных контактах задумывался еще Г.В. Ксенофонтов: «...якутское черное шаманство в составе скотоводческой культуры якутов за весьма малым вычетом есть явление глубоко реликтовое, отражающее более древнюю прослойку якутского общества, корни которого, надо полагать, уходят в глубь аборигенного населения Амура, Маньчжурии и, конечно, самой Сибири, в значительном количестве инкорпорированных якутами»**.

Перейдем к истории XIX–XX вв. Обратим внимание на тунгусское «движение» с материка на остров Сахалин. Мною выявлены и изучены 83 метрические книги Сахалина (самые ранние записи в метрических книгах острова относятся к 1869 г., самые поздние – к 1925 г.), дающие информацию непосредственно о коренных народах острова, начиная с 1870-х гг. По данным метрических книг, за период с 1872 по 1921 г. прошли акт крещения 1099 чел., относящихся к малочисленным этническим общностям***. Начиная с 1870-х годов, метрические книги фиксируют данные об эвенках, переселившихся на остров из следующих мест с территории Якутии (дословно, как написано священником):

- «- Жерский наслюг;
- Западно-Кангальский улус;
- Орсуйский наслюг (д. Шестаковка?);
- Яах(к)инский наслюг;
- У/Ииш Кангалаский род Якутской обл.;
- Восточно-Кангалас. улус 1;
- Нахарский наслюг Якут. обл.;
- Татгинский улус».

И всё же, когда и почему переселились на остров эвенки? На этот вопрос еще предстоит неоднократно искать ответ в многочисленных архивных материалах.

* Данные Всероссийской переписи населения 2010 года / Электронный архив Института этнологии и антропологии РАН. Москва.

** Архив ИГИИПМНС. Ф.4. Оп. 1. Рукописные материалы Г.Ф. Ксенофонтова.

*** Данные о родившихся и крестившихся см.: ГАСО. Ф. 23-и. Оп.2. Д. 2-5, 8-9, 10-12, 13, 15, 19, 21, 22, 24, 32–33, 34, 35, 37, 39, 42, 48, 49, 50, 59, 62, 63, 66, 69, 76, 87, 93, 98, 107, 125.

В 90-х годах XIX в. Вл.И. Йохельсон [1895] писал, что в Якутской области тунгусы «не изменили своего исконного образа жизни и не усвоили себе новых потребностей и привычек, сделавшись даже соседями русских. Они еще и теперь почти все бродячие звероловы». Падение оленей и вследствие этого разорение оленеводов, как пишет И.И. Майнов [1898], иногда приводили «к смешению с якутами» (т.е., они женились на якутках, забывали свой язык), но в основном тунгусы всё равно возвращались в тайгу, к звероводству. По архивным материалам и исследованиям И. Георги, А. Миддендорфа, В. Йохельсона, И. Майнова, С. Патканова, Г. Башарина, тунгусы Якутского края, в отличие от своих южных собратьев, были прежде всего оленеводами, а уже затем – звероловами. Одновременно исследователи отмечали, что в XVII–XVIII вв. уже шел процесс распространения скотоводческой культуры якутов на крайнем Северо-Востоке Сибири и на Западе, в бассейне Вилюя [Там же, с. 42–43, 142, 145; НА РС(Я). Ф. 1427; Георги, 1777, с. 44–45]. В последней трети XVIII – первой трети XIX в. у тунгусов Якутии, которые осваивали скотоводческую культуру, возникал естественно земельный вопрос, а точнее вопрос о сенокосах и пастбищах для рогатого скота и лошадей. Но царское правительство воспринимало тунгусов Якутии однозначно лишь как оленеводов, охотников и рыболовов, ведущих бродячий образ жизни. Никакого законного права, предоставленного тунгусам государством, на владение сенокосными и пастбищными угодьями не было. Якутские тойоны пастбищные угодья давали тунгусам за оброк.

Тунгусское население Якутского края занимало огромную территорию несмотря на свою малочисленность (по данным Б.О. Долгих, в середине XVII в. в Якутском округе насчитывалось 12580 тунгусов, из них в районе Охотска – 1300): лесотундру – от бассейна р. Анабара на западе до чукотско-корякского района на востоке. В таежной зоне больше всего тунгусов обитало на территории собственно Якутского округа (в Кангаласском и Майском административных ведомствах). Кочевье кангаласских тунгусов простиралось на обеих сторонах р. Лены, охватывая районы низовьев р. Учюра, верховьев рр. Алдана, Амги, Батомы, Талбы и бассейнов рр. Синяя и

Марха. Кочевья майских тунгусов занимали бассейны р. Май и среднего течения р. Алдана. На территории Якутского округа кочевали намские, баягирские тунгусы в низовьях р. Алдана и в южных отрогах Верхоянского хребта. Вилюйские тунгусы (входившие в Вилюйский округ) обитали в таежном районе между рр. Леной, Вилюем и Оленеком. Район обитания олекминских тунгусов (Олекминского округа) занимал обширную территорию между рр. Леной (на западе), Амуром (на юге), Олекмой (на востоке) и Витимом (на западе) [НА РС(Я). Ф. 1483..].

На всей этой обширной территории проживало, по данным переписей, в 1858 г. немного меньше 11 тысяч тунгусов (таблица) [Плотников, 1925]. При этом наибольшее их число было в Якутском округе. По данным 1897 г. происходит уменьшение их количества в Якутском, Колымском, а также в Верхоянском и Олекминском округах, но увеличивается в Вилюйском, а к 1917 г. в Верхоянском и Колымском округах.

Округ	Всего душ обоего пола		
	1858 г.	1897 г.	1917 г.
Якутский	5206	4636	4447
Вилюйский	2897	4362	3668
Олекминский	875	732	487
Верхоянский	592	318	1648
Колымский	1269	875	1013

В 1860-х гг. издаются императорские указы о порядке перечисления тунгусов разных ведомств из Якутской в Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области [НА РС(Я). Ф. 15...; Ф. 15и...]. Предписывается собирать заявления и составлять списки «семейств бродячих инородцев», желающих «перейти в другую область». По архивным документам видно, что, по крайней мере, до 1865–1866 гг. постоянно вновь и вновь предписывается разным ведомствам составить «подробную ведомость о находящихся в неизвестной отлучке тунгусов различных родов, с показанием поименно и сколько состоит за каждым из них недоимки...» [НА РС(Я). Ф. 15...; Ф. 15и...; Ф. 19и...; Ф. 12... Оп. 1. Д. 2559; Ф. 12. Оп. 1. Д. 4986]. В результате это порой заканчивалось списанием с них ясачных недоимок. Таких случаев поиска «отлучившихся тунгусов» было не мало*.

*Заметим, что одновременно с этими процессами движения происходило распространение напечатанного в московской синодальной типографии тунгусского букваря и словаря. Тираж составлял 2400 экз. (Такому тира-

Таким образом, всё большее число тунгусских семей и родов переходило в Приморскую и Амурскую области [НА РС(Я). Ф. 15а...; Ф. 19и; Ф. 12...], куда изначально бежали, чтобы не выплачивать ясак. Как было сказано выше, И.И. Майнов писал в 1898 г., что тунгусы Якутского края «прежде всего оленеводы, а уже затем – звероловы» [Майнов, 1898]. Однако в товарообменных отношениях успех именно в области «звероловства», а точнее добычи пушного зверя (наряду с охотой на лося и дикого оленя), имел особое значение для тунгусских народов. Как и у иных народов Севера, «обмен» происходил как в форме дара и др. видов нерыночного дележа внутри сообщества, так и обмена «по вертикали», т.е. с государственной властью (в виде ясака, дани...). Причем отношения могли выстраиваться с властями различных государств. Уплата дани привела к хищническому истреблению диких животных уже в XVII–XIX вв. на северо-востоке и др. окраинах Якутии. В 1844 г. Миддендорф писал, что к северу от р. Половинной (приток Уды) тогда уже не было лосей, а «соболи были почти совершенно истреблены». Таёжные оленеводы и охотники облагались ясаком, который здесь большей частью вносился пушниной (соболем, белкой, лисицей..., ясаком облагались все мужчины от 18 до 50 лет). В 1641г. число вывезенных только соболей составляло 29785 [НА РС(Я). Ф. 1453...]. Однако пушной промысел способствовал и новым общественным межэтническим отношениям, а именно – торговле [Устав об управлении инородцев...]. Еще в начале XIX в. в Якутии функционировали три десятка крупных торговых ярмарок, в т.ч. на территории Якутского округа – на реке Мая и Охотская [Константинов, 2006].

Тунгусы из различных наслегов Кангаласского, Горного и Алданского улусов выезжали с товаром в Алдан и, возможно, на Амур, где проводились ярмарки. В 1920-е годы была проложена дорога для грузоперевозок из Якутска в связи с открытием золотоносного прииска Незаметный на Алдане, через м. Джэкомда именно по одной из традиционных торговых эвенкийских троп [Шадрина, Дьячкова, 2015].

В Национальном архиве Якутии хранится ведомость Западно-Кангаласской инородной управы «О торговых оборотах, производимых обывателями Западно-Кангаласского улуса, на ярмарках тунгусских стойбищ Приморской области, как то: Учурской, Удской, и Ниманской. За 1904 год» [НА РС(Я). Ф. 15. Оп. 6...]. Вывезено на ярмарку 1000 оленей по 20 руб. на сумму 20000 руб. Продано скотского масла 700 пуд по 20 руб. (предполагали по 14 руб.) на 14 000 руб.; жиру 600 по 9 руб.(предполагали по 6 руб.) на 5400руб.; ножи, пальмы и проч. – 1000 по 25 руб. (предполагали по 20 руб.); 1000 оленей по 25 руб. на сумму 25000 руб.. Всего продано на 45000 (предполагали на 33850 руб.). Однако «прибыли в 1904 г. нет, а убытку нанесено на 27500 руб.» из-за расходов на вывоз на ярмарку и обратно, а также из-за «приобретенной пушнины и проч.»: «соболей 400 шт. по 50 руб.», «кабарговых... 300 шт. по 5 руб.», «медвежьих шкур – 100 шт. по 8 руб.» Анализируя подобные ведомости, приходишь к выводу о существенной разнице определения «прибыли» и «убытка» у чиновников и тунгусов.

Рассматривая в целом тунгусские (и тунгусо-маньчжурские) пути товарообмена на карте Дальнего Востока, в т.ч. Якутии, прежде всего, можно

жу можно позавидовать в XXI веке!). Из Москвы исполняющий должность советника (Ф. И. не разборчиво – в виде подписи) конторы Московской синодальной типографии Хозяйственного управления при Святейшем синоде (Ведомство православного исповедания) 18 декабря 1859 г. пишет письмо (№ 10364) в Якутское духовное правление (НА РС(Я). Ф.225-и. Оп. 1. Д. 2205. Л. 2-4):

«Вследствие предписания Хозяйственного управления при Святейшем синоде от 28 декабря 1857 года за № 7723, напечатано в Московской синодальной типографии на счет сумм Синода 2400 экз. тунгусского букваря и Краткого словаря, каждой книги по 1200 экз., из коих по 56 экз. переплетено в корешок, а остальные по 1144 экз. в бумажку, каковые за исключением 12 библиотечных экземпляров, и отправляются в оное Правление частями через почту.

Извещая о сем Якутское духовное правление, контора типографии покорнейше просит о получении означенных книг уведомить контору.

Исправляющий должность советника.....(подпись).

Секретарь.....(подпись)»

Далее в архивном деле хранятся письма (в основном датируемые июлем 1860 г.) различных священников, направленных в Якутское духовное правление, о получении экземпляров книг с заверением о том, что буквари и словари «при первом случае будут розданы тунгусам здешнего прихода», будут розданы «тунгусам в их стойбищах» (письма из Аянской Богородско-Казанской церкви, Виллойской церкви, от благочинного охотских церквей (сентябрь 1860 г.), походной Николаевской церкви, походной Благовещенской церкви, Олекминской Спаской церкви, от благочинного приморских церквей и миссий (ноябрь 1860 г.).

выделить два положения. Во-первых, попытки обмена товарами происходят между территориями, явно удаленными друг от друга географически (изолированность этих территорий во все века зависит от конкретных погодных условий, времени года). Во-вторых, удаленность для кочевых народов не является основанием ограниченности в отношениях обмена. Напротив, она побуждает к освоению больших пространств. В результате длительных вековых ярмарочных отношений в «традиционную» культуру проникают и прочно обосновываются элементы далеко не соседних культур. Торговые пути на Дальнем Востоке служат вековыми «кодами» памяти пространства распространения этнических культур.

Очевидно, что процесс «движения» можно изучить с разных сторон по разным источникам: археологическим, лингвистическим, архивным историческим документам XIX и XX вв., включая метрические книги. Но кроме этого, представляется многогранным материал образования и существования системы ярмарок, товарообмена и, в конечном счете, торговли. Что представляло однозначный интерес в торговом сопросранстве культур? Как явствует тунгусская лексика [Сравнительный словарь, 1977], это материальные предметы, имеющие далеко не только практический смысл. Среди них много и таких, которые однозначно служат духовной стороне жизни, имеют сакральный смысл. Обмен товарами на Дальнем Востоке всегда причастен к дальнему путешествию. При этом сакральное (освоенное) пространство воды и суши (материка и острова) воспринималось единым. Постоянной движущей силой в создании сезонных ежегодных путей, ведущих к местам товарообмена, были именно ярмарки. Структуру и колорит пространства товарообмена (включая сбор налогов) выразительно демонстрируют рисунки японских художников (с 1857 г.), хранящиеся в библиотеках г.Хакодате и Национального этнографического музея г. Осака.

По данным тунгусоманьчжурского словаря, понятия, обозначающие «силу (производящую)» и «путь» знаменуют начало словарной базы тунгусоманьчжурских языков. «Движение» тунгусоманьчжурских этнических общностей в процессе освоения жизненно важного пространства при всей их малочисленности распространилось по огромной территории речных артерий Дальнего Востока и дошло до Сахалина (а в середине XX в. – до Хоккайдо). Происходит естественное освоение раз-

ных экологических ниш различными этническими культурами. При этом взаимопроникновение и взаимообогащение культур соседствует в ходе освоения как традиционных, так и новых территорий. Каждый из народов является безусловным проводником своей культуры жизнеобеспечения, что ярко проявляется и в вековых торгово-обменных отношениях.

Литература и источники

НА РС(Я). Ф. 1457. Оп. 2. Д. 199. Л. 1-4, 13-15. Машинописная ст. (15 стр.) 1957 г. профессора Башарина Г.П. (1912-1992) «Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVII – первой трети XIX вв.».

НА РС(Я). Ф. 1453. Оп. 1. Д. 36. Л. 1. Машинописная статья Ф.Г. Сафронова о тунгусском населении второй половины XIX и XX вв. (название не установлено). 1957 г. 16 с.

НА РС(Я). Ф. 15. Оп. 6. Д. 577. Л. 1-2.

НА РС(Я). Ф. 15. Оп. 1. Д. 294. Л. 1-4; Ф. 15и. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1-2 об.

НА РС(Я). Ф. 15и. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1-2 об.; Ф. 19и. Оп. 1. Д. 2239. Л. 23 об.-24. 72-73, 75-76; Ф. 12. Оп. 1, Д. 2595. Л. 6, 9-9 об., 28-28 об.; Д. 4986. Л. 1-1 об.

НА РС(Я). Ф. 15. Оп. 1. Д. 294. Л. 1-2 (с об) По Указу Его Императорского Величества 25 октября 1868 г. высылается Якутскому окружному полицейскому управлению послание, в котором оповещается, что «в Якутском областном правлении слушали записку 3-го отделения сего правления от 29 февраля с.г. ... о порядке перечисления тунгусов разных ведомств из Якутской в Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области.» Предписывается собирать заявления и составлять списки «семейств бродячих инородцев», желающих «перейти в другую область» (Л. 3-Зоб.-4.). Далее 15 ноября 1868 г. высылаются соответствующие указания окружным полицейским управлениям: Олекминскому, Колымскому, Вилюйскому, Верхоянскому и Якутскому – о «возможности переселять в Амурскую область лишь тех сибирских инородцев, которые обязуются устроить там оседлые хозяйства», однако «приказали» «разрешить, в виде временной меры, бродячим и кочевым инородцам переселиться в Амурскую область... чтобы инородцы известного ведомства, по возможности, переходили целыми родами и чтобы с переходом в Амурскую область они продолжали вносить определенный с них ясак.» Далее, хранящиеся в деле архивные документы 1869-1870 гг. рассказывают и о возможном переселении также в Приморскую область тунгусских и якутских семей, изъявляющих на то желание (Есть списки якутских семей).

Ф. 15и. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1-2 об. Указ из Якутского областного правления о перечислении тунгусов 3-го

Эжанского и Бытальского родов Учурского ведомства Якутской области к Удскому округу Приморской области был со 2 ноября 1860 г. Подтверждается перечисление в указе от 12 апреля 1861 г. по факту обнаружения их в Приморской области: тунгусы, как записано в документе, сами ранее будто «не изъявили желания причислиться к Удскому округу...», поэтому бывший староста Бытальского рода Дмитрий Соловьев «выезжал под предлогом сбора с подведомственных ему родовичей ясака... собирает его и с тех тунгусов, которые отчислены к Удскому округу, внушая им, что они состоят при прежних своих казенных родах и что об отчислении их никакого распоряжения делано не было» и будто они числятся в Якутской области.

Ф.19и. Оп.1. Д.2239. 76 л. Указы Якутского областного правления Олекминскому окружному управлению, переписка со старостами Кандигирского и Хахагирского родовых правлений.

Л.23-24. Указ из Якутского областного правления Олекминскому окружному управлению от 29 декабря 1860 г., направляется 9 января 1861 г. Согласно указу предписывается Якутскому земскому суду и окружному управлению «собрать сведения, в каком количестве и какие роды инородцев и когда перекочевали в Амурскую область из Якутской, с пояснением при том, к какому разряду принадлежат те инородцы, т.е. к кочевому или бродячему, в полном ли числе родов своих они перекочевали или только частями, сколько душ мужского и женского пола..., и наконец, какое количество ясака вносят казне; и доставить таковые немедленно областному правлению...»

По архивным документам очевидно, что до 1865–1866 гг. постоянно вновь и вновь предписывается «составить подробную ведомость по окружному управлению, о находящихся в неизвестной отлучке тунгусов Киндигирского и Хахагирского родов Олекминского округа, с показанием поименно и сколько состоит за каждым из них недоимки...» (Л.59об. – 60). Эти указы не исполняются, как следует из переписки, вплоть до 14 октября 1866 г. продолжают запросы о «потерявшихся», «отлучившихся» «тонгусах» этих родов (Л.72–73).

В результате Всемилостивейшего Манифеста от 28 октября 1866 г. повелевается «исключить из числа ясачных недоимок, считающихся на тунгусах Олекминской округи Киндигирского и Хахагирского родов одну тысячу триста восемьдесят восемь руб. девять с половиной коп.». (Л.75об.–76) В переписке в феврале 1867 г. появляются сведения о том, что эти тунгусы «при неизвестной на отлучке неправильно были записаны в ревизской сказке 10 народной переписи... Таковых... записанных тунгусов оказалось в родах в первом 57 душ и в последнем 64 души мужского пола, на них считаются недоимки по отчетам окружного управления ясака...» (Л.75).

Ф.12. Оп. 1, Д. 2595. 173 л. Письма от военного губернатора Амурской области (Благовещенск, Л.6 от января 1883 г.) (от 17 апреля 1884 г. Л.9–9об.), Приморского областного правления (Хабаровск) (от 17 марта 1890 г. Л.28–28об.) губернатору Якутской области, в Якутское областное правление – ходатайства от тунгусов Усть-Майского ведомства Якутской области – Майского рода, 2-го Бытальского рода – о перечислении их в Амурскую область и в Бытальский бродячий род Удского округа.

Ф.12. Оп.1. Д. 4986. Из Приморского областного правления 26 февраля 1886 г. (г. Хабаровск) в Якутское областное правление: высылается письмо и список тунгусов, «находящихся в Охотском округе, перекочевавших из Якутской области, составленный 27 февраля 1884 года, а также ревизской сказки и список тунгусам, проживающим с давних лет в Охотском округе, перечисленных уже в Приморскую область – в 1869 году, покорнейше прося, с возвращением вновь составленного списка, уведомить областное правление, не имеется ли каких препятствий к перечислению перекочевавших в последнее время тунгусов в Приморскую область» (Л. 1–1об.)

Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. 120. С. 394–416 // Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. – М.: Юриформцентр, 1999. [Официальный сайт Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). - <http://iltumen.ru/node/576>]. В главе V «Общая права кочевых инородцев» указаны основные принципы, которые должны соблюдаться на ярмарках: § 45. «Инородцы имеют право сбывать свои произведения и лов продажею и меною в городах, селениях и на учрежденных ярмарках». § 46. «Позволяется свободная торговля с кочующими во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков». § 47. «Ввоз и продажа горячих напитков в стойбищах и на ярмарках кочующих строжайше запрещается». § 48. «Торговля с кочующими служащим в той же губернии чиновникам, под каким бы то предлогом и видом ни было, запрещается».

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие тексты и словарь. – Л.: Наука, 1978. – 264 с. – С. 238.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск, 1996. – С.19–22.

Антон Чехов. Остров Сахалин (Из путевых заметок). Третье издание / Сочинения А.П. Чехова. – Том X. – Пг.: Издание Т-ва А.Ф. Марксъ. [1901(3) г.]. – С. 31–33.

Бравина Р.И. Дальневосточный культурный комплекс в зеркале этнической истории саха // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск, 2014. – С. 226.

Бравина Р.И. Курс Хоро – «страна, где зимуют птицы... (Приамурье и Приморский край в легендах и преданиях якутов) // Восьмые Гродековские чтения:

Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне «Становление и сохранение российской цивилизации на Дальнем Востоке России в XIX–XXI вв.» / под ред. Т.В. Мельниковой. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015.

Бурькин А.А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // Традиционная культура Востока Азии: Вып. 3. – Благовещенск, 2001. – С. 246–253. – С. 246.

Василевич Г.М. Эвенки. – Л., 1969. – С. 262–287.

Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч.3. – СПб., 1777. – С. 44–45.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., 1966. – С. 33.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 355 с.

Деревянко А.П. Приамурье в древности (до начала нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976.

Дюпсинский наслег Усть-Алданского улуса / сост. Сыроватский И.И., Ховрова М.И., Романова М.И. – Якутск: Бичик, 2009. – 544с. (на якут.яз.). – С. 12.

Иохельсон Вл.И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. Памятная книжка Якутской области на 1896 г. – Якутск, 1895. – Вып.1. – С. 130.

Константинов В.С. Аяно-Майский район (Краткие заметки о минувшем и нынешнем). – Хабаровск, 2006. – С.12.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 60.

Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Восточно-Сиб. отд. Импер. Русского геогр. общества. – Ирк., 1898. – № 2. – С. 142, 145.

Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч.2. Отдел 6. – СПб., 1878. – С. 743, 784.

Миссонова Л.И. Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической культуре Северной Азии: артефакты Сахалина // Археология, этнография

и антропология Евразии. – Новосибирск, 2011. – № 4 (48). – С. 119–129.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973. – 440 с.

Основные черты этнографии ороков // Этнография. – 1929. – № 1. – С. 20.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки Импер. рус. геогр. об-ва. – СПб., 1906. – Т. 31. – Ч.1, вып. 2. – С. 240.

Певнов А.М. О названиях соли в тунгусоманьчжурских языках // Лексика тунгусоманьчжурских языков Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 19–35.

Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусоманьчжурской проблемы // Вопросы языкознания. – 2008. – № 5. – С. 64, 65, 66.

Плотников М. О приросте некоторых сибирских туземных племен // Северная Азия. – 1925. – Кн. 4. – С. 15–17, 19–21.

Сем Т.Ю. О погребальной обрядности ороков (По материалам экспедиции 1986 г. // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Ю.-С., 1989. – С. 111.

Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л., 1975. Т.1. – 672 с. – Л., 1977. Т. 2. – 992 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985.

Шадрина Г.Е., Дьячкова Ю.Е. Агдааки (5-й Малжагарский наслег). История. Фольклор. Культура. – Якутск, 2015.

Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. (Лейпциг) и Ефрон И.А. – СПб. Т. 22. – СПб., 1897. Т. 34. – СПб., 1902.

A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin by Jirô Ikegami. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. – 294 p. – С. 218.

L.I. Missonova

The Tungus "movement" in the process of development of the Far East

The article is devoted to the movement of the Tungus – Manchu ethnic communities in the process of development of the huge area of the North-Eastern Siberia, the Far East and Sakhalin. On the basis of new archival data the author reveals the complex migratory processes Evenks of Central Yakutia in the late XIX - early XX century.

Keywords: Tungus Manchu peoples, anthropology movement, space, exploration, migration, ethnic culture.

М.Х. Белянская

История и культура эвенков Якутии в исследовательских материалах ученых России

Рассматриваются материалы ученых России, занимавшихся в разное время изучением истории и культуры эвенков Якутии. Благодаря этим исследованиям, сегодня современное поколение ученых продолжает работу в этом направлении, подтверждая уже имеющиеся выводы, вводя в научный оборот архивные материалы, собственные исследования и т.п., обогащая этнокультурную картину одного из северных народов Якутии – эвенков.

Ключевые слова: тунгусы-эвенки, оленеводство, охота, кочевой образ жизни, ассимиляция, научные исследования, ученые России.

В предлагаемой статье представлен некоторый материал ученых России, занимавшихся в разное время изучением этнической истории и культуры эвенков Якутии. Общеизвестно, что с XVII в. шел процесс накопления научных знаний о народах Сибири, в котором принимало участие не одно поколение путешественников и исследователей. В результате чего создавалась этнокультурная картина, например, эвенков, расселенных ныне по всей территории Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Итак, рассмотрим историю и культуру локальной группы эвенков Якутии, используя исследовательские работы таких ученых, как И.И. Майнов, В.И. Иохельсон, В.Н. Харузина, В.Л. Серошевский, Г.В. Ксенофонтов, М.К. Патканов, В.А. Туголуков, С.И. Николаев и др.

Эвенки, будучи кочевым народом, в ходе своей истории приобрели ряд этнокультурных особенностей, выделявших их среди других жителей Сибири. Одна из них заключается в широком ареале расселения почти по всей азиатской территории России при небольшой численности этноса [Туголуков, 1985, с. 4]. Главной целью этих активных передвижений был поиск новых, богатых дичью и пушниной, мест. «В своих передвижениях тунгусы не обращали внимания на границы округов... не стесняются они даже границами государств», – писал С.К. Патканов [1906, с. 33–34].

Современная территория Якутии – это обширное территориальное пространство, находящееся в различных климатических зонах. Природное разнообразие и немногочисленное население этого края в прошлом, видимо, стали причиной по-

явления здесь тунгусских племен [Иохельсон, 1895, с. 142]. Однако данные земли уже были заселены населением более древнего происхождения. Так, С.И. Николаев считал, что ранее эта территория полностью была юкагирской [ПМА]; аналогичного мнения придерживались и другие исследователи. Например, В.Н. Харузина [2007, с. 226] писала: «У самого побережья Ледовитого океана живут юкагиры, оттисненные туда чукчами и тунгусами». Таким образом, некоторое время назад во владения древних юкагиров пришли тунгусы, которые превышали этих аборигенов по численности. Многоэтапное заселение данных мест тунгусами и благоприятные природные условия позволили достаточно быстро им освоить эти земли [Энциклопедия Якутии. 2000, 124]. У Н.В. Ермоловой [2001, с. 182] находим информацию, где она указывала, что тунгусы для своего местожительства выбирали, как правило, тот ландшафт, который соответствовал их месторазвитию и хозяйственному укладу, что способствовало сохранению равновесия в их культуре.

Позже на эти земли пришли скотоводы – предки якутов, которые были еще более многочисленными и воинственными, чем тунгусы. В.Л. Серошевский [1993, с. 214] писал: «...откуда бы ни шли якуты в присвоенные ими места, они должны были прорываться сквозь кольцо, образуемое тунгусами. Тунгусы хоть и сопротивлялись нашествию, но уступили перед натиском хорошо вооруженных и организованных пришельцев. Они ушли в труднодоступные места, оказавшись в недосягаемости от конных всадников». Также по материалам этого исследователя известно, что

якуты всегда ценили боевые способности тунгусов, они говорили: «Ловкие, как тунгусы» [Там же]. Таким образом, в дорусский период истории на территории современной Якутии многочисленным населением были якуты, а тунгусы, как и другие аборигенные народы, проживали уже на периферии данных земель.

Первое знакомство русских землепроходцев с тунгусами произошло в начале XVII в., когда в Сибирь пришли первые казачьи отряды. Так, в первой половине 1620-х гг. здесь появился отряд промышленника П. Пянды с 40 казаками, открывшими р. Лену. Они дошли до места, где будет несколько позже простроен Якутский острог [Полевой, 1980, с. 118]. В это же время начинается активное освоение этих территорий, а проводниками казаков и промышленников были тунгусы, помогавшие находить кратчайшую дорогу до определенного места и др. В целом, в 1632–1646 гг. процесс присоединения якутских земель к Российскому государству был завершен [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 127].

Официальное приобщение тунгусов к государственной системе России началось через оплату ясака [Энциклопедия.. 2005, 69], которым обложили аборигенов Сибири фактически сразу после прихода казачьих отрядов [Гурвич, 1966, с. 11], из-за чего взаимоотношения оленеводов с новой властью были как враждебные, так и мирные. Например, в 1639 г. отряд томского атамана Д. Копылова подавил восстание тунгусов на р. Мая и подчинил их себе [Там же, с. 11]. Но, даже несмотря на такие события, сопротивление этого народа приобрело скрытый характер, из-за чего казачьи отряды стали использовать институт аманатов-заложников. Так, в двух вилюйских зимовьях в 1676 г. имелось большое количество тунгусских аманатов, и Г.В. Ксенофонов [1992, с. 147], ссылаясь на материалы И.И. Майнова, писал: «Большинство населения вилюйских земель в то время состояло из тунгусов, более воинственных и непокорных, чем якуты». Аналогичные сведения находим у В.Л. Серошевского [1992, с. 220], который утверждал, что тунгусы значительно энергичнее и дольше сопротивлялись казацкому нашествию, чем кто-либо из инородцев Восточной Сибири.

В конце XIX в. тунгусы вели традиционный уклад жизни, имевший характерные черты этого народа. Однако у них уже существовали локальные особенности в культуре, но исследование в этом

направлении в то время еще не проводилось, также как и не имелось достоверных статистических сведений по всем жителям Сибири, что затрудняло создание полной этнокультурной картины.

В 1897 г. в России проходит первая перепись населения страны, ставившая перед государством задачу уточнения численного состава этнических групп и их местожительства. С.К. Патканов, будучи одним из разработчиков переписных материалов, особо интересовался статистическими сведениями по коренным жителям Сибири, в том числе и тунгусам. Он один из первых исследователей, которые заявляли о необходимости проведения анализа полученных результатов, так как многие этнографические, географические, экономические и другие изыскания того времени, а также официальные издания в вопросах, касающихся инородцев коренных жителей Сибири, в том или ином отношении не соответствовали действительности, или выводы некоторых авторов были неверными [Патканов, 1912, с. 1]. Причиной подобных явлений считались «недостатки в этнографической литературе, из-за которых смешивали одни инородческие племена с другими, например, сгруппированные под собирательными именами: гиляки, орононы и др.; неправильное определение границ расселения народов и отсутствие достоверных статистических данных» [Там же].

Основываясь на полученных материалах по переписи 1897 г., вышеуказанный исследователь в течение 12 лет проводил кропотливый анализ племенного состава населения Сибири с упорядочением этнических групп в языковые семьи, а также данных о картине их расселения с численным составом и о знании родного языка или другого, его заменяющего [Патканов, 1911, с. 315]. Впервые статистические данные по коренным народам Сибири получили научные комментарии, характеризующие конкретный этнос, на основе которых данный ученый планировал составить карту расселения народов России. Один из его выводов гласил, что в Сибири «денационализация приняла широкие масштабы, и подобный материал будет необходим для научных, педагогических целей» [Патканов, 1916, с. 24,28]. В целом, работы вышеуказанного исследователя стали одними из первых, создавших общую картину по численности, местожительству и другим характеристикам народов Сибири, в т.ч. тунгусов [Решетов, 2000, с. 24].

Говоря о тунгусах Сибири, остановимся на выводах С.К. Патканова, впервые объединившего тунгусские народы в единую этническую группу, куда вошли в т.ч. орофоны и ламуты. Так, по итогам переписи населения 1897 г. было зафиксировано 62068 представителей тунгусской группы, расселенных в семи административных единицах Сибири того времени [Патканов, б/г, с. 11]. Анализ статистических сведений показал и знание родного языка у тунгусов: 27597 чел. (44,4%) общаются на родном языке, владея, помимо этого, и другим языком, как правило, того этноса, который являлся доминирующим в местности, где они проживали; для 55,6% тунгусов родным стал другой язык [Там же]. В целом, данная перепись населения продемонстрировала, что этот народ в XIX в. широко расселился в Сибирском регионе страны и «не все его представители были учтены». Причиной подобного стал активный кочевой образ жизни народа и труднодоступность мест его проживания. По мнению С.К. Патканова [1912, с. 83], тунгусов в 1897 г. примерно можно было насчитать до 64500 чел., вместо 62068 зафиксированных.

Рассмотрим сведения из вышеуказанной переписи населения о тунгусах Якутской области. Всего было зафиксировано 12231 чел., обитавших повсеместно вне территории якутов, которая охватывала Ленско-Алданскую котловину и полосы земли по берегам крупных рек: Лены, Индигирки, Яны и левому берегу Колымы, а также вне территории чукчей – побережье Ледовитого океана от Чаунской губы на востоке до низовьев Индигирки на западе [Там же, с. 89–90]. Однако в Колымском округе тунгусы жили среди кочевий и поселений других народов и в бассейнах всех рек округа (Омолон, Колыма, Алазея и др.). В нижнем течении Колымы и Алазеи находились ламуто-юкагиры (*совр. эвены*); такие же олениводы проживали по притокам Колымы: Коркодону и Ясачной [Там же, с. 92]. Также в переписи населения 1897 г. указаны тунгусы Якутии, проживавшие среди якутов Сунтарско-Олекминской инородческой управы [Там же, с. 89], к ним же относились и проживавшие в Тунгусско-Кангаласской управе. В Якутском округе они жили среди якутов и русских [Там же], а в Олекминском округе, помимо указанных 858 кочевников-олениводов, тунгусы жили и среди приискового населения и русских [Там же, с. 91]. Однако некоторая часть тунгусов не была учтена данной переписью, например, это

относится к тем, кто кочевал по притокам Учюра: Гонаму, Гыныму, Алгоме, Сутаму [Патканов, 1906, с. 157–158], ныне данная территория является местами обитания эвенкийского населения Южной Якутии.

В материалах С.К. Патканова находим указание на знание родного языка представителями этого народа Якутской области. Так, родной язык был распространен только среди 5478 тунгусов [Патканов, 1912, с. 713], что составляло 55,6%, а другая часть тунгусов избрала якутский язык, что указывало на наличие процессов якутизации в среде этой локальной группы. И.И. Майнов [1927, с. 73–74] по этому поводу писал: «На западном берегу Лены, в Мальжегарском и Мытатском наслегах Западно-Кангаласского улуса в конце XIX в. проживало 120 тунгусов, предки которых поселились здесь еще в XVIII в., они сильно объякутились»; «В Вилюйском округе тунгусы объякутились наполовину». Об этих явлениях также можно найти информацию у С.К. Патканова [1912, с. 837], который указал на название якутских наслегов наименованиями некоторых тунгусских родов, например, Оспетский, Осогостохский, Чордунский и др. Таким образом, в переписи населения 1897 г. был зафиксирован отход части тунгусов от родного языка, формирующий ситуацию для постепенного перехода на другую этнокультурную основу, а также закрепление локальных черт в тунгусской культуре благодаря иноязычному окружению.

В целом, совокупность научных сведений исследователей разного времени позволили создать единую картину истории и культуры эвенков Якутии, отражая этапы и конкретные явления в культурном наследии этого северного народа.

Литература

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., 1966. – 269 с., с карт.

Ермолова Н.В. Природное и историко-культурное пространство эвенкийского этноса / Евразия: этнос, ландшафт, культура. – СПб., 2001. – С. 150–196.

Иохельсон В.И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. – 1895. – Год 5. – Вып. II. – Отд. 1.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. 1. Кн. 1. – Якутск, 1992. – 416 с.

Майнов И.И. Население Якутии. – Л., 1927. – С. 358, 16 л. ил.: ил., табл.

Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. – Якутск, 1964. – 204 с., ил.

Патканов С.К. О приросте инородцев Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб., 1911. – С. 312–317.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири: ЗРГО (по от. Этногр.). – Т. 31. Ч.1. Вып. 1–2. – 1906. – 283 с.

Патканов С.К. Племенной состав и численность населения Сибири (по специальной разработке данных переписи населения 1897 г.). – Пг., б/г. – С. 14.

Патканов С.К. Проект составления племенной карты России. – Пг., 1916. – 28 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – Т. I. – СПб., 1912. – 174 с.

ПМА: Записи личных бесед Белянской М.Х. с С.И. Николаевым (декабрь 1998 г., Якутск).

Полевой Б.П. Эвенки и эвены – «вожи» русских первопроходцев Тихого океана // Полярная звезда. – 1980. – № 1. – С. 118–119.

Решетов А.М. С.К. Патканов как статистик и этнограф-сибиревед // Культурное наследие народов Сибири и Севера: мат-лы четвертых Сибирских чтений. 12–14 октября 1998. – СПб., 2000. – С. 22–26.

Сорошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) средней и Западной Сибири. – М., 1985. – 284 с., с табл.

Харузина В.Н. Этнография. Лекции. – СПб., 2007. – 519 с.

Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М., 2005. – 464 с.

Энциклопедия Якутии. – М., 2000. – 540 с.

M.Kh. Belyanskaya

The history and culture of the Evenks of Yakutia in research materials of Russia's scientists

Materials of the scientists of Russia who were engaged at different times in studying of history and culture of the Evenks of Yakutia are considered. Thanks to these studies, today the modern generation of scientists continues work in this direction, confirming already available conclusions, introducing into scientific circulation archival materials, own researches, etc., enriching an ethno-cultural picture of one of the Northern people of Yakutia – Evenks.

Keywords: Tungus-Evenks, reindeer breeding, hunting, a nomadic lifestyle, assimilation, scientific research, scientists of Russia.

УДК 930.25:355.242(571.56)

T.B. Захарова

Якутский уездный воинский начальник Н.Д. Попов и трудовая мобилизация якутов на Первую мировую войну (1916 г.)

В статье рассматривается переписка между якутским уездным воинским начальником Н.Д. Поповым и штабом Иркутской местной бригады, в которой обсуждались различные аспекты предстоящей в июле 1916 г. мобилизации якутов на устройство оборонительных сооружений в прифронтовых районах. Документы отражают позицию подполковника Н.Д. Попова, который считал призыв якутов неосуществимым в условиях Якутии.

Ключевые слова: Первая мировая война, трудовая мобилизация, призыв инородцев на устройство оборонительных сооружений в прифронтовых районах, якуты.

Проблема призыва якутов во время Первой мировой войны на возведение оборонительных сооружений в прифронтовых районах (июль 1916 г.) описана в научной литературе. В.И. Фёдоровым на основе архивных документов показано, как

якутское общество восприняло весть о мобилизации, как обсуждалась в инородческом комитете проблема отправки мобилизованных, как эта мобилизация могла бы губительно отразиться на экономическом положении якутов. Автор пишет, что

© Т.В. Захарова, 2015

мобилизация якутов на трудовые работы не состоялась благодаря ходатайству Ленского золотопромышленного товарищества [Фёдоров, 2012].

Выявленный комплекс документов позволяет представить проблему мобилизации якутов не только как потенциально губительную для хозяйства региона, но и как практически невыполнимую в условиях Якутии. В Национальном архиве РС(Я), в фонде якутского уездного воинского начальника (№ 400-и, опись № 1), обнаружено дело № 79 «О мобилизации и освобождении инородцев от воинской повинности». В нем хранится переписка между штабом Иркутской местной бригады и якутским уездным воинским начальником, который находился в непосредственном подчинении бригады. Первый документ – телеграмма начальника местной бригады от 30 июня 1916 г., в которой излагается повеление императора (от 25 июня) о привлечении освобождённых от воинской повинности инородцев империи к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии [НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-5]. В телеграмме указывалось: «... привлечь реквизиционным порядком ... исключительно бродячих и всех обитающих в ... Верхоянском, Среднеколымском, Вилюйской округах Якутской области» в возрасте от 19 лет до 31 года. В телеграмме прописывалась процедура призыва: инородческие управления на местах составляют именные списки, люди направляются «... в резиденции начальствующих лиц...», где подвергаются медицинскому осмотру, негодные для работ и имеющие заразные болезни отправляются назад, а годные «... отправляются с должностными лицами при списках на ближайшие сборные пункты воинских начальников, где они будут находиться до отправки на фронт». Предлагалось также снестись с гражданскими властями, определить и доложить, каким порядком предполагается разместить мобилизованных на оборонительные работы до отправки на фронт.

Якутский уездный воинский начальник медленно сообщил в Иркутск, что по приблизительному подсчёту будет призвано около двадцати тысяч инородцев. Далее он излагал трудности, связанные с призывом такого числа людей: имеющиеся сборные пункты не приспособлены для приёма такой массы людей (максимально при мобилизации воинов в пунктах помещалось около 100 человек. – Т.3.); не будет возможности накор-

мить такое число людей по пути их следования и на месте (мобилизованные содержались за счёт казны и из продуктовых запасов местностей, через которые они следовали. – Т.3.); невозможность одному ему выполнить работу по мобилизации и, как следствие этого, необходимо командировать помощников. Копии телеграмм из местной бригады и свой на неё ответ Н.Д. Попов отправил якутскому губернатору.

В последующей переписке между якутским воинским начальником и руководством местной бригады обсуждались частные вопросы призыва. Из Иркутска потребовали план размещения мобилизованных. Попов отвечал, что якуты разместятся в поле, в ими устроенных шалашах. Далее Николай Димитрианович писал, что затрудняется ответить, как одновременно разместить мобилизованных, как их довольствовать, так как пока ещё порядок явки – в стадии решения и неизвестно, какие средства, какой оклад и как довольствовать хотя бы тысячу людей при отсутствии припасов, котлов и другой посуды. Если будет решено, что явка якутов на сборные пункты будет поэтапной, не одномоментной, то можно будет реквизировать пароходы, и количество отправляемых партий будет зависеть от вместимости судов. Попов писал: «Мне неизвестно, кто будет каждую партию сопровождать, расходовать путевые деньги и как должно быть организовано от Усть-Кута по высадке пароходов дальнейшее передвижение и довольствие на весь путь» [Там же, л. 8].

Между тем, как видно из архивного дела, руководство области разработало план прибытия в г. Якутск привлекаемых к тыловым работам инородцев и отправки их на пароходах вверх по Лене. Предполагалась отправка девятнадцатью партиями с 24 июля по 24 августа пароходами. При этом якутский губернатор сообщал, что график составлен для отправки якутов, призываемых из Якутского округа, без учёта инородцев Олёкминского округа [Там же. Л. 10, 10 об.]. Из Иркутской местной бригады 16 июля пришло распоряжение принимать мобилизованных на сборном пункте [Там же, Л. 17]. Другой телеграммой сообщалось о командировании на сборные пункты в Якутск и Олёкминск по одному офицеру [Там же, Л. 19].

Далее следует отношение якутского губернатора де-Витте якутскому уездному воинскому начальнику от 17 июля 1916 г., в котором сообщается, что «...призыв инородцев Якутской области на работы в тылу действующей армии отменён»

[Там же, Л. 23]. Из местной бригады (Иркутск) телеграммами от 19 и 20 июля сообщалось, что призыв инородцев не отменён, а только отсрочен до получения результата ходатайства, и поэтому давалось распоряжение приостановить отправку их на сборные пункты в Якутск и Олёкминск [Там же, Л. 28]. Как видится, в Иркутске были настроены весьма решительно, так как, по данным исследователей, к 18 июля 1916 г. там уже находилось 6 тысяч мобилизованных инородцев [Максимов, 2014, с. 74].

Сейчас невозможно себе представить, что думал или говорил воинский начальник по поводу мобилизации якутов, обнаруженные архивные документы беспристрастны, написаны канцелярским языком. Однако при внимательном прочтении доношений, составленных якутским уездным начальником Н.Д. Поповым, создаётся впечатление, что офицер старался показать невозможность и нелепость предполагаемой мобилизации. Например, он писал, что не представляет, как можно такую массу недисциплинированных людей снабдить довольствием и отконвоировать «... по длинному пустынному неустроенному Ленскому пути» [НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 79. Л. 6-6 об.]. Добавлю, что в описях фонда не обнаружены другие дела, в которых была бы отражена переписка якутского уездного воинского начальника с инородными управами относительно мобилизации, его приказы по поводу отправки реквизируемых на оборонительные работы. Нет таких документов и в выявленном деле. Можно предположить, что Николай Димитрианович, опытный управленец, до самой последней минуты оттягивал мобилизацию якутов. Следует сказать, что подполковник Попов был уроженцем Якутии, из династии якутских священников. Его отцом был известный в Якутии человек – протоиерей Димитриан Димитрианович Попов (1827–1896), переводчик на якутский язык священных и учительных книг, член Комитета по переводу книг Священного Писания на якутский язык, член Цензурного комитета в г. Якутске, член Православного миссионерского общества [Попова, 2009]. Н.Д. Попов начал службу в 1895 г., принимал участие в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае (1898–1901) и в Русско-японской войне (1904–1905). В 1907 г. был назначен в тыловые части Восточной Сибири (Киренск, Бодайбо). С 1909 по 1918 г. служил в Якутском гарнизоне начальником местной команды и воинским начальником [Послужной список ...].

Из содержащихся в деле документов следует, что штаб Иркутской местной бригады лишь в точности исполнял предписания, получаемые из Петрограда. Как пишет К.Н. Максимов, изучивший проблему мобилизации на военные тыловые работы, летнее наступление 1916 г. на Юго-Западном фронте показало необходимость в тщательной подготовке сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. Штабом Верховного главнокомандующего был разработан план мобилизации (назначены распределительные пункты, пункты организации приёма), определены народы и регионы страны, в которых предполагалась мобилизация. Однако в последний день июля 1916 г. призыв инородцев к работам в тылу армии был отсрочен, так как военное ведомство не было готово к приёму такого большого числа рабочих (не было помещений для жилья, инструментов, расходных материалов и проч.). Фактически призыв начался 15 сентября 1916 г. [Максимов, 2014, с. 73–74].

По данным исследователей, на тыловые работы были призваны киргизы, туркмены, осетины, калмыки [Там же, с. 74], хакасы [Шекшеев, 2011, с. 64–65]. Из Астраханской губернии было призвано и отправлено на тыловые работы 22 тысячи инородцев (калмыков и киргизов) [Там же, с. 78]. Мобилизованные инородцы, как пишет К.Н. Максимов, распределялись в районы железных дорог, занимались сооружением новых железнодорожных путей, строили перегоны, грунтовые дороги, возводили укрепительные линии фронта. Инициаторы трудовой мобилизации, как следует из приведённого Максимом Константиновичем документа, предрекали и плохой, и хороший её итог. Однако мобилизация оказала более негативное воздействие на народы. Во-первых, она проводилась во время сенокосов и осенней страды, что отрицательно сказалось на хозяйстве. Во-вторых, был подорван моральный дух народов. Хакасы, например, впали в апатию, стали безразличны к хозяйству, ударились в пьянство по случаю проводов и пр. В-третьих, из призванных после двух лет напряжённых работ в трудных климатических условиях не вернулась четверть, остальные страдали хроническими заболеваниями, связанными с переохлаждением. Положение призванных на тыловые работы было бедственным (отсутствие тёплой одежды, продуктов питания, медицинской помощи). В-четвёртых, тесное общение реквизируемых инородцев с революцион-

но настроенными солдатами в прифронтовой полосе повлекло за собой изменение мировоззрения, в последующем они быстро вовлеклись в революционную смуту.

Литература и источники

НА РС(Я). Ф. 400-и. Оп. 1. Д. 79.

НА РС(Я). Ф. 402-и. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

Максимов К.Н. Калмыки в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2014. – № 12. – С. 69–83.

Попова Л.С. Verba volant, scripta manent // Якутский архив. – Якутск, 2009. – № 1. – С. 72–76.

Фёдоров В.И. Первая мировая война и якутская национальная интеллигенция // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск, 2012. – № 1. – С. 11–15.

Шекшеев А.П. Военные мобилизации и призывы хакасов первой трети XX столетия // Мир Евразии. – 2011. – № 3(14). – С. 63–69.

T.V. Zakharova

Yakut military district head N.D. Popov and labor mobilization of the Yakuts in World War I (1916)

In the article considered the correspondence between the Yakut military head district N.D. Popov and the staff of the Irkutsk local brigade, in which were discussed various aspects of the upcoming July 1916 mobilization of the Yakuts on the device of fortifications in the border areas. The documents reflect the position of Lieutenant Colonel N.D. Popov, who believed the call of the Yakuts is impracticable in the conditions of Yakutia.

Keywords: World War I, labor mobilization, the recruitment of foreigners for device of fortifications in the border areas, the Yakuts.

УДК 323:92 Винокуров

Л.Е. Винокурова

И.Н. Винокуров: от семинариста до государственного деятеля

В статье сделана попытка рассмотреть роль Ивана Николаевича Винокурова и его соратников, известных якутских политических лидеров, в становлении и развитии Якутской Автономной Советской Социалистической Республики.

Ключевые слова: история Якутии, личность, общество, государство, руководитель, правительство, Постоянное представительство, делегация, Якутия.

Изучение личности Ивана Николаевича Винокурова, его вклада в становление и развитие ЯАССР является велением времени. В силу сложившихся обстоятельств его имя было надолго предано забвению. Иван Николаевич по праву считается одним из первых представителей национальной элиты Якутии. Масштаб и значимость сделанного им в полном объеме осознаются только сейчас, по прошествии десятилетий.

Будущий государственный деятель Якутии родился 25 марта 1893 г. в семье священника, окончил Хаяхсытскую церковно-приходскую школу Ботурусского улуса, затем в Якутске – духовное училище и семинарию. В 1913 г. И.Н. Винокуров

поступил в Казанскую духовную академию, но не окончил ее и с 3-го курса перешел на естественный факультет Казанского университета. В это время в стране происходили значимые для всего российского общества общественно-политические события, которые не обошли стороной Ивана Николаевича. С декабря 1918 г. по август 1922 г. Иван Николаевич в Самарской губернии работал учителем; затем заведующим уездным отделом народного образования и педагогическими курсами; заведующим агитационно-пропагандистским отделом уездного комитета партии; с сентября 1922 г. по июль 1923 г. – в Самарском губернском отделе народного образования.

© Л.Е. Винокурова, 2015

Он избирался членом Бузулукского уездного исполкома, председателем правления Самарского губернского отдела Всероссийского союза работников просвещения. Был делегатом 2–4-го Всероссийских съездов этого союза и 2-го съезда учителей-интернационалистов. В марте 1923 г. его избрали делегатом на XII съезд РКП(б) [Энциклопедия..., 2000, с. 305].

В 1923 г. в его судьбе произошел кардинальный поворот. Перспективного молодого человека пригласили работать на его малую родину. О дальнейшей его деятельности свидетельствуют сохранившиеся документы, основываясь на которых, мы попытаемся показать жизненный путь И.Н. Винокурова.

Ко времени его приезда в Якутию М.К. Аммосов [Винокурова, 2007], тогда секретарь Якутского областного бюро, написал заявление в Якутский областной комитет с просьбой перевести его в Постоянное представительство при Президиуме ВЦИК (7 августа 1923 г.) («в связи с приездом тт. [И.Н.] Барахова (с сентября 1923 г. по июль 1924 г. – председатель СНК ЯАССР), [И.Н.] Винокурова, [Е.Г.] Пестуна (с декабря 1923 г. по июль 1925 г. – секретарь Якутского обкома РКП(б)), [С.Н.] Донского и ряда других работников моя роль может свестись в лучшем случае к политическому представительству в ЯЦИКе») [М.К. Аммосов. Неизвестные страницы..., 2007, с. 98]. Чуть позже просьба М.К. Аммосова была удовлетворена (с апреля 1923 г. по июнь 1925 г. он являлся постоянным представителем ЯАССР при Президиуме ВЦИК).

Сразу после прибытия в Якутск И.Н. Винокуров был назначен народным комиссаром просвещения и здравоохранения (с августа 1923 г. по декабрь 1924 г.). И сразу первоочередной задачей, которую он поставил перед собой, была ликвидация неграмотности. Свои взгляды по этому вопросу он изложил 30 марта 1924 г. на 3-й сессии ЯЦИК. Он говорил, что поволжский опыт помогает ему в организации общества «Долой неграмотность».

Под его руководством происходили самые важные перемены в жизни якутского общества: расширялась сеть учебных заведений, культурно-просветительных учреждений; шла борьба за ликвидацию неграмотности населения. [Постпреды..., 2005, с. 53]. Иван Николаевич также инициировал развитие СМИ на родном языке. Вместе с С.М. Аржаковым (с 1923 г. народный

комиссар внутренних дел), М.И. Поповым они выступили за создание аналога газеты «Автономная Якутия» на якутском языке под названием «Кыым» («Искра»). Была учреждена редакционная коллегия в составе трех лиц (И.Н. Винокуров, С.М. Аржаков, М.И. Попов) [Культурная..., 1968, с. 139], и через месяц (15 ноября) вышел первый номер газеты «Кыым», органа ЯЦИК и обкома РКП(б) [Якутия..., 2004, с. 61].

1920–1930-е гг. в истории Якутии, как и всей страны, – один из самых событийных периодов. Время диктовало для руководителей Якутии новые задачи, открывало новые горизонты. Перемены коснулись и И.Н. Винокурова. На II Всеякутском съезде Советов ЯАССР (10–15 декабря 1923 г.) он был избран в состав ЦИК ЯАССР (31 член, 10 кандидатов в члены) [Всеякутские..., 1972, с. 52]. С декабря 1924 г. по июль 1925 г. возглавил якутское правительство [Якутия..., 2004, с. 65].

О его многогранной деятельности в этот период свидетельствуют сохранившиеся документы, которые мы рассмотрим подробнее. Так, на III областной партийной конференции Иван Николаевич представил обширный доклад «О союзе хамначитов» [С.М. Аржаков. Страницы..., 1999, с. 227].

На III Всеякутском съезде Советов (15–22 декабря 1924 г.), где присутствовали 103 делегата с решающим голосом, Иван Николаевич, председатель СНК ЯАССР, выступил с отчетом о работе правительства республики. Съезд одобрил политическую линию, практическую деятельность правительства республики; отметил углубление и расширение советизации трудового населения; подчеркнул достижения в экономике и культурной жизни; обратил внимание на развитие Алданского золотопромышленного района как одного из важных факторов становления региона. На 2-й сессии ЯЦИК 3-го созыва были избран председателем ЯЦИК (П.А. Ойунский), его заместителем (А.Д. Широких), а также состав СНК ЯАССР (И.Н. Винокуров – председатель) [Всеякутские..., 1972, с. 72].

В отношениях к коллегам И.Н. Винокуров во главу угла ставил профессионализм. Так, 13 мая 1925 г. он и П.А. Ойунский (в 1922–1926 гг. – председатель СНК и ЦИК ЯАССР) написали «Отзыв о работе С.М. Аржакова в должности наркома внутренней торговли», в котором сообщили, что С.М. Аржаков – один из высококвалифицированных работников Якутии. С назначением его ко-

миссаром внутренней торговли в республике политика торговли и цен стала принимать плановое направление. Они рекомендовали оставить его в должности комиссара внутренней торговли [С.М. Аржаков. Страницы..., 1999, с. 46–47].

Иван Николаевич одним из первых поставил на республиканском уровне проблему положения коренных малочисленных народов Севера, предложив конкретные меры. Так, в журнале «По заветам Ильича» (орган Якутского обкома) он писал: «Определенное, быстрое вымирание туземных народностей и вообще жителей северных округов, юкагиров теперь насчитывается 1358 человек, ламутов осталось – 2050, долганы начинают совсем исчезать и насчитывают лишь 600 человек». Он предложил активизировать и усилить работу по финансированию, снабжению и организации медицинской помощи народам Севера [Постпреды..., 2005, с. 54].

В рассматриваемый период, разделяя положения о значении советского строительства для будущего края, И.Н. Винокуров и его соратники много сделали для развития национальной школы, якутской письменности, национальной якутской литературы и театра, становления национальных кадров, повышения грамотности населения. Они понимали, что для развития республики необходимо ее комплексное научное изучение. И в 1925 г. СНК СССР постановил организовать силами Академии наук СССР экспедицию для исследования производительных сил республики. Инициатором являлся М.К. Аммосов. В организации работы экспедиции принимало участие все руководство республики, в т.ч. и И.Н. Винокуров. Так, 13 июня в помещении бывшей женской гимназии г. Якутска состоялось совещание членов академической экспедиции. Присутствовали: М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Винокуров, А.Ф. Бояров, Г.Г. Колесов, Е.Д. Стрелов, Г.А. Попов, участники экспедиции: А.А. Григорьев, профессор В.П. Дробов. С докладами выступили начальник отряда, проф. А.А. Григорьев, начальник почвенного подотряда А.А. Красюк, ботаник В.П. Дробов, зоолог Л.В. Бланки, начальник лесозооэкономической секции С.Н. Недригайлов. По предложению М.К. Аммосова было создано бюро совещания и содействия Якутской

экспедиции АН СССР при СНК ЯАССР [Якутия..., 2004, с. 74].

Большую роль И.Н. Винокуров сыграл в защите границ республики. В апреле 1923 г. руководство Дальневосточной Республики* в телеграмме в адрес ВЦИК и Наркомнац, Наркомат внутренних дел сообщило о намерении отторгнуть от Якутской республики южные земли (южнее верховьев р. Чары до р. Олекмы и далее до истоков р. Зеи). Свое обоснование амурчане изложили в брошюре «О томмотских приисках». ДВР начала широкую пропаганду в центральных СМИ о якобы начавшемся банкротстве, неспособности Якутии обеспечить Алдан сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами и о необходимости присоединения к ней спорной территории. Руководство Якутии встало на защиту интересов региона [Винокурова, 2004, с. 67].

С 1 декабря 1924 г. начал действовать трест местного подчинения «Алданзолото». В соответствии с утвержденным уставом тресту выделили 1 млн. руб. и закрепили за ним территорию общей площадью 15 тыс. кв. м. Затем постановлением СТО** СССР от 24 июля 1925 г. он был реорганизован в трест союзного значения «Алданзолото» для эксплуатации месторождений Алданского золотопромышленного района ЯАССР [Хатылаев, 1972, с. 26, 48].

Насколько экстренно нужно было решить производственные проблемы «Алданзолото», свидетельствуют следующие документы. Не ранее 10 июля 1925 г. С.М. Аржаков (секретарь Якутского обкома) телеграфировал в Постоянное представительство И.Н. Винокурову о передаче алданских приисков в систему союзного треста. Он писал, что распоряжением Ф.Э. Дзержинского, по постановлению ВСНХ***, предлагается алданские прииски передать союзному тресту с балансом на 11 июля. Якутский обком с этим не согласился и посчитал возможным передать с балансом на 1 октября [Степан Максимович Аржаков..., 2009, с. 44]. 22 апреля (1926 г.) С.М. Аржаков вновь отправил шифрованную телеграмму в адрес И.Н. Винокурова о работе «Алданзолото» с передачей копии в ЦК и КК****, в которой сообщал, что на бюро Якутского обкома был заслушан доклад «О положении Алданзолото» Королева

*Дальневосточная республика (ДВР), Дальневосточная область (ДВО), Дальневосточный край (ДВК).

** СТО – Совет труда и обороны.

*** ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

**** КК – контрольный комитет.

(управляющий госбанком), прибывшего из Алдана; доклад Ю.К. Краукле (начальник управления промышленности ЯАССР, временно управляющий конторой Госбанка). Он сообщал следующее: трест израсходовал 15 млн. руб. на непроездительные товары и постройки; огромный «разбухший» аппарат состоит из 1500 чел., из них только служащих – 500 чел. («золото за отсутствием средств утекает на сторону, рабочим вместо денег выдают ордера»); пользуясь отсутствием постоянного руководителя, члены правления разъезжают по стране (из Москвы в Алдан и обратно и др.); наблюдается отток рабочих, сорван план завоза товаров.

В результате бюро Якутского обкома постановило сообщить в ЦК о недочетах работы треста (отсутствие постоянного руководства правления; раздутость штатов; утечка золота) и о необходимости в связи с этим настаивать на разрешении «Алданзолоту» контрагентской комиссионной скупки золота через торгово-кооперативные организации-банки; добиваться от ВСНХ Якутии мандата для наблюдения и контроля за «Алданзолотом»; признать обязательной введение должности уполномоченного РКИ* в Алдане. Исходя из этого С.М. Аржаков констатировал тяжелое положение в тресте [С.М. Аржаков. Страницы..., 1999, с. 57].

15 сентября 1926 г. бюро Якутского обкома постановило командировать С.В. Васильева (в 1925–1928 гг. – председатель областной контрольной комиссии и нарком РКИ ЯАССР) в Москву как представителя Якутской АССР для участия в окончании работы комиссии СТО по выяснению взаиморасчетов между ЯАССР и «Алданзолотом» [Степан Васильевич Васильев..., 2006, с. 30]. Чуть позже И.Н. Барахов телеграфировал в Постоянное представительство ЯАССР при ВЦИК И.Н. Винокурову о назначении его членом правления «Алданзолото» (3 октября). Он писал, что Якутский обком никакими «маневрами» не занимается, что никто не собирается освободить Винокурова от работы в Представительстве, но давать ему гарантию не вызывать его в Якутию также не может. («Вы назначены членом правления «Алданзолото», большинством бюро после безрезультатного подыскания другой кандидатуры в течение всего лета. Поговорите об этом с С.В. Васильевым, он выехал в середине сентября на

партконференцию») [Исидор Никифорович Барахов, 2013, 248].

И.Н. Винокуров ставил перед центральным руководством страны жизненно важные для региона вопросы. Он неоднократно получал ответственные поручения от Президиума ВЦИК, выходящие за рамки его деятельности. Так, он возглавил Комиссию по урегулированию границ между Казахской и Киргизской ССР, был членом Комиссии по разработке конституций автономных республик [85 лет..., 2007, с. 86].

В рассматриваемое время в Якутии происходят общественно-политические события, чуть позже коренным образом повлиявшие на жизнь якутского общества: восстание в Охотском крае, движение федералистов. И.Н. Винокуров был в их эпицентре. Советская власть применила жесткие меры для подавления народных выступлений, происходивших в то время. На заседании Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад К.К. Байкалова «О ликвидации тунгусского восстания» (5 января 1926 г.). Присутствовали члены Комиссии А.С. Бубнов, Г.Г. Ягода; приглашенные: А.А. Байкалов (в 1924–1925 гг. – председатель Комиссии ЦК ВКП(б) и ВЦИК по ликвидации «тунгусского восстания» в Охотском крае и в Якутии), Абрамов, Н.А. Кубяк (секретарь Дальбюро РКП(б) и Далькрайкома партии), Я.Б. Гамарник, Е.Г. Пестун, Н.Д. Кривошапкин (в 1926–1928 гг. председатель Якутского окрисполкома, зампредседателя Президиума ЯЦИК, член комиссии ВЦИК по Охотскому вопросу), И.Н. Барахов, Пузицкий и И.Н. Винокуров. В выступлении К.К. Байкалова прозвучала оценка деятельности бесчинств ОГПУ и воинских отрядов на Охотском побережье, направленных на подавление «тунгусского восстания». Органы советской власти, не знакомые с бытом, нравами эвенков, не знавшие языка, допустили неправомерные действия против местного населения в форме введения налогов разного вида и жестокости [Якутия..., 2004, с. 79].

С.М. Аржаков телеграфировал из Якутска в Москву в адрес Постоянного представительства ЯАССР при ВЦИК И.Н. Винокурову (27 марта 1927 г.) информацию «О тунгусском восстании». Он писал, что по докладу Н.Д. Кривошапкина 16 марта Якутский обком постановил: заявить перед ЦК решительный протест против заявления пред-

* РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.

ставителей ДВКрайкома (Н.А. Кубяк, Я.Б. Гамарник, Абрамов), сделанного на заседании комиссии Политбюро, содержащего в себе указания на причастность – прямую, косвенную – партийно-советского руководства Якутии к «тунгусскому восстанию»; считать неслыханным обвинением и полной дискредитацией руководства региона; обратиться в ЦК с предложением привлечь к партийной ответственности вышеназванных людей; признать, что комиссия Политбюро по тунгусским делам (А.С. Бубнов, Г.Г. Ягода) не решила по существу вопрос национального устройства тунгусов и других народностей Крайнего Северо-Востока Сибири, уклонилась от решения вопроса и сделала все возможное для продолжения конфликта между двумя партийными организациями (Дальбюро, Якутский обком); подтвердить прежнее постановление Якутского обкома о национальном характере «тунгусского восстания» и присоединиться к выводам большинства членов комиссии К.К. Байкалова о причинах, вызвавших восстание; подтвердить предыдущее постановление Якутского обкома о присоединении Охотского уезда к Якутии, как дающее наиболее правильное решение национального вопроса на указанной территории, обеспечивающее экономическое развитие; защитить членам «особой делегации» интересы Якутии по национальному устройству тунгусов и других народностей на крайнем Севере-Востоке Сибири [С.М. Аржаков. Страницы..., 1999, с. 55–56].

И.Н. Винокуров вместе с М.К. Аммосовым и И.Н. Бараховым был одним из авторов «Конспекта вопросов и предложений особой делегации правительства ЯАССР на имя заместителя председателя СНК и СТО В.В. Куйбышева об отпуске средств из резервного фонда СНК СССР на неотложные нужды хозяйственного развития»; «Конспекта вопросов и предложений особой делегации Якутского обкома ВКП(б), составленного для переговоров с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым по социально-экономическому развитию ЯАССР» (6 мая 1926 г.), а также «Докладной записки особой делегации Правительства ЯАССР во ВЦИК о притязаниях ДВК на Алданский округ Якутии» (8 мая 1926 г.). Следует заметить, что встреча с И.В. Сталиным не состоялась. Конспект

предложений был направлен в Якутский обком для согласования. К конспекту приложена сопроводительная записка М.К. Аммосова в Якутский обком ВКП(б): «Вот конспект к личным переговорам. Соль моих предложений. Не знаем. Что войдет, посылаем на одобрение. Я думаю, что мы правильно отразили взгляды обкома» [М.К. Аммосов..., 2007, с. 156–168, 325].

М.К. Аммосов в очередном письме из Москвы в Якутск (15 мая 1926 г.) в адрес Якутского обкома ВКП(б) о ходе работы особой делегации писал, что вокруг общества «Холбос» складывается непростая ситуация, что у членов делегации существуют два предложения: первое, у И.Н. Винокурова – на экономическом совещании вопрос снять совсем, имея в виду, во-первых, наш отказ от начальной позиции ходатайства о крупных ссудах в Моторгпути*; во-вторых, желание путем локальных переговоров восстановить коммерческие связи с отдельными кредиторами, не создавая через экономическое совещание дальнейшей паники. Второе было его (М.К. Аммосов) предложение: на экономическом совещании, во-первых, признать необходимым в принципе оказать правительственную ссуду, размер определить после детализации баланса его ликвидности, для чего поручить НКТВ** вместе с Центросоюзом*** на месте выяснить финансовое положение «Холбоса»; во-вторых, покрыть военные убытки по операции. Он просил обсудить оба предложения и дать директивы [М.К. Аммосов. Неизвестные страницы..., 2007. С. 171–172]. 18 мая в секретариат ЦК ВКП(б) поступила записка «особой» делегации «По вопросу о направлении партийно-советской комиссии в Якутию», под которой стояли те же подписи: М.К. Аммосов, И.Н. Винокуров, И.Н. Барахов [Там же, с. 179–181].

19 мая С.М. Аржаков писал А.Е. Кугаевскому (один из организаторов якутского комсомола, партийной работы, журналист) о работе «особой» делегации Якутского обкома ВКП(б) и ЯЦИК в Москве, о том, что в беседе с нашей делегацией (М.К. Аммосов, И.Н. Винокуров, И.Н. Барахов) В.М. Молотов признал политическую линию Якутского обкома правильной. А.С. Енукидзе, С.В. Косиор высказались «за безусловное оставление за Якутией Алдана», с охотским

* Моторгпуть – Министерство торговли и путей сообщения.

** НКТВ – Народный комиссариат внутренней торговли

*** Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР.

вопросом предложили воздержаться до окончания работы комиссии ВЦИК, выезжающей летом в Якутию для обследования по просьбе нашей делегации [Александр Евгеньевич Кугаевский..., 2011, с. 50].

3 июля 1926 г. на внеочередном заседании бюро Якутского обкома ВКП(б) был заслушан доклад М.К. Аммосова о работе делегации. Бюро обкома признало работу делегации удовлетворительной и констатировало «значительное выполнение заданий по партийной линии и частичное выполнение – по советской линии». В филиале Национального архива РС (Я) хранится дело «Переписка «особой» делегации Якутского обкома ВКП(б)», где отложились 32 телеграммы М.К. Аммосова и конспект предложений к личным переговорам с И.В. Сталиным [М.К. Аммосов..., 2007, с. 325].

В Москве в ноябре 1926 г. отдел национальностей при президиуме ВЦИК провел совещание представителей республик. Якутия оказалась в положении парии: республику обвинили в «рвачестве», претенциозности, неумении работать по планам. Более всех усердствовали представители дальневосточных краевых властей, давние соперники якутского руководства. В своем выступлении Иван Николаевич сказал следующее «Здесь говорят о «рвачестве». Но я считаю, что если бы не было «рвачества», то мы ничего бы не получали. Если бы я сидел в ожидании того, что меня в плановом порядке предусмотрят, я бы остался на бобах, мне ничего бы не дали ... Мой район не обследованный. Значение его не изучено. Я прихожу в Госплан с голыми руками. Когда вы говорите «в плановом порядке», то это одни слова. Плановой работы мы не добьемся до тех пор, пока изучение областей республик не будет поставлено на научный уровень. Внутреннее положение и взаимоотношения между федерацией и автономными республиками так осложнилось, что требуют безотлагательного разрешения. По вопросу организационного оформления нужно еще раз подумать о недостаточности нашего представительства...» [Постпреды..., 2005, с. 51].

С 17 февраля по 2 марта 1927 г. работал V Всеякутский съезд Советов. На съезде Иван Николаевич был избран в состав ЦИК ЯАССР (49 членов, 20 кандидатов в члены) и делегатом на XIII Всероссийский и IV Всесоюзный съезды Советов

(И.Н. Винокуров, И.В. Габышев, И.Н. Прядезников, С.М. Аржаков (с совещательным голосом), С.В. Васильев (с совещательным голосом)). Также были избраны в члены Совета Национальностей ЦИК СССР И.Н. Барахов, И.Н. Винокуров, Н.Н. Захаренко, М.В. Мегежекский, И.Н. Прядезников [Всеякутские..., 1972, с. 143–145].

В феврале 1927 г. И.Н. Барахов телеграфировал И.Н. Винокурову о том, что при наличии большого количества желающих работать в центре считаем нецелесообразным его постоянное пребывание в Москве. («Самое большее год останешься там с последующим переходом на ответственную работу в Якутск... В Москву отъезд [Н.Н.] Захаренко почти решен») [Исидор Никифорович Барахов, 2008, с. 270].

23–25 июня 1927 г. состоялась 2-я сессия ЯЦИК 5-го созыва. Открыл сессию М.К. Аммосов. Был заслушан доклад И.Н. Винокурова «Об итогах работ XIII Всероссийского и IV Всесоюзного съездов Советов и о деятельности Якутпостпредства при ВЦИК», а также доклад ученого секретаря АН СССР П.В. Виттенбурга «О работе Якутской комиссии Академии наук» [Якутия... . 2004, с. 98].

Во второй половине 1927 г. общественно-политическая обстановка в регионе вновь обострилась. Созданная в это время «Младо-якутская национальная советская социалистическая партия середняцко-бедняцкого крестьянства», т.н. партия конфедералистов, в своей политической программе выдвинула требование – поднять статус автономной республики Якутии до союзной, с возможностью распоряжаться своими недрами. С сентября 1927 г. органы ОГПУ* начали массовые аресты представителей национальной интеллигенции. В Москве и в Якутске проходили интенсивные заседания по мирному урегулированию вопроса. Так, 22 декабря 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о положении в Якутии. Были приглашены на заседание Политбюро Н.А. Кубяк, Сырцов, Эйхе, И.И. Барахов, М.К. Аммосов. Было принято постановление: возложить всю ответственность за подавление восстания в Якутии на ОГПУ, включить в состав комиссии Н.А. Кубяка, по вопросу о Якутии – И.Н. Винокурова (от Якутии) [Якутия..., 2004, с. 104].

Результатом деятельности многочисленных комиссий, образованных в Москве и в Якутске,

*ОГПУ – Отдел государственного политического управления.

стали трагические дни в жизни якутского общества. Драматическую роль сыграло принятое по докладу и выводам особой Комиссии ЦК ВКП(б) о положении в Якутской организации ВКП(б) постановление ЦК ВКП(б) «О положении в Якутской организации» (9 августа 1928 г.). Вслед за ним последовали дискредитация национальной интеллигенции, разнузданные политические обвинения и массовые репрессии не только в отношении руководства республики, но и простых граждан.

С 1928 г. И.Н. Винокуров – нарком торговли и промышленности ЯАССР. Он был делегатом VI Всеякутского съезда Советов (17 февраля – 4 марта 1929 г.) и избран в состав ЦИК ЯАССР (55 членов, 27 кандидатов в члены) [Всеякутские..., 1972, с. 209–210]. С 1930 г. и до выезда на учебу в московскую торговую академию И.Н. Винокуров являлся заместителем Председателя СНК ЯАССР. Был делегатом VII Всеякутского съезда Советов (17 января – 1 февраля 1931 г.), избирался кандидатом в состав ЦИК ЯАССР (92 члена, 34 кандидата в члены) [Там же, с. 269, 272]. С января 1932 г. по сентябрь 1933 г. – нарком снабжения. Затем был назначен представителем ЦИК и СНК ЯАССР при Восточно-Сибирском крайисполкоме, представителем ЯАССР при Президиуме ВЦИК. На VIII Всеякутском съезде Советов (17–8 декабря 1934 г.) был избран в состав ЯЦИК ЯАССР (155 членов) [Там же, 1972, с. 297].

Иван Николаевич – делегат XIV и XV съездов ВКП(б), избирался кандидатом в члены ВЦИК 13-го, а также ЦИК СССР 3-го, членом ЦИК СССР 4-го, ЦИК ЯАССР 2–6-го, 8-го и кандидатом в члены ЦИК ЯАССР 7-го созывов [Хатылаев, 2005, с. 41]. Огромная партийная, государственная и общественно-политическая деятельность И.Н. Винокурова оборвалась внезапно. Он умер 15 января 1935 г. как солдат, на боевом посту.

И.Н. Винокуров постоянно находился на наиболее трудных и ответственных участках, и вместе с ним были его известные современники и

соратники, имена которых живут в памяти народной как олицетворение той эпохи, это М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Барахов, С.М. Аржаков, С.В. Васильев и др.

Литература и источники

85 лет на службе Якутии: Постоянное представительство Республики Саха (Якутия) при Президенте Рос. Федерации. – М.: Графпресс, 2007. – 320 с.

Александр Евгеньевич Кугаевский (1900–1931): фотографии, документы. – Якутск: Якутский край, 2011. – 72 с.

Винокурова Л.Е. М.К. Аммосов и общественно-политические события в Якутии (1920–1928 гг.). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – 192 с.

Винокурова Л.Е. М.К. Аммосов и развитие алданской золотопромышленности // Алданский улус. История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2004. – 280 с.

Всеякутские съезды Советов (Документы и материалы 1922–1937 гг.). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. – 376 с.

Исидор Никифорович Барахов. – Ч. 2: Сборник архивных документов. – Якутск: Бичик, 2013. – 368 с.

Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.): сб. док. и мат. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1968. – 612 с.

М.К. Аммосов. Неизвестные страницы жизни и деятельности: сб. документов и материалов. – 2-е изд. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2007. – 376 с.

Постпреды Якутии: очерки, интервью, воспоминания. – М.: Восток-издат, 2005. – 272 с.

С.М. Аржаков Страницы жизни и деятельности: сб. документов и материалов. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1999. – 248 с.

Степан Васильевич Васильев (1896–1943): документы, фотографии. – Якутск: Бичик, 2006. – 96 с.

Степан Максимович Аржаков (1899–1942): фотографии, документы. – Якутск: Бичик, 2009. – 160 с.

Хатылаев М.М. Золотопромышленность в Якутии. – Якутск, 1972.

Хатылаев М.М. Политические деятели Якутии 1917–2003 годов: первые лица. – М.: Омега-Л, 2005. – 219 с.

Энциклопедия Якутии. – М., 2000. – 539 с.

Якутия. Хроника. Факты. События: 1917–1953 г. – Якутск: Бичик, 2004. – 328 с.

L.E. Vinokurova

I.N. Vinokurov: from seminarian to statesman.

The paper is examined the role of Ivan Nikolaevich Vinokourov and his associates, famous Yakut political leaders in the development of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: history of Yakutia, personality, society, the state, the head of the government, permanent missions, delegations, Yakutia.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4 (571.54)

Б.В. Базаров

Этносоциальные процессы в современной Бурятии

Предметом данной статьи являются особенности протекания этносоциальных процессов в Бурятии в условиях современного мира. Приводятся объективные статистические и социологические данные об особенностях социально-демографического развития народов республики. Автор акцентирует внимание на необходимости комплексного исследования этносоциальных процессов с применением методов разных наук.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, этнодемографическая ситуация, этнические группы.

Реалии современного мира показывают, что этносоциальные процессы продолжают оказывать большое влияние на состояние общества, во многом определяя характеристики и особенности функционирования различных социальных институтов, групп, общностей, как на глобальном планетарном уровне, так и на уровне отдельных стран и их регионов. Глобализация, преподносившаяся как процесс интеграции и унификации, не привела и вряд ли приведет к исчезновению проблем этнического развития и межэтнических отношений. Современный мир предъявил этническим структурам, с одной стороны, новый вектор развития, выражающийся, прежде всего, в «открытии границ» и «выход в мировое сообщество» в экономическом, политическом и культурном контекстах, с другой стороны, усугубил проблемы этнического неравенства на фоне нарастания миграционных процессов и обострения межэтнических конфликтов.

Динамизм социальных перемен XX в. обусловил особенности экономической модернизации и политических трансформаций в мировом сообществе и способствовал снижению накала классовых конфликтов и усилению социального контекста в этнических процессах. Социально-экономические факторы привели к трансформации хозяйственной деятельности, изменениям социально-профессиональной структуры народов,
© Б.В. Базаров, 2015

что повлекло за собой взаимосвязанные положительные и отрицательные последствия. Политические трансформации, выразившиеся, прежде всего, в создании новых государственных образований усилили то, что в научной литературе принято называть «политизацией этничности». Особенно ярко она проявилась в постсоветский период в связи с распадом Советского Союза и социалистического мира. «Развал СССР, появление новых независимых государств на постсоветском пространстве запустили процесс нациестроительства, а значит, и переписывания истории... Прошлое облачают в подчеркнуто национальные одежды» [Панарин 1994, с. 34,35]. Политические преобразования в российском обществе также актуализировали консолидационную роль этничности. Это проявилось, «в первую очередь у титульных народов Российской Федерации, выступая как бы компенсацией расщепленной и потерявшей прежнюю значимость общегражданской идентичности» [Социальная и культурная дистанция, 1998, с. 273].

Современные этносоциальные процессы, протекающие в российских регионах, особенно в национальных республиках, с одной стороны, определяются вектором общероссийского развития и общегосударственной политики, с другой стороны, сохраняют свою специфику, обусловленную, прежде всего, уровнем экономического развития

региона, условиями и особенностями исторического взаимодействия с другими народами, в первую очередь, с русским населением. Этносоциальные проблемы оказались тесно переплетены с проблемами федерализма. «В настоящее время в российском обществе все более обостренный интерес проявляется к важной и актуальной для России проблеме – роли и месте государства во взаимоотношениях с субъектами Федерации. Ни одно государство в мире, как бы ни декларировало и не обеспечивало самостоятельность своих территориальных единиц, не может и, главное, не имеет права, уйти от ответственности за территориальную целостность страны, за недопущение экологических, экономических, этнических и иных региональных кризисов, за развитие всех территорий государства как среды жизнеобеспечения всего народа» [Батуев, 2012, с. 238].

Для Республики Бурятия важным фактором, обуславливающим тенденции этносоциальных процессов, особенно в среде бурятского народа, является близость к Монголии и осознание сопричастности к истории монгольской цивилизации. Как отмечает Д.Д. Амоголонова «Модернизированная мифологема великого прошлого апеллирует не только к славным страницам истории (участие бурят в Монгольской империи), но и к ее культурным героям, персонифицированным, в первую очередь, в образе Чингис-хана... Неслучайно, что в последние двадцать лет в бурятском культурном и политическом дискурсе темы, связанные с историей Монгольской империи и ее создателем Чингис-ханом, развиваются типологически сходно с другими этноидеологиями как в России, так и за ее пределами» [Буряты: социокультурные практики переходного периода, 2008, с. 18,19]. Анализируя идею единой монгольской государственности, М.Н. Балдано подчеркивает, что «в целом в национальном движении бурят как в начале, так и в конце XX в. идея единства бурят и монголов актуализировалась не только в социокультурной практике, но и в попытках конструирования общемонгольской этнополитической системы... Но идея единства не нашла массовой поддержки ни в Бурятии, ни в Туве, ни в Калмыкии. Укрепление государственности России, рост мощи Китая, отсутствие реального интереса у политической и интеллектуальной элиты Монголии, которая видела будущее в рамках существующей государственности, показали иллюзорность объединительного проекта» [Балдано, 2005, с. 285].

Поэтому уже в XXI в. монгольский фактор сдвинулся в область этнокультурных процессов.

Республика Бурятия относится к полиэтничным регионам, где по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. наиболее крупные этнические группы представлены русскими и бурятами – 64,9% и 29,5%. Представители других этнических групп в сумме составили 5,6%, из них наиболее многочисленными являются татары (0,7%), украинцы (0,6%), сойоты (0,4%), эвенки (0,3%).

Этнодемографические процессы в Бурятии тесно взаимосвязаны с общими тенденциями демографического развития в российских регионах. В постсоветский период произошло значительное снижение численности населения в целом. По данным переписи 1989 г., численность постоянного населения составляла 1038,3 тыс. чел. Переписи постсоветского периода зафиксировали уже численность менее 1 млн. чел. – 981,2 тыс. чел. в 2002 г. и 973,9 тыс. чел. в 2010 г.

Этнодемографическая ситуация в Бурятии отражает этнические различия между русскими и бурятами. Наблюдается снижение численности русского населения и рост численности бурят. Численность русских снизилась до 64,9% общей численности населения Бурятии. В 1989 г. этот показатель был 69,9%, а в 2002 г. – 67,82%. Рост численности бурятского населения выглядит следующим образом: 24,0% в 1989 г., 27,8% в 2002 г. и 29,5% в 2010 г. Несколько по-другому выглядит ситуация с иными этническими группами – наблюдалось снижение их численности в период между переписями 1989 г. и 2002 г. (6,0% и 4,4%) и некоторое увеличение между переписями 2002 г. и 2010 г. (4,4% и 5,6%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Республики Бурятия, %*

Национальность	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Буряты	24,0	27,8	29,5
Русские	69,9	67,8	64,9
Другие	6,0	4,4	5,6

*Сост. по: Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – С. 109; Итоги Всероссийской переписи населения. 2002. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т.4. кн. 1. – С. 612; Итоги Всероссийской переписи населения. 2010. Т. 4. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Основными причинами уменьшения численности русского населения являются снижение рождаемости на фоне повышения уровня смертности и миграционная активность. Так, по данным Петровой Е.В., «... если средний коэффициент рождаемости по Бурятии в 2004 г. составил 13,8 чел. в расчете на 1000 чел., то из семи сельских районов (всего в Бурятии 21 сельский район), в которых рождаемость ниже средних показателей, шесть – это районы, где преобладает русское население – Бичурский (12,1), Заиграевский (13,0), Кабанский (12,1), Мухоршибирский (11,9), Северобайкальский (11,1), Тарбагатайский (11,0). Самые высокие показатели смертности в Бурятии также были характерны для районов, где русские составляют от 80 до 95% населения. При среднем коэффициенте смертности по республике за 2004 г. в расчете на 1000 чел., равном 15,3, в десяти районах наблюдается его превышение. При этом в шести районах в основном проживают русские – в Бичурском он составил 20,1, Заиграевском – 19,3, Кабанском – 19,4, Мухоршибирском – 15,2, Прибайкальском – 18,6, Тарбагатайском – 18,6.» [Петрова 2009, с. 103]. По истечении десяти лет данная картина во многом сохраняется. В 2014 г. общий коэффициент рождаемости на 1000 населения составил 17,5. При этом наиболее высокий коэффициент рождаемости отмечен в районах с преобладанием бурятского населения – Кижингинском (24,3), Джидинском (23,5). Низкие значения коэффициента характерны для районов с преобладанием русского населения. Так, наиболее низкое значение коэффициента отмечается в Кабанском (13,2) районе и г. Северобайкальск (13,1). Коэффициент смертности на 1000 населения в 2014 г. составил 11,5 промилле. Наиболее высокое значение коэффициента также отмечается в русских районах Бурятии – в Бичурском (16,6), Прибайкальском (14,8) и Кабанском (14,7) (Информация Министерства экономики Республики Бурятия).

Следует отметить, что увеличение бурятского населения происходит как за счет естественного, так и механического прироста (основной приток бурятского населения отмечается из бывших Усть-Ордынского и Агинского округов).

Возрастная структура народов Бурятии показывает, что доля лиц моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте несколько выше среди бурятского населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Население по возрастным группам, %*

Национальность	Удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста		Удельный вес лиц трудоспособного возраста		Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Буряты	26,2	23,3	62,4	63,3	11,5	13,3
Русские	22,2	20,6	61,5	61,2	16,3	18,2

*Сост. по: Итоги Всероссийской переписи населения. 2002. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т.4. кн. 1. – С. 612. Итоги Всероссийской переписи населения. 2010. Т. 4. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Анализ статистических данных показывает также наличие разницы в образовательных стратегиях русского и бурятского населения. Среди лиц в возрасте от 15 лет и более и указавших свое образование количество бурят, имеющих высшее образование почти в два раза больше, в то время как больше русских со средним профессиональным образованием (табл. 3).

Таблица 3

Распределение основных этнических групп Республики Бурятия по уровню профессионального образования, %*

Национальность	Послевузовское	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Начальное
Буряты	0,6	30,5	6,9	24,1	3,2
Русские	1,4	16,4	3,8	32,8	5,5

*Сост. по: Итоги Всероссийской переписи населения. 2010. Т. 4. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

«Однако говорить о каком-либо социальном или тем паче политическом проекте, понимаемом в качестве некой осмысленной отрефлексируемой общегрупповой стратегии... не приходится... Этот факт можно интерпретировать как одно из следствий глобализационных процессов; это своего рода «бурятский» ответ на вызов глобализа-

ции. Люди понимают, что образование – важный фактор социальной мобильности и индивидуальной успешности в современном мире» [Буряты: социокультурные практики переходного периода, 2008, с. 248]. Или же словами С.А. Панарина, «в своем нынешнем виде бурятская стратегия социальной мобильности не является наступательной и сознательно проводимой в жизнь титульной элитой, не предполагает намеренной дискриминации этнических групп. По существу, она представляет собой стихийно сложившуюся компенсационную – и в этом смысле сугубо защитную – модель поведения, в которой реализуется стремление бурят к социальной модернизации [Панарин 2005, с. 66].

Республика Бурятия относится к регионам со стабильной этнополитической ситуацией, с отсутствием ярко выраженных межэтнических конфликтов. Низкий уровень конфликтности на межэтнической почве можно объяснить особенностями исторического, культурного и религиозного развития и взаимодействия народов, населяющих ее территорию. Так, по результатам социологического исследования ведущего научного сотрудника ИМБТ СО РАН Е.В. Петровой «можно сделать вывод о позитивной направленности этнической и культурной толерантности русского населения [Бурятии], функционирующей скорее в плоскости толерантности как расширения собственного опыта и возможности критического диалога, которая предполагает уважение в сочетании с установкой на изменение позиции в результате обсуждения» [Петрова 2009, с. 258].

Исследование социального самочувствия сельского бурятского населения Бурятии, проведенное сотрудником ИМБТ СО РАН В.Г. Жалсановой, показало, что «в целом эмоциональный фон сельских бурят можно оценить как положительный. Этому способствует сам сельский образ жизни, лишенный суев и стрессов, характерных для городов. К тому же многие сельские буряты сохраняют традиционные культурные модели поведения, склонны к опоре на родственные узы. Можно сделать вывод о том, что традиционное бурятское мировоззрение, опирающееся на буддийскую религию и шаманизм, способствует не только выживанию в сложных условиях совре-

менности, но и позволяет адаптироваться в современном социуме» [Жалсанова, 2009, с. 82].

Опыт изучения этносоциальных процессов в Бурятии показывает необходимость их комплексного исследования с применением методов разных наук, что позволило бы глубже понять их суть и глубинные мотивы поведения основных участников. И как отмечал в свое время Ю.В. Бромлей [1987, с. 6], «разработка национальных, этносоциальных проблем имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение».

Литература

Балдано М.Н. Идея создания единого монгольского государства как проект нациестроительства // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2: Сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 276–286.

Батуев Ц.Б. История законодательной (представительной) власти в национальных регионах Сибири (на материалах Республики Бурятия). – Иркутск: Отгиск, 2012.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987.

Буряты: социокультурные практики переходного периода. – Иркутск, 2008.

Жалсанова В.Г. Особенности социального самочувствия сельского бурятского населения Республики Бурятия в современных условиях // Сравнительный анализ развития сельского хозяйства Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 79–86.

Итоги Всероссийской переписи населения. 2002. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – Т.4. – Кн. 1.

Итоги Всероссийской переписи населения. 2010. Т. 4. Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Панарин А.С. Национализм в СНГ: Мировоззренческие истоки // Свободная мысль. – 1994. – №5.

Панарин С.А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – С. 66.

Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009.

Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М. Дробужева. – М., 1998.

B.V. Bazarov

Ethno-social processes in modern Buryatia

The subject of this article are the special features of the ethno-social processes in Buryatia in the modern world. Provides objective statistical and sociological data about the peculiarities of the socio-economic development of the peoples of the Republic. The author emphasizes the need for a comprehensive study of ethno-social processes using methods of different sciences.

Keywords. Ethno-social processes, ethno-demographic situation, ethnic groups.

УДК 316.48

С.В. Мурашева

Этносоциальные и этнокультурные изменения в современной России как факторы возникновения межэтнических конфликтов

В статье предпринята попытка определить воздействие этнокультурных и этносоциальных трансформаций, происходящих в современной России, на возникновение межэтнических конфликтов. Материалом для анализа послужили статистические и социологические данные, полученные при изучении обстановки и межэтнического взаимодействия в Орловской области.

Ключевые слова: глобализация, этнос, этническая культура, миграционные процессы, интолерантность, мигрантофобия, этностереотипы, гиперидентичность, национально-психологические особенности, типовые программы и схемы поведения.

В условиях современного процесса глобализации закономерно становится актуальной потребность представителей различных этносов в восстановлении этнокультурной идентичности. Это связано с их ориентацией на воссоздание традиционных ценностей, норм, социальных отношений и форм жизнедеятельности для обретения целостности и полноты повседневного быта народа. Однако изменившиеся условия нередко ведут к невозможности восстановления этнокультурного наследия в полном объеме. При этом элементы этнической культуры, как правило, используются неравномерно.

По мнению норвежского социального антрополога Ф. Барта, для маркировки этнических различий могут иметь значение не только культурные характеристики. В качестве этнических границ он рассматривает те факторы, которым группой придается маркирующее значение [Дробижина, 2003, с. 73]. Так, например, существенным разграничителем может быть неравенство в оплате труда. В последнее время в больших городах в России все чаще встречается явление расколото-го рынка: состоятельные люди «восточных» национальностей (азербайджанцы, армяне, грузи-

ны) нанимают на работу лиц славянских национальностей за более низкую плату, нежели своих сограждан. В других случаях на таких же принципах нанимают на строительные работы работников с Северного Кавказа [Там же, с. 75].

К детерминантам межэтнических взаимодействий относят психологические особенности, присущие конкретным участникам конфликтного взаимодействия, и психологические основы наций, представителями которых являются оппоненты. Именно в этой сфере этничность выступает как компенсирующий механизм, проявляет себя в защитной функции, восполняет потребность в групповой принадлежности, когда другие идентичности неустойчивы или ненадежны.

В сфере межэтнического взаимодействия переживаются все старые и недавние обиды, воспринимается статус своей группы и «других», проявляется стремление к позитивной идентичности, наблюдается избирательность получаемой информации, появляются оценки удовлетворенности-неудовлетворенности интересов, потребностей, переносится ответственность на иные группы, идет поиск врагов, возникают негативные проекции.

Общепринятым является факт, что все уровни социальной детерминации существуют и функционируют вместе, а также взаимодействуют и дополняют друг друга [Стефаненко, 2009, с. 76].

В обыденном сознании психологические основы собственной нации рассматриваются как естественные. Однако правила культуры относительны и не имеют универсальной значимости. То есть для адекватного межнационального взаимодействия необходимо производить оценку смыслов и значений действий собеседника не в соответствии со стандартами и критериями своей культуры, а исходя из того, насколько поведение оппонента традиционно для его собственной культуры [Социальное неравенство этнических групп..., 2002, с. 116].

Одной из основных причин возникновения межнациональных противоречий является стереотипизация в восприятии специфических национальных личностных особенностей. Этнические стереотипы представляют собой относительно устойчивые, упрощенные, схематизированные и эмоционально-окрашенные образы обобщенного характера о той или иной этнической группе, которые с легкостью распространяются на всех представителей этой группы. Они вызывают ожидания определенного поведения от оппонентов, и субъекты стереотипизации невольно пытаются подтвердить эти ожидания. Иными словами, стереотипы рождают предсказания, склонные подтверждаться, поскольку люди невольно «отбирают» модели поведения других людей, которые соответствуют этим стереотипам [Лебедева, 1998, с. 57].

Этнические стереотипы включают в себя набор типовых программ и схем поведения. Они усваиваются очень рано, преимущественно в детском возрасте, и используются задолго до возникновения собственных мнений о тех группах, к которым они относятся. Кроме того этнические стереотипы хоть и являются устойчивыми, регулярно повторяемыми элементами образа жизни, однако не осознаются носителями поведения как поступки.

Объектом этнической стереотипизации, как правило, становятся национально-психологические особенности, то есть компоненты психологии нации, которые характеризуют своеобразие протекания психических процессов и состояний, специфику взаимодействия, взаимоотношений и общения представителей конкретных этносов. Через национально-психологические особенности проявляется психология конкретного этноса.

Этническая культура присутствует в жизни народа скорее как символическая ценность. Глобализация, расширив пространство существования этнических общностей, порождает стремление предъявить обществу локальную культуру региона (по сути полиэтнического сообщества) как уникальное явление, тем самым, увеличив его социально-экономическую и этнокультурную привлекательность [Карымова, 2012, С. 67].

Миграционная ситуация в России на сегодняшний день является очень сложной и неоднозначной. Количество иностранных граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации, постоянно растет, даже несмотря на экономические проблемы в стране. Это в первую очередь связано с отсутствием на рынке труда должной политики и несовершенством миграционного законодательства. Изменение социальной структуры российского общества, произошедшее в последние десятилетия, вызывает необходимость изучения новых проблем, связанных с мобильностью отдельных социальных групп.

Современное состояние общества характеризуется высокими темпами перемещения населения. Разные причины обуславливают подвижность людей в границах тех или иных территорий или за их пределы. При этом масштабы, интенсивность и направленность миграционных потоков актуализируют изучение влияния миграции на социальную структуру принимающего общества, его экономическую и демографическую составляющие, межэтническое взаимодействие и возникновение конфликтов.

Интенсификация миграционных процессов неизбежно расширяет масштабы социального взаимодействия этнических мигрантов и населения принимающих обществ. По мнению исследователя М.В. Донцовой, социальное взаимодействие в системе «этнические мигранты – принимающее общество» представляется структурным целым, включающим в себя ряд элементов:

- участники взаимодействия (этнические мигранты, население принимающего общества, принимающее общество как структурное целое, власть);
- уровни взаимодействия (институциональный, групповой, межличностный);
- цели взаимодействия;
- условия ситуации (этноконтактная ситуация);
- нормативная ориентация [Донцова, 2007, с. 45].

Каждый из перечисленных элементов имеет собственные характеристики и функциональное назначение. Несовпадение целей мигрантов и норм принимающего общества составляет конфликтногенную основу межэтнической интеракции. В этих условиях наблюдаются негативные стратегии взаимодействий, результатом которых выступают интолерантность и мигрантофобия.

Интолерантность проявляется в нетерпимости к этнокультурным различиям, несогласии с присутствием иноэтнических групп в социальном пространстве. Основаниями для интолерантности являются распространенность негативных общественных стереотипов по отношению к той или иной этнической группе, усиление ощущения доминантности «своего» этноса, т. е. гиперидентичность.

В основе мигрантофобии лежит ощущение социальной угрозы, исходящей от иноэтнических групп, осознание претензий этих групп на социальные ресурсы. Демограф и социолог Л.Л. Рыбаковский [2005, с. 71] к предпосылкам возникновения мигрантофобии относит следующие факторы: усиление локально-идентификационных тенденций, общеэкономические предпосылки, ухудшение ситуации на рынках труда, обострение жилищных проблем, социально-льготную конкуренцию, ухудшение оперативной обстановки.

Направленность межэтнического взаимодействия определяется комплексом факторов, которые пронизывают все уровни данного взаимодействия – от институционального до межличностного.

На институциональном уровне находят отражение объективные факторы, которые касаются характеристик принимающего общества с точки зрения его экономического развития, политического устройства, направленности миграционной политики, социально-структурных и культурных условий, степени этнической дифференциации, численности мигрантов и т. д.

На групповом уровне актуализируются факторы межгруппового взаимодействия, такие, как особенности межэтнических стереотипов, степень внутригрупповой солидарности и сплоченности, особенность внутригрупповой идентичности, направленность межэтнических установок, наличие/отсутствие в групповом сознании мигрантофобии и т. д.

Межличностный уровень взаимодействия определяется субъективными (личностными) факторами, наиболее значимыми из которых яв-

ляются: характер социальной и этнической идентичности, социальная дистанция по отношению к представителям иноэтнических групп, наличие/отсутствие в сознании индивидуального фактора мигрантофобии [Донцова, 2007, с. 45]. Указанные факторы в зависимости от их характеристик могут направить процесс социального взаимодействия в системе «мигранты – принимающее общество» как в позитивную, так и в негативную сторону.

Интолерантность как свойство межэтнических отношений проявляется, главным образом, на уровне межгрупповой и межличностной коммуникации, где актуализируются этностереотипы и направленность социальной и этнической идентичности, а мигрантофобия затрагивает по большей части институциональный уровень, характеристики которого и определяют степень распространенности мигрантофобии.

При решении выше перечисленных проблем в полиэтнических регионах важно акцентировать внимание на особенностях межэтнического взаимодействия, уровнях толерантности отдельных этнических групп по отношению друг к другу, а также возможностях адаптации этногрупп к политическим и экономическим преобразованиям.

Миграционные процессы, происходящие в Орловской области, характеризуются высокими темпами динамики. К числу наиболее важных характеристик миграции на территории области можно отнести следующие:

- несмотря на благоприятную миграционную ситуацию в регионе в целом, наблюдается естественная убыль населения в совокупности с миграцией населения из региона;

- основной миграционный обмен происходит с регионами России, значительное количество которых составляют области Центрального федерального округа;

- темпы внутрирегиональной миграции достаточно высоки, при этом перераспределение идет как в городском, так и в сельском масштабах, наблюдается смещение вектора направленности миграции – увеличивается поток желающих переехать на постоянное место жительства в сельскую местность.

Из-за сокращения и старения коренного населения Орловской области миграция способствует его компенсации и положительно влияет на демографические, качественные и квалификационные характеристики. В половозрастном составе мигрантов в область большая часть приходится на женщин

и лиц трудоспособного возраста. В национальном составе мигрантов, прибывающих на территорию Орловской области, преобладают русские.

Миграционная обстановка в Орловской области в 2014 г. определялась экстренным массовым прибытием граждан Украины. В течение 2014 г. в регион прибыло и поставлено на миграционный учёт 48 150 человек, что на 62,9% больше, чем в 2013 г. Увеличение произошло за счет граждан Украины, прибывающих в Российскую Федерацию в экстренном массовом порядке.

В этнографическом отношении основное население Орловской губернии составляли великорусы. Жили здесь и представители других национальностей: украинцы, поляки, французы, немцы, цыгане, евреи и татары. Они составляли небольшой процент населения (от 1 до 3%).

На территории Орловской области абсолютное большинство в национальной структуре населения составляют русские (96,04%). Второй по численности национальной группой являются украинцы (1,02%). Среди других национальных групп, численность которых составляет свыше тысячи человек, выделены армяне (0,5%), азербайджанцы (0,28%), белорусы (0,22%), цыгане (0,17%), курды (0,17%), татары (0,16%) и чеченцы (0,13%). Национальные группы с численностью менее тысячи человек составляют молдаване (0,11%), турки (0,09%), немцы (0,08%), грузины (0,06%), узбеки (0,07%), лезгины (0,05%), таджики (0,05%) и евреи (0,04%).

Анализ данных 2010 и 2015 гг. показывает незначительный прирост числа представителей азербайджанской, армянской, курдской, таджикской, узбекской и цыганской национальностей, проживающих в Орловской области. На территории области расположено 370 мест компактного проживания национальных меньшинств, включающих представителей 29 этносов и народов.

Несмотря на присутствие в Орловской области представителей более 70 различных этносов в настоящее время обстановка в сфере межнациональных отношений остается стабильной. В регионе отсутствуют исторически обусловленные точки межнациональной напряженности.

Таким образом, особенностями современного этносоциального и этнокультурного развития многих сообществ являются опора на историческую память, использование потенциала прошлого, воспроизведение национальных традиций. Традиция выступает значимой формой бесконфликтности, устойчивости, будучи важным компонентом историко-культурного наследия и способом трансляции этнокультурного опыта, передачи его от поколения к поколению.

Литература

Донцова М.В. Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия (на материалах Краснодарского края): дис. ...канд. социол. наук: 22.00.04. – Краснодар, 2007.

Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

Карымова Л.С. Отношение этнических общностей в условиях становления гражданского общества в современной России: дис. ...канд. социол. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2012.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Психология, 1998. – 224 с.

Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. – 2005. – №2. – С. 71.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижеева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

S.V. Murasheva

Ethno-social and ethno-cultural changes in the modern Russia as factors of emergence of the interethnic conflicts

The article is an attempt to define impact of the ethno-cultural and ethno-social transformations happening in the modern Russia on emergence of the interethnic conflicts. Materials for the analysis were statistical and sociological data obtained when studying a situation and interethnic interaction in the Oryol region.

Keywords: globalization, ethnos, ethnic culture, migration processes, intolerant, migrantophobia, ethnotherapy, hyperidentity, national-psychological peculiarities typical of program and patterns of behavior.

Д.Г. Брагина

Семья у якутов: от традиции к современности

Тенденции и перспективы развития семьи в быстро изменяющемся современном мире представляют большой интерес и практическое значение. Среди народа саха наблюдается укрепление института семьи. Сегодня в условиях модернизационных процессов в обществе особое значение приобретает устойчивость семейно-родственных связей и отношений. В настоящей статье на основе литературных источников, полевых материалов автора обращается внимание на функции и значение современной семьи в системе традиционных ценностей якутов, стереотипы семейного поведения.

Ключевые слова: семья, родство, традиции, гендерная проблема, семейное поведение, состав семьи, семейные ценности.

К 80-м годам XX в. усиливаются процессы урбанизации, влияние средств массовой информации при этом слабеет влияние семейных ценностей. В 90-е годы XX в. возвращение к традициям стало рассматриваться в качестве альтернативы «вестернизации». Как показывает практика, сегодняшняя жизнь с её психологическими стрессами и материальными проблемами не способствует устойчивости семейно-брачных отношений, поэтому можно говорить о том, что современная семья переживает кризис. С другой стороны, этнический фактор имеет влияние на укрепление семьи и семейных ценностей.

В результате обобщения большого фактического материала о традиционных семейно-брачных отношениях якутов, собранного дореволюционными исследователями, современные ученые внесли определенный вклад в освещение данной темы [Алексеев, 1975, Гурвич, 1980, Гоголев, 1988, Бравина, 1996 и др.]. Для ментальности якутов остаётся характерной значимость семейно-родственных связей. Если у православных русских существуют такие виды родства, как кровное (родовое), свойственное – по брачным отношениям (союзам) и духовное (крёстное, крестовое, кумовство) по восприятию от купели, то относительно якутов ещё И.А. Худяков [1969, с. 122] писал: «Христианское духовное родство слабо наблюдается; о крёстных отцах, матерях, кумушках якуты упоминают очень редко». И ныне якуты в основном не придерживаются духовного родства. В прошлом система родства у якутов имела сложный и неоднозначный характер: Ага ууса, аймахтаара составляют родственники по отцу; ийэ ууса, аймахтаара – родственники по матери; удьуор – родственники, люди еди-

ной крови. Биис – родственники, люди одного предка, одного корня. В родстве объединялись так называемые аймах, уруу – родственники. В словаре Э.К. Пекарского термин «аймах» означает не только родственников, но и народ, люди, якуты [Пекарский, 1958, с. 40]. Биис у Э.К. Пекарского означает род, семейство, племя, потомство, следующее поколение, а до прихода русских якутский народ распадался на чьоны или бииси, они состояли из родов (ага ууса). Далее у него находим, что ус – род, поколение, племя, семейство; Ага уса – род(колена, племя), происходящий от одного пра-родителя и состоящий из нескольких ийэ уса; большая семья. Уруу – родня, родственник(ца), сродник; родственник по свойству – тасты уру; родство(вообще), а родство, приобретённое путём брака, через свадьбу; родство кровное; кровный родовой путь. Удьуор – это потомство, род, племя, колена, род, происхождение [Пекарский, 1959, т. 2, с. 3068; 1959, т. 3, с. 2978, 3075].

Таким образом, согласно материалу словаря Пекарского, якуты как аймах (народ) состояли из бис, а те в свою очередь – из ага ус, состоящего из ийэ ус.

Массовое колхозное движение в первой половине XX в., способствовавшее значительной ломке традиционных форм жизнедеятельности, привело к серьёзным изменениям в составе якутского этноса. Одним из существенных изменений стало преодоление бывшего родового деления, в результате чего принадлежность к тому или иному роду у якутов стала постепенно забываться. В современных условиях у якутов значительно сократился круг родственных связей. Различают в основном родство по мужскому и женскому колёну (по отцу и по матери). В прошлом брак у яку-

тов, согласно обычному праву регулировался экзогамными запретами, распространявшимися на родственников по отцовской линии до 4–6-го поколения, а «брак с родственниками по материнской линии разрешался в исключительно редких случаях, так как род матери по отношению к роду отца считался чужим» [Слепцов, 1989, с. 10–11]. Православная церковь также допускала браки не ближе четырех поколений. Экзогамные запреты строго соблюдались всеми якутами. В прошлом остались такие формы брака, как моногамный брак по сватовству с выплатой калыма, браки по сватовству, обмен невестами, брак отработкой, левират и сорорат, «брак убегом», колыбельный сговор и обручение малолетних. Для якутов немаловажное значение имел и имеет фактор социальной саморегуляции, т.е. семейный человек обретал устойчивое положение в обществе. Отказ от значимого в прошлом материального расчёта при заключении брака привёл к закономерному исчезновению его традиционных форм [Слепцов, 1989, с. 28.]. Современные якуты женятся по любви и взаимному согласию, но немаловажное значение придаётся уважению, взаимопониманию, цементирующим семью. Заметим, что материальный расчёт и другие причины играют сегодня при вступлении в брак не последнюю роль. Об этом свидетельствует популярность системы службы знакомств, где в заявлениях о своих намерениях указывают и такое условие, как состоятельность. Отход от традиционного сватовства привёл к появлению предсвадебного ритуала ухаживания. Известно, что вплоть до шестидесятых годов XX в. якуты объяснялись в любовных чувствах чаще письменно, в этом сказывалась традиция, согласно которой молодые люди не выражали свои чувства в устной форме [Евсеева, 1961, с. 59]. Но и в настоящее время общественное мнение не всегда считает этичным демонстрацию чувств молодыми людьми. Современные женихи и невесты чаще всего знакомятся и встречаются в процессе совместной учёбы, работы, местах проведения досуга. Здесь чаще проявляется не национально-специфическое, а индивидуально - особенное.

Ещё И.А. Худяков [1969, с.178] писал, что «Якуты уважают женатого человека. Жениться, по их мнению, значит, стать человеком или в люди выйти». Семья и сейчас остаётся одной из базовых ценностей современного человека. Семья с её культурно-бытовым укладом относится,

как известно, к наиболее устойчивой сфере этнического своеобразия. В то же время процессы, происходящие в обществе, неизменно оказывают влияние на семейно-брачные отношения, на этнокультурные функции семьи. Современная якутская семья также отражает изменения, происходящие в составе этноса. В якутской семье традиционно главой семьи считается мужчина, отец семьи, но уже не обязательно старший по возрасту. Часто формально главой семьи значатся престарелые родители, а фактически руководит ею кто-нибудь из взрослых сыновей или же при отсутствии последних дочери. Об ориентации большей части якутского населения на традиционные ролевые представления в семье свидетельствуют как данные социологических опросов, так и материалы похозяйственных книг в сельских местностях. Таким образом, сохраняется традиционный авторитет даже престарелых родителей. Довольно часто за юридическим главенством мужа наблюдаются равноправные взаимоотношения супругов или же фактическое главенство жены. Утрата традиционности проявляется в том, что всё больше появляется семей, официально возглавляемых женщинами. Главами семей могут быть дочери при малообразованных родителях, или жёны, имеющие более высокое образование или статусное положение, чем муж, или в случае, если последний является вторым мужем или примаком в семье. Но в основном женщины становятся главами семей в неполных семьях, число которых растёт и имеет тенденцию к увеличению.

В целом, проблема главенства в якутской семье зависит как от вариантов семейного устройства, так и от национальной традиции, утверждающей официальное главенство мужчины в семье. До сих пор, согласно традиции, если женщина хочет уважить мужа, то называет его стариком, хотя он молод по возрасту [Худяков, 1969, с.122]. Изменение социального положения и ценностных ориентаций якутской женщины ведут к менее заметному проявлению этнического своеобразия якутской современной семьи. Распределение домашней работы между супругами во многом зависит от уклада жизни, городского или сельского, занятости женщины на производстве, от уровня образования супругов и поколенного состава семьи. Неблагоустроенная жизнь в сельской местности, наличие тяжёлой физической работы в хозяйстве предполагает сохранение деления домашних занятий на мужские и женские. Но

и среди сельских мужчин не является предосудительной помощью жене в домашних делах. В городских семьях, живущих в основном в благоустроенных домах, такая помощь мужей становится обычным делом. Традиционное распределение ролей в семье возлагает на женщину ответственность за уход и воспитание детей, но сейчас активную роль в этой сфере начинают играть и отцы.

Известно, что семья обеспечивает передачу стереотипов поведения. В якутской семье неизменным было подчинение младших старшим, сдержанность отца по отношению к детям и т.д. Ранее родители были основным источником знаний и представлений об окружающем их мире. С распространением системы государственного образования, воспитания и ростом профессиональной занятости родителей углубляется межпоколенный разрыв, который в свою очередь привёл, с одной стороны, к резкому снижению этнопедагогической функции семьи, а с другой – в условиях новых рыночных условий растёт ответственность родителей за будущее их детей. Что касается воспитания детей, то весьма традиционным остаётся отношение к детям. Например, как и ранее, в первые годы жизни никаких различий в воспитании мальчиков и девочек не делают. Но более любя первенцев – «мангнайты ого» и самых маленьких – «осогос тюэгинээги ого», всё же предпочитают иметь первенцем мальчика, который продолжит дело отца, а положение сыновей более независимое, чем дочерей, также стараются прививать детям послушание и почтительное отношение к родителям, уважение и внимание к старшим, особенно к старикам [Слепцов, 1989, с.105]. Народная этика считала неприличным и неподобающим детям громко разговаривать, вмешиваться в разговор, спорить, пререкаться со старшими, а в присутствии гостей дети вели себя тихо и старались не показываться им на глаза. Ныне эти моменты в воспитании детей не всегда наблюдаются. В сельской местности, как и ранее, к труду детей приучают с самого раннего детства, и уже девочка приучается к тем работам, которые выполняет мать, а мальчик приучается к мужским занятиям [Там же, с.107].

В условиях кризисного переходного периода конца XX и начала XXI в. обостряется проблема социальной адаптации в сфере гендерных отношений. Традиционно гендерная проблема рассматривается как проблема жизнедеятельности

женщин. В литературе чаще культивировался негативный образ якутской женщины с её неуживчивостью, сварливостью, ревнивостью [Иванова, 1974, с.19]. И отношение к женщине в это время носит чаще оскорбительный характер. Так, в пословицах, приведённых А.Е. Кулаковским, говорится следующее: «Дьахтар арай умуһабын буоругар хараба туолар – Смысл: женщина не удовлетворяется ничем на свете»; ей кажется достаточным только могильная земля. «Дьахтар оронуттан туран уот оттуор диэри 40 санааны саныыр – женщина, вставши утром, успеваает передумать 40 разных дум». О легкомыслии женщины. «Дьахтар таһыырын таптыыр, хаарты ырытытын таптыыр – Женщина любит потасовку, а карты любят тасовку». Смысл: женщина становится лучше, если её «проучить»... «Кинээс ойоҕо кэ-тэһтээх, уус ойоҕо улаатымсык, ойуун ойоҕо улаҕалаах» – жена старосты – с задними мыслями, жена кузнеца – высокомерна, жена шамана с запасными мыслями...» [Кулаковский, 1979, с.130, 134].

И.А. Худяков [1969, с.180] отмечает, что «якуты мужья не очень ласковы к своим жёнам...они очень редко с ними целуются. Кроме того, мужья очень часто секут своих жён ремнём или розгами...». Тем не менее, И.А. Худяков отмечал, что «отъезд, дружба с посторонними часто зависят от согласия жен» или мужчины «не столь ревнивы, как женщины, иногда они даже сквозь пальцы смотрят на неверность женщины. Зато жена, узнав о неверности мужа или даже только заподозрив её, не остаётся хладнокровной» [Там же, с.179] Народный писатель Якутии Амма Аччыгья (Н.Е. Мординов) утверждал, что якутка никогда не была забитой жизнью женщиной, она была самостоятельной и нередко деспотичной.

О бесправном положении якуток в дореволюционной Якутии и их раскрепощении в советский период существует специальное исследование Л.Т. Ивановой [1974]. Якутская женщина не отличалась крепким здоровьем. Гигиенические условия жизни и частые роды не способствовали сохранению здоровья женщин. Но и в этот период появляются женщины получившие образование, вплоть до высшего, и, несмотря на традиционность положения, начинает меняться стиль их поведения. Ещё в дореволюционной России была введена регистрация актов гражданского состояния, осуществляемая по конфессиональному признаку. И как считают исследователи, это явилось

фактором, стабилизирующим семейно-брачные отношения якутов [Якуты (Саха), 2013, с.355].

Положение якутской женщины в обществе и семье радикально изменяется в советский период, когда «прежде робкие и пассивные женщины научились отстаивать свои интересы, как личные, так и общественные... Участие в партийной работе, избрание женщин в Советы – в местные и высшие органы государственной власти, работа в общественных организациях трудящихся и молодежи свидетельствовали о появлении в Якутии новых женщин...» [Иванова, 1974, с.118]. К 80-м гг. XX в. среди женщин специалисты с высшим и средним образованием составляют третью часть, тогда как среди работающих мужчин только пятая часть являются дипломированными специалистами. И, тем не менее, принципы равноправия полов и равных возможностей, декларируемые в законодательстве советской власти, не дали женщине в полной мере проявить свои личностные способности. Вступив в общественное производство, она получила дополнительные обязанности, сохранив за собой семейные.

В конце 80-х гг. XX в. появляется тенденция снижения у якутов роли такой традиционной ценности, как семья. Статистические данные также показывают, что мужчин, считающих себя женатыми, больше, чем считающих себя замужними женщин. Как нам представляется, для женщин официальная регистрация брака оказывается более значимой, чем для мужчин. Эта тенденция сохраняется и к XXI в.

Что касается брачного возраста, то установленные советским законодательством нормы, а также необходимость получения образования и специальности привели к тому, что ко второй половине XX в. большинство браков среди якутов, как в городе, так и на селе заключались в возрасте от 20 до 29 лет. Становятся редкими такие браки, где жених старше невесты на 20 и более лет, напротив, женщины в возрасте после 25 лет нередко вступают в брак с мужчинами несколько моложе их по возрасту. Статистика и наблюдения показывают, что социальные различия, как правило, не служат препятствием для заключения брака. В особенности это проявляется в селах, где женщины с высшим образованием и высоким статусным положением выходят замуж за водителей, трактористов, рабочих и других мужчин, имеющих рабочие профессии. Но, тем не менее, в целом преобладают браки

между лицами с равным уровнем образования и социальным статусом.

Тенденцией последнего десятилетия XX и начала XXI в. становится многообразие форм семейной жизни среди якутов. Широкое распространение получили гражданские формы совместной жизни семейных пар с детьми или без детей, нередко также одиночки с детьми, причём среди последних не только женщины, растёт и число одиноких мужчин с детьми. Данная тенденция продолжает нарастать в XXI в.

В своё время И. Худяков писал: «Все якутки боялись даже называть русского «русским» (нуучча), а говорили торгуомай, атыгыһыт («покупатель»). Если якутка входила в связь с русским, то её называли несчастной мученицей, «женщиной, замученной русским» (нуучча муннаабыт дыахта-ра). Такую якутку уже не называли якутским именем; ей не позволяли пройти мимо варящейся пищи; а если она проходила мимо какой-нибудь чашки с пищей, то эту пищу уже не ели» [Худяков, 1969, с.118]. В дореволюционную Якутию в первое время русские прибывали в основном без семей, поэтому, как известно, были вынуждены вступать в брачные отношения с якутками. Часть якутских женщин была крещена и находилась в законном браке с пришельцами. Дети от законных браков причислялись к русскому населению. Распространены также были внебрачные связи русских мужчин с якутками. Дети же в таких случаях чаще оставались при матери и вырастали якутами. В советский период, начиная с середины XX в., распространяются межнациональные браки и семьи, а в постсоветское и по настоящее время они становятся характерным явлением.

Для якутов традиционна малая семья – одна брачная пара с детьми, часто живущая вместе с родителями или одним из них. У якутов дети всегда считались большим богатством. Даже дух огня бывает рад, когда хозяева имеют детей. Иметь потомство – великое счастье [Слепцов, 1989 с. 153]. В дореволюционный период женщина обычно рожала более 10 детей. Исследователи отмечали исключительную плодовитость якутской женщины, но высокая смертность детей не позволяла иметь много детей, поэтому страх потерять ребёнка принуждал их соблюдать всевозможные предохранительные меры, выполнять различные магические действия [Там же, с. 285]. К таким относились следующие: первые месяцы не показывали ребёнка, скрывание пола,

имена-обереги, различные плохие клички, проводились такие обряды, как ого уоруута (кража ребёнка), ого олуутугэр кырыры (камлание при детской смертности), ситии быһар (разрезание верёвки) и др. [Там же, с.282–285]. Только в советский период, с улучшением социальных условий, развитием здравоохранения к середине XX в. утверждается многодетность якутской семьи. Но в последующем наметилась тенденция к её сокращению, уже к 1970-м годам средняя численность сельской якутской семьи сокращается до 4,9 человека.

Такая характерная особенность якутских семей, особенно сельских, как их многолюдность, объясняется не только наличием жилищных проблем, свойственных и русским, но и более тесными, чем у русских, родственными связями. Так, среди якутов нередки семьи, где кроме супругов и их детей совместно с ними живут родители супругов или неженатые братья и незамужние сестры, либо другие родственники. В селах такие формы совместной жизни в похозяйственных книгах, как правило, не фиксируются. Это связано в основном с тем, что по условиям получения различных социальных субсидий взрослым детям выгоднее значится в них отдельными хозяйствами. Значительная доля неполных семей в селах чаще объясняется смертью одного из супругов, нежели разводом. Среди неполных семей встречаются не только матери-одиночки, но нередки и бабушки, живущие с несовершеннолетними внуками. Доля неполных семей продолжает расти. Эта тенденция особенно ярко проявляется на рубеже XX–XXI вв. Необходимо отметить, что, несмотря на государственную семейную политику, в результате которой были созданы Комитет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте РС(Я), учреждены праздники «День матери», «День отца», «Год семьи» и т.д., наблюдается феминизация социальных сторон жизни, нарушение прав ребёнка, а рост алкоголизации среди женщин обостряет все другие проблемы.

Современная якутская женщина нередко обладает такими социальными качествами, как высокий уровень образования, профессионализм, экономическая самостоятельность, широкий кругозор, сейчас многие женщины имеют навыки вождения автомашины. Она самостоятельно решает такие проблемы, как выбор профессии и образования, работы, мужа, регулирование численности

детей в семье, распоряжение семейным бюджетом и т.д. Нередко женщина становится инициатором развода или вообще по многим причинам и вовсе не выходит замуж. В советское время женщины чаще проявляли себя как общественная сила через женсоветы. В истории женского движения республики известны такие лидеры, как С.А. Курчатова, председатель Гостелерадио республики, Т.П. Дмитриева, главный врач детского костно-туберкулезного санатория, С.Е. Николаева, партийный деятель компартии, Н.И. Протопопова, главный редактор детских газет, А.В. Каплина, профсоюзный деятель, А.П. Данилова, М.Д. Нартахова, А.Я. Овчинникова, Е.Н. Горохова, Л.Н. Григорьева – деятели государственного аппарата и другие. В постсоветское время заслуга женщин состоит в том, что они активно участвуют в создании гражданского общества через женские общественные организации, это Комитет родителей солдат, Ассоциация женщин-предпринимателей, «Дамская Академия», лига «Женщины-учёные», «Алаас хотуна» (Хозяйка алааса) и др. Особую активность проявляют сельские женщины, благодаря которым население легче адаптируется к новым для них рыночным отношениям.

Таким образом, семья в системе традиционных ценностей якутов продолжает занимать важное место. При этом большинство семей составляют нуклеарные семьи, т.е. состоящие из супругов и их детей. Для семейно-брачных отношений характерным становится равноправие якутских мужчин и женщин. В связи со снижением экономических функций семья все больше становится морально-правовым союзом. Изменение социально-экономических условий и широкое участие якутских женщин в общественной жизни привело к ослаблению, а затем исчезновению или трансформации многих традиционных норм поведения, запретов и ограничений.

Литература

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.

Бравина Р.И. Жизнь и смерть в традиционных представлениях саха. – Якутск, 1996. – 168 с.

Виташевский Н.А. Брак и родство у якутов // Живая старина. – 1904. – Вып.4.

Гоголев А.И. Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII в. // Семья у народов Северо-Востока СССР. – Якутск, 1988. – С. 89–98.

Гурвич И.С. Якуты // Свадебная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. – М., 1980.

Евсеева Н.С. Из современного семейного быта якутов (по материалам Баягантайского наслега Усть-Алданского р-на ЯАССР // Научные сообщения ЯФ СО АН СССР. – Якутск, 1961. – Вып. 6. – С. 59.

Иванова Л.Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937). – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 184 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды / сост: Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск, 1979. – 484 с.

Маак Р. Вилюйский округ Якутской области: в 3 ч. – СПб., 1887. – 192 с.

Павлинов Д.М. Брачное право якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л., 1929.

Пекарский З.К. Словарь якутского языка. – М., 1959. – Т. 1–3.

Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения / под ред. И.С. Гурвича. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

Сорошевский В. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – с. 736.

Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). – Якутск, 1989. – С. 159.

Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. – М., 1940. – 248 с.

Троцанский В.Ф. Любовь и брак у якутов // Живая старина. – 1904. – Вып. 2–3.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л., 1969. – 473 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2013. – 599 с.

D.G. Bragina

Family at the Yakuts: from tradition to modernity

Tendencies and prospects of development of the family in a rapidly changing modern world are of great interest and practical importance. Among the Sakha people observed the strengthening of the family institution. Today in the conditions of modernization processes in society are of particular importance in the stability of family and relations. In this article, on the basis of literary sources, field research, the author draws attention to the functions and importance of the modern family in the traditional values of the Yakuts, the stereotypes of family behavior.

Keywords: family, relationship, tradition, gender problem, family behavior, family structure, family values.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 061.62 (470.57):009

Ф.Г. Хисамитдинова

Роль академических гуманитарных институтов в сохранении и развитии языка и культуры народов России (на примере Института истории, языка и литературы УНЦ РАН)

В статье на примере Института истории, языка и литературы УНЦ РАН прослеживается история становления академических гуманитарных институтов, расположенных в национальных республиках и внесших огромный вклад в дело сохранения и развития культуры, языков народов России. Созданные в 30-е годы XX столетия как институты национальной культуры эти первые гуманитарные институты молодой советской страны выполняли задачи национально-культурного и языкового строительства. В этих институтах были созданы первые учебники, разрабатывались нормы новых литературных языков, по их инициативе была создана и внедрена письменность на кириллице и составлены национально-русские, русско-национальные словари. Сотрудники национальных академических институтов успели собрать огромный языковой, фольклорный, этнографический, археографический материал, который составляет источниковую базу для дальнейших фундаментальных исследований по истории, языку, культуре народов России.

Ключевые слова: гуманитарные институты, академический, национальная культура, национально-культурное строительство, языковое строительство, язык, культура, словари.

В начале 20-х годов XX столетия Советское государство, стремясь получить поддержку всех народов страны, приняло ряд мер, направленных на поддержку нерусских народов России.

Новая национальная политика была провозглашена на X съезде РКП (б) в 1921 г. В те же 20-е годы была провозглашена политика «коренизации» в качестве основного курса в национальной политике страны [Юлдашбаев, 1958, с. 611]. Политика «коренизации» в Советском Союзе проводилась по нескольким направлениям. Во-первых, был взят курс на «коренизацию» партийного и государственного аппарата. Во-вторых, началась работа по созданию национальных учреждений образования (школ, дошкольных учреждений, техникумов, училищ, рабфаков в вузах). В-третьих, повсеместно на местах началась работа по расширению функций языков нерусских народов страны. В-четвертых, повсеместно была

организована работа по разработке и изданию новой учебной литературы на языках народов Советского Союза. В-пятых, большими темпами началась работа по созданию письменности для не имеющих ее народов, а также по переводу на латиницу, чуть позднее – кириллицу письменности тех народов, алфавиты которых базировались на иных традициях (в частности, на арабской).

Для выполнения поставленных задач «коренизации» и национально-культурного строительства стране нужны были особые научные структуры, центры, т. к. молодое Советское государство нуждалось в научном обосновании законодательных инициатив, административных решений. Именно поэтому уже в начале 20-х годов прошлого столетия почти повсеместно при наркомпросах стали создаваться научные отделы, академцентры, опирающиеся на различные общества по изучению того или иного края. Напри-

мер, в 1921 г. Академцентр был создан в Татарстане, 1922 г. – Башкортостане, 1924 г. – в Удмуртии и т.д. [80 лет в научном поиске..., 2012]. Позднее, уже в основном в 30-х годах XX в., на базе этих научных центров, отделов в республиках были созданы гуманитарные институты, называемые научно-исследовательскими институтами национальной культуры. Эти институты, потом получившие другие названия, прошли нелегкий, но славный путь научного поиска и созидания.

В истории гуманитарных институтов условно можно выделить два периода: советский и постсоветский. Первый – советский период этих институтов связан с советской эпохой в жизни страны. Поэтому все плюсы и минусы эпохи не могли не отразиться в судьбе этих институтов. Культурная революция, политические репрессии, Великая Отечественная война, «оттепель 60-х годов» – ничто не прошло без следа как в судьбе первых гуманитарных институтов советских республик, так и судьбе их сотрудников.

В первые годы гуманитарные институты республик Советского Союза в основном выполняли прикладные задачи, т. к. насущные задачи языкового строительства, связанные с разработкой письменности, норм новых литературных языков, правил орфографии и орфоэпии, составлением словарей, первых советских учебников, в то время могли решать только институты национальной культуры, т. к. научная элита тех времен была представлена в этих институтах. Безусловно, как показывают материалы, институты национальной культуры во всех республиках были небольшие. Однако, несмотря на это, сотрудникам этих институтов за короткий срок удалось решить основные проблемы языкового строительства. В частности, сотрудниками Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры в короткие сроки была разработана и внедрена новая письменность сначала на латинской, позднее на славянской графической основе вместо арабской, обслуживающей башкир с X в. Как и в других республиках, башкирскими языковедами были разработаны нормы обновленного литературного языка, составлены первые учебники на башкирском языке, разработаны новые терминологические и двуязычные словари [Каримов, 2010, с. 324–331].

Институтами национальной культуры для выполнения поставленных задач языкового строительства с первых дней существования было ор-

ганизовано множество диалектологических, фольклорных и других экспедиций. В частности, только в 20–30-е гг. прошлого столетия башкирскими языковедами Института национальной культуры было организовано более 40 экспедиций во все башкироразличные регионы не только Башкортостана, но и всего Южного Урала и Приуралья. Собранный полевой материал был использован не только в прикладных целях языкового строительства, но и при разработке теоретических проблем башкирского языкознания, связанных с написанием академической грамматики, истории башкирского литературного языка, терминологии и лексикографии. Кроме этого, собранный языковой материал стал базой для формирования 3 огромных картотек башкирского языка объемом более 3 млн. слов и словоформ. Следует отметить, что материалы всех 3 картотек, а именно диалектологической, ономастической и толкового словаря стали основой при разработке фундаментальных словарей всех типов башкирского языка. В частности, на базе диалектологической картотеки сотрудниками Института были подготовлены и изданы 4 словаря. Первый словарь посвящен восточному, второй – южному, третий – северо-западному диалектам, а четвертый словарь является сводным и включает языковой материал всех трех диалектов. Кроме перечисленных словарей, на базе картотеки и материалов, хранящихся в архиве УНЦ, диалектологами Института во главе с Н.Х. Максютовой еще в советскую эпоху удалось подготовить «Диалектологический атлас башкирского языка» [2005], включающий, помимо 169 карт, комментарии и интерпретации, программу по сбору материалов для диалектологического атласа и справочный материал. В силу объективных и субъективных причин «Диалектологический атлас...» увидел свет только в 2005 г. Кроме словарей и атласа, диалектологам удалось подготовить и издать образцы диалектной речи башкир различных территориальных групп, 6 монографий, посвященных описанию трех диалектов и говоров, а также говоров, функционирующих в иноязычном окружении [Максютова, 1976; 1996; Дильмухаметов, 2006; Миржанова, 1979; 1991].

На базе материалов ономастической картотеки и архивных материалов в Институте составлены словари по антропонимии имен, фамилий, топонимии, ойконимии, названиям гор, рек, улиц

городов республики. Онамастами Института защищено 4 кандидатские и 4 докторские диссертации, которые были опубликованы в виде монографий [Институт истории..., 2007, с. 36].

Создание генеральной картотеки лексической системы башкирского языка явилось поворотным моментом не только в башкирской, но и лексикографии других кыпчакских тюркских языков, т.к. это дало возможность создать фундаментальные толковые, этимологические, тематические, терминологические, двуязычные словари не только башкирского, но и других тюркских языков. В частности, сотрудниками ИИЯЛ были подготовлены, позднее изданы толковый словарь башкирского языка в 2-х томах под руководством известного лексикографа, лексиколога А.Г. Бишева. Уже в постсоветскую эпоху увидел свет фундаментальный русско-башкирский словарь в 2-х томах, подготовленный под руководством академика АН РБ З.Г. Ураксина. Под руководством известного тюрколога Т.М. Гарипова, при участии лексикологов Института была подготовлена серия этимологических словарей башкирского языка [Словарь башкирского языка, 1993, Русско-башкирский словарь, 2005; Гарипов, 2007; 2009].

Картотечный фонд Института истории, языка и литературы УНЦ РАН способствовал развитию новых направлений в башкирском языкознании. В частности, уже в постсоветскую эпоху на базе собранного разными поколениями языковедов, Института был создан Машинный фонд, Национальный корпус прозаических текстов башкирского языка.

В последние годы на материалах генеральной картотеки и Машинного фонда в Институте ведется работа по составлению толково-переводного четырехязычного (башкирский, русский, английский, турецкий) «Академического словаря башкирского языка» в 10 т. Шесть томов данного словаря увидели свет в 2011–2014 гг [Сиразитдинов, 2010, с. 32–40; Академический словарь..., 2011, 2012, 2013, 2014]. Кроме вышеуказанных работ, на материалах генеральной картотеки и других источников языковедами ИИЯЛ УНЦ РАН подготовлены и изданы несколько крупных монографий, в том числе «Грамматика современного башкирского языка» под редакцией А.А. Юлдашева, более 60 терминологических и других словарей, написано и защищено множество диссертаций по различным аспектам языка [80 лет

в научном поиске..., 2012, с. 71]. Следует также добавить, что в последние годы ведутся исследования башкирского диалектного материала с использованием магнитно-резонансной томографии (МРТ-метод). Методом МРТ башкирскими языковедами вместе с новосибирским исследователем Н.С. Уртегешевым обследована система согласных всех трех диалектов башкирского языка. В результате подготовлены и изданы 3 диалектных атласа «Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2012), «Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2013), «Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2014).

Кроме проблем языкового строительства, институты национальной культуры должны были выполнять задачи культурного строительства. Поэтому сотрудники гуманитарных институтов республик Советского Союза выезжали в регионы для сбора фольклорного, как словесного, так и музыкального материала. Так, например, фольклористами-музыковедами ИИЯЛ УНЦ РАН собран огромный песенный материал, на базе которого в Институте был создан фонд звукозаписей. Фонд включает в себя фонографные записи, выполненные в 30-х годах прошлого века, и магнитофонные, которые фиксируются с 1961 г. Фонд содержит свыше 6 тыс. единиц хранения, представляющих систему жанров башкирского народного музыкального творчества. Это протяжные, плясовые, хороводные, колыбельные, рекрутские песни, свадебные причитания, песни о батырах, песенные вставки в эпических произведениях и сказках, байты, мунажаты, а также наигрыши для курая, кубыза, скрипки, гармони, мандолины и др. Сегодня ведется работа по переводу музыкальных фольклорных материалов на электронные носители. Следует отметить, что часть музыкального фольклора нотирована и издана. Вместе с тем необходимо сказать, что часть музыкального фольклора башкир и других народов региона, записанная в 20–30-х гг. прошлого века на фоновалики, остается до сих пор недоступной исследователям из-за отсутствия соответствующей техники. Кроме музыкального фольклора, исследователями Института еще с первых дней его функционирования интенсивно собирался и словесный фольклор. Данный

материал перепечатан, систематизирован и каталогизирован. Это позволило фольклористам уже в 50-х годах прошлого столетия подготовить и издать с комментариями трехтомник «Башкирское народное творчество» на башкирском языке. Однако собранный фольклорный материал был очень богат, поэтому в 1972–1986 гг. готовится и издается свод башкирского фольклора в 18 т. В 1990–2012-х годах свод башкирского фольклора был подготовлен и издан на русском языке в 12 т. С 1994 г. ведется подготовка нового издания «Башкирское народное творчество» на башкирском языке в 36 т., тринадцать томов нового свода увидели свет в последние годы. Наиболее крупные и значимые произведения башкирского фольклора в последние годы стали издаваться на трех языках – башкирском, русском, турецком или башкирском, русском, английском. В настоящее время сбор полевого материала в Институте продолжается. Собранный полевой материал систематизируется и ежегодно издается, что дает возможность фольклористам проводить диахронические исследования [80 лет в научном поиске..., 2012, с. 71].

Огромную роль выполняли и выполняют гуманитарные институты в республиках в деле сбора рукописей, старопечатных книг, относящихся к культурному наследию народов России. Так, например, учеными и исследователями ИИЯЛ УНЦ РАН собраны уникальные рукописи, старопечатные книги на тюркских, арабском и персидском языках, родословные-шежере башкирских родов и племен. Собранный в экспедициях материал послужил основой Фонда рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ. Сегодня в фонде представлено более 7200 единиц хранения, из которых 3680 являются рукописями, 3500 – старопечатными книгами, 62 – родословными-шежере. Более 5000 рукописей и книг написаны на тюркских, 1890 – на арабском и 56 – на персидском языках. В настоящее время ведется работа по описанию, каталогизации и оцифровке материалов фонда. На сегодня описано и каталогизировано около половины материалов (3450 единиц), оцифровано 2160 единиц хранения фонда*. Более 800 подробных описаний тюркских рукописей издано отдельной книгой. Отдельными книгами подготовлены и

изданы башкирские родословные. Последняя книга родословных под названием «Башкорт шәжәрәләре» издана на башкирском и турецком языках в Анкаре. Введение в оборот громадного количества рукописей, старопечатных книг позволило литературоведам и текстологам ИИЯЛ УНЦ РАН написать и издать историю башкирской литературы в 6 томах еще в советскую эпоху. Сегодня литературоведы Института готовят к изданию седьмой том, посвященный постсоветской башкирской литературе. Крупным событием не только в Институте, но и республике стало издание антологии башкирской литературы в 3 томах [80 лет в научном поиске..., 2012, с. 66, 67]. Следует отметить, что собранные в институтах национальный культуры материалы, рукописи, старопечатные книги способствовали не только развитию литературоведческой науки, но изучению на новых материалах истории, истории культуры нерусских народов России. Поэтому описание, введение в научный оборот рукописного наследия народов России имеет не только научное, но и общекультурное значение.

Гуманитарные институты республик России внесли огромный вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов страны. Так, например, историками Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством ученых центральных институтов АН СССР вместе с работниками архивов выявлен огромный архивный материал по истории, экономике Южного Урала, Башкирского края и башкир. Такие историки центра, как Н.Ф. Демидова, А.П. Чулошников, Н.В. Устюгов, а также сосланный в Уфу академик М.К. Любавский оказали огромную помощь башкирским исследователям в выявлении, археографической обработке, подготовке к печати уникального издания «Материалы по истории Башкирской АССР» в 6 томах [80 лет в научном поиске..., 2012, с. 4]. Это уникальное издание, сопровождаемое профессионально написанными комментариями, указателями, стало базой для последующих исторических исследований не только института, но и других научных центров бывшего Советского Союза.

Работа по сбору и введению в оборот архивных материалов в ИИЯЛ УНЦ РАН продолжалась и в постсоветскую эпоху. В частности, только в

*Подсчет Р.Ю. Аккубекова, хранителя фонда.

последние десять лет были подготовлены и изданы сборники документов «Западные башкиры: по переписям 1795–1947 гг.» (2001 г.), «Женское движение в Башкортостане: 1941–2000 гг.» (2009) и др. В связи с выполнением проекта «История башкирского народа» в 7 томах были введены в научный оборот документальные материалы из более чем семидесяти архивов России и зарубежных стран. Они изданы в 2012–2014 гг. под названием «Документы и материалы по истории башкирского народа» в 8 книгах тиражом по 2 тыс. каждая [Западные башкиры..., 2001; Женское движение..., 2009].

Использование новых архивных, полевых археологических, антропологических, этнографических, а также филологических источников позволило уточнить, пересмотреть отдельные моменты как в истории башкир и других народов региона, так и истории Урало-Поволжья. В частности, новые материалы археологов и антропологов Института истории, языка и литературы УНЦ РАН позволили известному археологу В.В. Овсянникову сделать вывод о том, что в пределах Южного Урала культурная традиция никогда не прерывалась. Несмотря на смену эпох, материальной культуры, климатические изменения здесь всегда сохранялось этническое ядро, выступающее посредником и коммуникатором для последующих поколений. Результатом развития этой традиции является формирование современного башкирского народа, культура которого несет в себе следы всех прошедших эпох [Овсянников, 2009].

Таким образом, богатый фактический материал позволил историкам Института пересмотреть роль миграционных процессов в этногенетической истории башкир и доказать древность их культурных традиций на Южном Урале, их непосредственную связь с предшествующими культурами региона.

Сюда же следует добавить, еще одну находку археологов Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. В 1988 г. археологами ИИЯЛ УНЦ РАН были обнаружены коллекции золотых изделий Филипповских курганов, принадлежащих ранним кочевникам и относящихся к сарматской эпохе, т.е. IV в. до н.э. Как отмечает известный археолог Н.С. Савельев, «в настоящее время очевидно, что ранние кочевники Южного Урала внесли огромный вклад в формирование современных народов

Урала, Поволжья и Западной Сибири, а часть из них, оседавшая в лесостепной зоне Южного Урала, приняла непосредственное участие в ранних этапах этногенеза башкир» [Пшеничнюк, 2012]. Изложенный материал свидетельствует о том, что исследования археологов Института помогают пролить свет на более ранние этапы истории, этногенеза башкирского и других народов региона.

Большую ценность для изучения этногенеза и расогенеза башкир имеет собранная антропологами Института истории, языка и литературы УНЦ РАН краниологическая коллекция Института. На базе собранной коллекции в Институте создана антропологическая лаборатория, насчитывающая более 1500 черепов обоего пола, относящихся как к древнему населению Южного Урала, так и к башкирам XVII – начала XX в [Институт истории и литературы..., 2007, с. 36]. Данная коллекция представляет собой фундаментальную базу для изучения не только башкир, но и народов всего Урало-Поволжского региона. Краниологическая коллекция Института пользуется широкой известностью среди ученых-антропологов России, стран ближнего и дальнего (Венгрия, Испания, Турция, Италия) зарубежья. В настоящее время в лаборатории Института, являющейся единственной в регионе, ведется работа по паспортизации и оцифровке собранного краниологического материала.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что роль Института истории, языка и литературы УНЦ РАН в развитии башкироведческой науки велика. Судя по научной продукции, не меньше сделано и другими институтами гуманитарного профиля в республиках России. Поэтому роль всех гуманитарных институтов, расположенных на территориях республик России, в развитии науки, языка и культуры бесспорна. Следует добавить, что институты национальной культуры стояли у истоков союзов писателей, композиторов, музеев, библиотек, консерваторий и т.д. Так, например, судя по названиям отделов, секторов Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры, можно судить о том, что гуманитарные институты в республиках занимались самыми различными проблемами национально-культурного строительства. В частности, в Институте были секторы не только истории, языка, литературы, искусствознания, но и музыкальная творческая бригада по созданию

башкирской оперы, авторский кабинет (для работы с начинающими писателями, обсуждения и рецензирования их рукописей, научно-методическое бюро башкирской стенографии, секторы периодической печати и библиографии, театральный, социального быта, кабинет музыкальной этнографии и др [80 лет в научном поиске..., 2012, с. 11]. Названия секторов, кабинетов Башкирского института народной культуры сами говорят за себя. Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что гуманитарные институты с первых дней своего существования выполняли важную роль по сохранению и развитию культуры, языков народов России.

Литература

Академический словарь башкирского языка // ред. Ф.Г. Хисамитдинова: в 10 т., тт. I–II, Уфа, 2011; тт. III–IV, Уфа, 2012; т. V, Уфа, 2013; т. VI, Уфа, 2014.

80 лет в научном поиске. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук / М.Н. Фархшатов. – Уфа, 2012. – 108 с.

Гарипов Т.М. Историко-этимологический словарь башкирского языка. Вып. 1. Корнеслова с гласными инициалами. – Уфа, 2007; Вып. 2. Двухфонемные моносиллабы с согласными инициалами. – Уфа, 2009.

Диалектологический атлас башкирского языка / сост. Н.Х. Максютлова и др. – Уфа, 2005. – 234 с.

Диалектологический словарь башкирского языка / ред. М.И. Дильмухаметов и др. – Уфа, 2002. – С. 432.

Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. – Уфа, 2006. – 192 с.

Документы и материалы по истории башкирского народа. В 8 кн. Кн. 1–7. – Уфа, 2012.

Документы и материалы по истории башкирского народа. В 8 кн., кн. 8 (1–2). – Уфа, 2014 г.

Женское движение в Башкортостане: 1941–2000 / Р.Н. Сулейманова, Ш.Н. Исякгулов. – Уфа, 2009.

Западные башкиры: по переписям 1795–1917 гг. / авт.-сост. А.З. Асфандияров и др. – Уфа, 2001.

Институт истории языка и литературы: время, открытия, люди. К 75-летию юбилею / Р.И. Якупов. – Уфа, 2007. – С. 36, 67.

Каримов К.К. Развитие гуманитарной науки и формирование научных кадров // История башкирского народа: в 7 т. Т. 5. – Уфа, 2010. – С. 324–331.

Максютова Н.М. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа, 1996. – 276 с.

Максютова Н.М. Восточный диалект башкирского языка: В сравнительно-историческом освещении. – М., 1976. – 292 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 1991. – 296 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М., 1979. – 272 с.

Овсянников В.В. Предисловие к I тому // История башкирского народа / ред. М.М. Кульшарипов. В 7 томах. – М., 2009. – Т. 1. – С. 11.

Поиски и открытия. Роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. – Казань, 2015. – 296 с.

Пиеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале // Документы и материалы по истории башкирского народа / ред. Н.С. Савельев. В 8 кн. Кн. 1. – Уфа, 2012. – 280 с.

Русско-башкирский словарь / ред. З.Г. Уракин. В 2 т. – Уфа, 2005.

Сиразитдинов З.А. Информационная система «Машинный фонд башкирского языка» // Городские башкиры: проблемы языка и демографии. – Уфа, 2010. – С. 32–40.

Словарь башкирских говоров. – Т. 2. Южный диалект / Н.Х. Максютлова. Уфа, 1970. – 326 с.

Словарь башкирских говоров. – Т. 3. Западный диалект / Н.Х. Максютлова. – Уфа, 1987. – 232 с.

Словарь башкирских говоров. Т.1. Восточный диалект / Н.Х. Максютлова, Н.Х. Ишбулатов. – Уфа, 1967. – 300 с.

Словарь башкирского языка: в 2т. / ред. А.Г. Бишев и др. – М., 1993.

Юлдашбаев Б.Х. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. – Уфа, 1958. – С. 611.

F.G. Khisamitdinova

The role of academic humanitarian institutions in the preservation and development of languages and cultures of the peoples of Russia (on the example of Institute of History, Language and Literature USC RAS)

In this article the author on the example of the Institute of History, Language and Literature, traces the history of the formation of the academic institutes for the humanities in the national republics that made a big contribution to the preservation and development of culture and language of the peoples of Russia. Created in the 1930 of XX century as

national cultural institutions these first humanitarian institutions of the young Soviet country carried out the task of the national cultural and linguistic development. In these Instituts scholars created the first textbooks, they have developed new standards of literary language; on their initiative has been established and implemented literary texts written in the Cyrillic alphabet and national-Russian, Russian-national dictionaries have been compiled. Research fellow of national academic institutions managed to gather a great language, folklore, ethnographic and archeographic material, which is the source base for further fundamental research on the history, language and culture of the peoples of Russia.

Keywords: humanitarian institutions, academic, national culture, national and cultural development, linguistic construction, language, culture, dictionaries.

УДК(811.512.157+821.512.157)Софронов

П.А.Слепцов

Взгляды А.И. Софронова на сущность литературного языка и их воплощение в творчестве писателя

Определено значение творчества А.И. Софронова-Алампа в становлении литературного языка. Творчество одного из основоположников якутской литературы представлено как образец литературно-художественной обработанности и высокой нормативности. В центре внимания исследования – речевая характеристика персонажей в драме и прозе, фольклорная основа поэтической лексики и ее грамматические формы, речевые формулы.

Ключевые слова: литературный язык, прямая речь, поэтизмы, речевые формулы, лексика.

При ближайшем рассмотрении понятия «язык писателя» и «литературный язык» не являются адекватными и тем более идентичными. Тем не менее выдающиеся мастера художественного слова, великие писатели неоднократно признавали, что, например, А.С. Пушкин является создателем русского литературного языка. Так, И.С. Тургенев прямо говорил: «Нет сомнения, что он (Пушкин) создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением» [Виноградов, 1982, с. 294]. Наиболее ёмкая, глубокая и обобщенная характеристика соотношения литературного языка и языка художественной литературы дана академиком В.В. Виноградовым. Он писал: «В сущности “язык” художественной литературы, развиваясь в историческом “контексте” литературного языка народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением» [Виноградов, 1955, с. 60, 61]. Одним из объективных свидетельств подобного «концентрированного выражения» языка художественной литературы по отношению к литературному языку является мировая лексикографическая практика, традиционно создающая толковые словари националь-

ных литературных языков почти исключительно на фактах языка писателей, обычно писателей «хороших и разных».

Классик якутской литературы А.И. Софронов ценен для истории якутского литературного языка, прежде всего, как выдающийся писатель, обогативший якутскую поэзию, драматургию и прозу талантливыми реалистическими произведениями, как взыскательный до шепетильности художник слова, уделявший исключительное внимание художественной форме, языку своих творений. Важно и то, что его поэтическое творчество насквозь проникнуто трепетным беспокойством о судьбах родного языка и развитии национальной культуры на родном языке.

В вопросе использования языковых ресурсов в художественном творчестве Софронов с самого начала выступил как беспокойный искатель, как новатор. В своих поэтических произведениях и комментариях к ним он высказывает свои взгляды на меру художественности, обработанности, богатства и нормативности языка художественной литературы. Все эти взгляды и их воплощение в творческой практике Софронова представляют стройную систему, которая легко вписывается в русло развития якутского литературного языка.

Свои лучшие драматургические произведения А.И. Софронов написал до победы Октябрьской революции в Якутии и стал основоположником национальной драматургии [Там же, с. 75].

Как известно, к драматургическому языку предъявляются особые, повышенные требования. О решающем значении для пьесы «речевого языка» писал А.М. Горький: «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, то есть чисто речевым языком, а не описательным» и, «чтобы фигуры пьесы приобрели на сцене, в изображении ее артистов, художественную ценность и социальную убедительность, необходимо, чтобы речь каждой фигуры была строго своеобразна, предельно выразительна» [Горький, 1980, с. 375].

Основное качество прямой речи в пьесе – ее информативно-эстетическая ценность, так как именно на ней лежит основная художественная нагрузка: развивать действие и характеризовать персонажи. Поэтому справедливо подчеркивается, что каждое высказывание – «это микровзвено идейно-тематической и сюжетной канвы пьесы. Значит, оно содержит повышенный коэффициент информации» [Винокур, 1977, с. 169]. И в то же время существенной особенностью языка драматургического произведения является и то, что в нем речь каждого персонажа не представляет собой самостоятельное целое, а входит в единую диалогическую систему и только в ней может быть правильно интонирована и понята» [Тимофеев, 1971, с. 200].

Спесь, самодурство, изворотливый ум, хитрость, коварство мироеда Байбала ярко передают строй, тон, лексика его диалогической речи. Он грубо, бесцеремонно, вопреки обычаю, перебивает Якова и бросает ему в лицо особенно оскорбительные для пожилого человека слова. При этом его речь в целом отличается точностью словоупотребления, подбором наиболее выразительных, емких, эмоционально-экспрессивных языковых средств. Когда все это не достигает цели, он делает хитрый ход, говоря, будто его «сумасшедшее решение» «очень уж ему надо», и прибегает к очень емкому по смыслу и точно характеризующему его как представителя господствующей верхушки образному глаголу яркой экспрессии *айаэалан*, переведенному нами весьма приблизительно: «мели всякий вздор».

Речь Якова полна сдержанной силы, точна, логична, с горьким юмором, изобличает недюжин-

ный ум и твердый характер. Речевые формулы, которыми он обнажает грабительскую сущность своего классового врага: «дети бедняков залезают с головой (*баайдарга баһыгар дылы изскэ барар*) в кабалу к богачам», «поглотил мой черный пот» (т.е. результаты всех моих изнурительных трудов), особенно выразительны. Драматург находит ключевые для психологической характеристики и с особой силой выражающие непримиримую ненависть Якова к угнетателю слова: *үлүгэри* ‘страшная беда, бедствие напасти’, *хатайан* ‘мстя, неотвязчиво, с особой яростью преследуя’, *силбиэтэннэбэ* ‘разъярился, лютует’, *кыһарыйдаба, ыга тутан* ‘прижимает’.

Исследователи часто подчеркивают, что персонажи пьес Софронова говорят обыденной разговорной речью [Билюкина, 1982, с. 10; Заболоцкий, 1937, с. 67]. Действительно, прямая речь в пьесе непосредственно связана с характерами лиц и мотивирована сюжетной ситуацией, и потому драматургический язык близок к нормам обиходной разговорной речи [Тимофеев, 1971, с. 198]. Однако это искусная имитация естественной разговорной речи, умелая стилизация под устную речь. Прямая речь в пьесах Софронова отличается от обиходной разговорной речи большей выразительностью, точностью, т.е. повышенной эстетической, информационной ценностью и книжно-письменной обработанностью, упорядоченностью. Так, в драмах Софронова, написанных прозой, не обнаруживаются инверсии, тавтологии, собственно разговорные обороты и другие многочисленные признаки устной обиходной речи. Все фразы строятся строго правильно, без отклонений от общенародной нормы, многие из них отличаются сложной структурой, тирадным характером. Признаками, которые «могут быть стилистическим сигналом устности и разговорности» и которые при этом «не мешают информационной полноте и создают иллюзию естественности» [Винокур, 1977, с. 169], следует считать отсутствие архаических и других слов пассивного словаря, насыщенность эмоционально-экспрессивной лексикой, включение некоторых эллипсисов и довольно редких перебивов в диалогах. Когда исследователи пишут об обиходной разговорности языка персонажей, они имеют в виду прежде всего активный, обиходный словарный состав их речи, предопределенный реализмом драматурга. Однако в лингвистическом смысле это качество драматургического языка

Софронова является основным показателем его литературной нормативности.

Язык рассказов А.И. Софронова представляет образец литературно-художественной обработанности и высокой нормативности. Даже в формально-грамматическом плане лучшие рассказы следует считать образцовыми, почти адекватными нормам литературного языка нашего времени. Так, несмотря на господство фонетической орфографии и свободное смешение различных фонетических вариантов в письменном языке в 20-е гг. прошлого века, в его рассказах стабильно употребляются современные литературные формы типа *умай, борук-сорук, кулахы, ынах* и т. д. Так, язык лучшего рассказа «Куоратчыт» отличается богатством, большой изобразительной силой, выразительностью и точностью. В нем, например, имеется удивительная лингвистическая находка, деталь, раскрывающая душевное состояние героя. Это назойливое тиканье «клопиного шамана» (кулахы ойууна), ранее, в минуты душевного равновесия, не замечаемое, сопровождает горестные бессонные думы бедняка, из-за тяжелой нужды вынужденного резать кормилицу-корову, затем те же клопы переполняют чашу его душевного смятения и толкнут на роковое искушение [Софронов, 1965, с. 41, 47].

А.И. Софронов оставил большое поэтическое наследие. При ближайшем рассмотрении язык, стиль поэзии Софронова предстают перед нами явлением сложным и многоплановым.

Рассмотрим первое по времени опубликования (1912 г.) и популярное большое стихотворение «Родной край» [Там же, с. 111–113]. В нем образ родного края, сравниваемого с трупом, лежащим под вечномерзлой землей, не только необычен, но противоположен народному образу родного края. Такой мрачный образ, безусловно, продиктован источником и как нельзя лучше соответствовал изображению социальной несправедливости, невыносимого гнета «силой живущих насильников», царившего в тогдашней Якутии.

Особенности словоупотребления порождены, с одной стороны, употреблением «поэтизмов», созданных в недрах фольклора, но ставших обычными, всем известными речевыми формулами.

Стихотворение содержит инновации, которые навеяны источником, а также являются оригинальными «поэтизмами» автора. Прежде всего необычным для традиционного словоупотребления является сам одушевленный, олицетворен-

ный образ родного края. Следуя источнику, автор говорит, обращаясь к родине, что она «лежит безмолвно», «дремлет стоя, скованная цепью», что она «бодро проснется от невольного сна своего».

«Воспрянешь! Будешь свободной! Станешь могучей!» – восклицает поэт, обращаясь к родине.

Встречаются и другие виды олицетворений, необычные для разговорной и фольклорной речи.

Строки:

Харана балабанна	В темных юртах,
Харахтарын уута	Сковав людей,
Хара былгыт курдук	Ходят слезы
Хаайа хаампыт	Черной тучей

воспринимаются как оригинальные поэтизмы автора, навеянные единственной строкой источника: «Как туча ходит сон».

Автор придает слову *харана* ‘темный, темнота, темно’ большое социальное звучание, употребив, следуя источнику, в образно-поэтическом, переносном смысле и придав ему новые, необычные определения – эпитеты, от которых все сочетание приобретает емкое и значительное содержание:

Хаһааны эмэ үйэттэн	И отступит мрак,
Хаайан турар харана	Веками нависавший
халбарыйыаҕа	над миром
или:	
Билигин, баҕардар,	Пускай еще царит
күүстээх ыарахан харана	Могучий, тяжелый
саптын	мрак.

Богатство интонационно-эмоционального рисунка, характер использования поэтических и языковых средств, смысловая емкость каждого слова, строки и строфы для впечатляющего, «сгущенного» выражения большого и актуального социального содержания делают произведение качественно новым явлением по сравнению с традиционной устной поэзией. Здесь нет ничего от украшательства, витиеватости, цветистости, постоянных повторов и параллелизмов, пространственных рядов эпитетов, сложных сравнений, обычно присущих народно-поэтическому языку. Это результат более строгого отбора, обработки языковых ресурсов, поворот от экстенсивных поэтических форм к интенсивным, стремление к смысловой четкости и в то же время особой емкости поэтического слова. Это стало возможным в результате талантливого использования поэтических форм устного народного творчества в их органическом слиянии с формами, навеянными или подсказанными русским источником. Здесь

мы видим решительный поворот к качественно иному и перспективному, плодотворному направлению в развитии языка художественной литературы, а с ним и литературного языка в целом.

В дальнейшем Софронов создавал поэтические произведения самых различных жанров и форм, то приближаясь к средствам и формам устной народной поэзии, то отдаляясь от нее в сторону интонаций и средств разговорной речи. Однако те качества поэтического слова, которые проявились в его первом стихотворении, оставались в целом доминирующими и в последующем.

Высшим, концентрированным выражением высоких достоинств языка любого произведения, особенно поэзии и драматургии, является его афористичность [Тимофеев, 1971, с. 199]. Поэзия Софронова, преимущественно последних лет, содержит большое количество выражений афористического характера, восходящих в своей основе к переработанным речевым и фольклорным формулам, пословицам и поговоркам, которые воспринимаются как наиболее выразительные, обобщенные и потому в высшей степени нормативные литературные образцы.

Основным признаком и наиболее сильной стороной поэтического слова Софронова является необычность, необыденность словосочетаний, которые делают слово очень выразительным, емким, впечатляющим. С особенной яркостью эти качества слова проявляются в стихах, посвященных излюбленной теме – назначению литературы, поэзии, поэтическому слову.

Язык поэзии Софронова в лексическом отношении богат и разнообразен. Так, точностью и яркостью эпитетов, богатством синонимии, эмоционально-экспрессивной лексики, свежими поэтизмами отличаются стихи, напечатанные в 1926 г. в первом номере журнала «Чолбон»: «Төрөөбүт дойдубар» («К родному языку»), «Отуу уота» («Костер у шалаша»), «Хотугу түүн» («Полярная ночь»), «Сарсыардаангы чолбон» («Утренняя звезда») и во втором номере того же журнала: «Икки киһи кэпсэтиитэ» («Разговор двоих»), «Маннайгы хаар» («Первый снег»). Так, ночь у поэта полярная (северная), тихая, темная, непроглядная, синяя, величественная, осенняя, кромешная (*букв.* без тени), полная могучей тайной силы (*киммэллээх* – перевод смысловой, контекстный – «Костер у шалаша»), томительно долгая, непроницаемая (*түлэс-балас* «Утренняя звезда»). Здесь мы видим и

эпитеты, восходящие к устной поэзии, и новые свежие поэтизмы автора. К последним можно отнести: *куөх, улуу, күлүгэ көстүбэт, күһүңнү, киммэллээх, түлэс-балас*.

Часто встречающийся у поэта образ тьмы, мрака олицетворяет беспросветную, мрачную жизнь, темное прошлое народа и только в одном стихотворении «Костер у шалаша» наделяется эпитетами: невыразимо-гнетущая, давящая (*самнары баттыыр салаһа*), непроглядно-призрачная (как тень – *күлүк*), могильная (*иһин*), жадная (*үлүскэннээх*), пронзительная, каленая (*хатан*), величественная (*улуу*). Подобные эпитеты не встречаются ни в «Словаре» Э.К. Пекарского, ни в изданных «Образцах якутского фольклора».

Грандиозную картину полярного сияния, эту величественную симфонию красок передает целая группа эмоционально-экспрессивных глаголов и глагольных слов-синонимов, в силу сложной образности их семантики трудно поддающихся переводу. Кажется, здесь можно найти обозначение всех мыслимых и немыслимых цветовых переходов [Софронов, 1965, с. 265–302].

В произведениях Софронова, особенно в поэзии, встречается значительное количество оригинальных инноваций, в основном лексических неологизмов и окказиональных слов. Эти неологизмы образованы по продуктивным словообразовательным моделям и нисколько не нарушают нормативности языка его произведений.

Рассмотрим основные типы неологизмов, встречающихся в произведениях Софронова. Спаривание и удвоение слов – образование сложных слов путем сложения основ – наиболее распространенный тип неологизмов и окказиональных слов. Это грамматическая модель, дающая совершенно прозрачные по внутренней форме и смыслу, но весьма выразительные, емкие и, как правило, эмоционально-экспрессивные образования. Как и Кулаковский, Софронов весьма часто прибегал к ним. У него много стихов, в которых преобладают парные и удвоенные слова, где поэт демонстрирует неограниченные возможности, универсальный характер подобного способа словообразования.

Парные слова здесь образованы в отличие от предыдущих, по принципу сходности, синонимичности значений компонентов и, как бы налагаясь друг на друга, предельно усиливают заключенный в них смысл, одновременно, обобщая и расширяя семантику сложного образования.

Софронов в своей поэзии достигал большой выразительной и изобразительной силы, мастерски сочетая парные, удвоенные слова с глаголами:

Антах-бэтгэх хаамсан
Аллах-чалах сангарсан,
Тура-олоро суодахан,
Бара-кэлэ батыгырахан,
Көһүтэ-көрсө сүүрсэн,
Көрө-көрө күлсэн,
Көбүө-дьөбөө кэпсэтэн,
Сэк-сук буолан,
Сэгэйэ-ходьойо сылдыбар
Сэргэх бириэмэ кэлэр...
[Софронов, 1965, с. 239–244].
(Ороскуот төрдө онтон 1925)

Сочетания с глагольными именами:

Лис-лас хаамсыы
Ымсыы-баҕа кэпсэтии
Одон-додон дейҕоҕоуу
Ону-маны онолоһуу
Үөмэс-аамас хаамсыы,
Баһа-атаҕа суох байымсыйыы,
Бадаҕа-майгыта суох бардамсыйыы,
Кэтэҕэ-кэмэ суох киһиргэһии,
Суолтата-суобаһа суох суугунаһыы,
Ахсаана-арда суох ампаалыктаһыы [Там же].

Многие эмоционально-экспрессивные парные наречные образования подобного типа не имеют самостоятельного значения и употребления, образуя с глагольными словами неразрывное семантическое единство. Поэтому значения целых строк фактически близки, иногда прикрываются одним глагольным словом. Например, первые строки по смыслу сходны с деепричастиями слоняясь, шатаясь, флалируя, болтая, пустословя, не находя себе места, томясь (в ожидании) и т.д. Однако изобразительные слова и сильный эмоционально-экспрессивный заряд всего сочетания (строки) вынуждают прибегать к описательным, смысловым переводам.

Другие единичные неологизмы автора также образованы по продуктивным моделям и включены в такие контексты, что даже не производят впечатления новизны. Например: *хартыынаһыт*, *мэтириэччит* ‘художник, портретист’ (в знач. ху-

Иһиттэр истиэх курдук
Эгэлгэлэр эргийэллэр,
Көрдөр көрүөх курдук
Күндүлэр көстөллөр,
Аатыгырыан диэх курдук
Алгыстар арыллаллар.
(Ахтабын, 1924).

и глагольными именами в одно неразрывное семантическое единство. Например:

Туда-сюда расхаживаясь,
Небрежно-рассеянно болтая,
Садясь-вставая в рост,
Уходя-приходя с шумным топотом,
Ожидая-встречая выбегая,
Смотря-поглядывая, смеясь,
Бестолково-оживленно разговаривая,
Легким игривым становясь,
Бодро и чутко ходить –
Веселое время приходит.

(Корень зла).

С тяжелым топотом шагание,
Жадный ненасытный разговор,
Бестолково-бессвязная болтовня
О том о сем галдеж
Туда-сюда шагание
Без начала-конца щедрость,
Без мер-границ наглость,
Безмерно-бесконечная похвальба,
Бестолково-бессовестный шум-гам,
Бессчетно-непрерывный кавардак.

дожник слова от русск. ‘картина, портрет’, с. 115), *хоһуһут*, *сиһит* ‘выносящий суждение, осуждающий, приговаривающий’ (в знач. литературный критик от *хоһу*, *сии* ‘пересуды, осуждение, критика’), *үөрэхсит* ‘учитель’ (в знач. писатель – учитель жизни), от *үөрэх* ‘учение, учеба’, *суруксут* – слово, имевшее значение ‘писарь’, употребляется в знач. ‘писатель’, *кэбэлэн* ‘быть вещим, звонкозвучным и бессмертным’ (о слове великих поэтов), *кэбэлэх* ‘звонкий’, далеко слышный’ (о поэтическом слове, от *кэбэлээ* ‘куковать’, с. 299). Редко встречаются грамматические формы, которые условно можно отнести к явлениям, больше характерным для книжно-письменного, а не разговорного языка. Это преимущественно формы множественного числа от слов с абстрактным, отвлеченным значением, которые обычно употребляются в единственном числе. Например:

Слушать – не заслушаться –
Причудливые кружатся,
Смотреть – не насмотреться –
Дорогие появляются,
Эх, как либо-дорого –
Благословенные открываются.
(Я помню, 1924).

Эн ньуурун
Тутууларынан тупсан,
Сирэйинг ситиһиилэринэн киэркэйэн,
Үрдүк үүнүүлэринэн үрдээн...
(Дорообо, дойдум)

Твой лик,
Стройками хорошея,
Лицо твое, успехами украшаясь,
Высокими урожаями возвышаясь...
(Здравствуй, родная страна).

В отношении словоупотребления Софронов, пожалуй, как никто другой из писателей его времени, стремился к максимальной точности, в соответствии с общепринятыми, общенародными нормами. В этом отношении весьма интересны его редкие пояснения к словам, употребленным в несколько смещенном значении или могущим быть недостаточно ясными для читателей, или выделяющим, подчеркивающим тот смысл, который является определяющим для понимания идейного замысла произведения. Так, относительно названия поэмы «Ини-бии» (Братья, 1929) Софронов [1965, с. 432] дал такое характерное для его отношения к слову пояснение. В некоторых речевых ситуациях, в сочетаниях со сравнительными оборотами сложное слово *ини-бии* получает переносный расширительный смысл, указанный автором. Именно такое употребление этого слова необходимо было подчеркнуть для понимания идейного замысла поэмы, где три родных брата, совершенно разные по характеру, роду занятий, враждебно относившиеся друг к другу, в конце концов оказались «стоящими друг друга», как бы «подобными» своими конечными судьбами.

В заключение подчеркнем, что для нашего сюжета большое значение имеет послесловие – комментарий автора к стихотворению «Письмо к отцу» (1928). В начале поэт, оказывается, намеревался назвать это произведение «Ырыа быстыгыта хоһоон» (что должно было означать «Лебединая песня». И это многозначительно!). Относительно языка этого произведения автор дал примечательное пояснение: «Когда эти стихи перечитываю заново, то обнаруживаю довольно много новых слов, ранее не задействованных в якутской литературе» «Билигин ааҕан көрдөхпүнэ, тыл эриригэр, тыл тардытыгар түбэхэн, син балай эрэ элбэх, урут саха литэрэтиирэтигэр киирэ илик сонун тыллар тахсытала-абыттар эбит». В другом месте автор как общее требование к языку художественной литературы выдвинул следующие положения: «1. Насколько слова в этих стихотворениях легкие-чистые, насколько убедительно они написаны добротным художественным слогом и есть ли в каком-либо

из этих стихотворений понятная, ясно запоминающаяся в памяти читателя образность; 2. На каком языке они написаны, смешаны ли в них непонятные, иностранные слова. 1. Бу хоһооттор тыллара төһө имигэһий-һылаһхайый, төһө чэпчэкиний-ырааһый, төһө үчүгэй уус тылынан ыпсарыллан суруллубуттарый уонна бу хоһоотторго хайаларыгар эмэ чопчу, аахпыт эрэ киһи өйүгэр хатанар мэтириэтэ (образность) баар дуу диэн; 2. Ханнык тылынан суруллубутуй, төһө киһи өйдөөбөт, атын омук тыла былааһпытый диэн». Что касается стихотворения «Письмо к отцу», то А.И. Софронов считал его полезным для издания, так как «эти стихи написаны чистым якутским слогом, что важно, в них имеются новые слова, которые могут обогатить якутский литературный язык». «Туох да былааһыга суох дьин сахалыы тылынан суруллубут хоһооттор, итиэннэ син, хас да буоллар, сана тыл саха литэрэтиирэтин тылыгар эбии буолуо этэ диэн» [Там же, с. 430, 431].

Таким образом, кроме постоянного требования к общепонятности, чистоте и образности языка художественной литературы, А.И. Софронов считал необходимым задействовать новые слова из общенародного языка в явлениях художественной литературы [Там же, с. 430, 431]. В теории литературного языка давно установлено фундаментальное положение, по которому литературный язык является освоенным и обработанным богатством народного разговорного языка. А.И. Софронов как крупнейший талант имел трепетное отношение к литературному языку и считал обязанностью писателя работать над его совершенствованием и обогащением. Между прочим, в этом состоит одно из важнейших условий удивительного богатства языка А.И. Софронова.

Таким образом, своими реалистическими высокохудожественными произведениями, оказавшими существенное влияние на развитие всех жанров якутской литературы, являющимися образцовыми и в языковом отношении, Софронов внес значительный вклад в становление и развитие современного якутского литературного языка.

Литература

Билюкина А.А. Якутская советская драматургия 20-х гг. – Новосибирск: Наука, 1982.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высш. школа, 1982.

Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – №1.

Винокур Т.Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М., 1977.

Горький А.М. О литературе. – М., 1980.

Заболоцкий Н.М. А.И. Софронов // Сборник трудов Института языка и культуры при СНК ЯАССР. – М.; Якутск, 1937.

Очерк истории якутской советской литературы. – М.: Наука, 1970.

Софронов А.И. Талыллыбыт айымньылар (Избранные, т. II). – Якутской: Кинигэ изд-вота, 1965.

Тимофеев А.И. Основы теории литературы. – М., 1971.

P.A. Sleptsov

The views of A.I. Sofronov about the nature of literary language and their embodiment in the work of the writer

The value of creativity of A.I. Sofronov–Alampa in the formation of the literary language is defined. The work of one of the founders of the Yakut literature is presented as a model of literary and art the pretreatment and high normativity. In the center of attention of research the speech characteristic of characters in the drama and prose, a folklore basis of poetic lexicon and its grammatical forms, speech formulas.

Keywords: literary language, direct speech, poetism, speech formulas, vocabulary.

УДК 811.512.157'28(091)

С.А. Иванов

Якутская диалектология и история языка саха

На некоторых примерах диалектных фонетических, грамматических и лексических особенностей языка саха автор статьи попытается показать связь якутской диалектологии с историей развития языка и его естественного носителя. Приводятся случаи употребления лексических единиц, свидетельствующие, по его мнению, о каких-то отдаленных связях древних предков якутов.

Ключевые слова: гармония гласных, традиционное произношение и отклонение от него, исконно якутские слова, монголизмы, эвенкизмы, русизмы, аффиксы множественности, древнейшие заимствования.

Диалектология, призванная изучать территориальные разновидности языка, – древняя наука. Она была, как утверждают ученые, разделом античного языкознания, на первых порах – придатком этнографии.

Тюркская диалектология берет свое начало с XI в. Основоположителем тюркской исторической диалектологии по праву считается Махмуд Кашгарский, который владел многими диалектами и говорами тюркских языков. Свой бессмертный труд *Дивану Лугат ит-Тюрк* (Собрание тюркских слов), содержащий около 7500 слов, он написал в течение всего двух лет – 1072–1074 гг. Для создания этого труда Махмуд Кашгарский объездил множество городов, кишлаков и аулов, число ко-

торых, как он утверждает, «знает один Всевышний бог» [см.: Юдакин, 2001, с. 303–304].

Западноевропейская диалектология как наука зарождается с конца XVII в.

Истоки русской диалектологии восходят к XVIII в., что связано с именами В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова. Последний впервые выделил три «главных российских диалекта» – московский, северный и украинский, просуществовавших при ведущей роли московского диалекта [см.: ЛЭС, 1990, с.134].

Диалектные различия якутского языка впервые замечены не кем иным, как индоевропеистом и санскритологом О.Н. Беллингом, который написал в рекордно короткий срок первую научную

© С.А. Иванов, 2015

грамматику якутского языка неведомого тогда ему народа. Он писал, что «нигде, как видно, невозможно заметить собственных диалектных различий; Уваровский и Миддендорф также решительно утверждают, что повсюду, где они побывали (якуты. – С.И.), говорят на одном и том же языке...» [Бетлингк, 1989, с. 68], тем не менее, в его труде оказались привлеченными многочисленными диалектными расхождения, что в сравнительно-сопоставительном плане подробно описано О.Н. Бетлингком, хотя они не квалифицировались как диалектные различия якутского языка.

О якутских диалектах писали И.А. Худяков [1969, с.374–371], С.В. Ястремский [1900, с.9], С.А. Новгородов, А.А. Кюндэ, П.П. Барашков, Л.Н. Харитонов. А «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского, как считает Е.И. Убрятова [1960, с. 4], «...представляет собой богатейшее собрание диалектного материала». Известно, что некоторые диалектные материалы удачно были использованы в труде Г.В. Ксенофонтова «Ураангхай сахалар» [Т. I, 1992, с. 311–317].

Почему такой неослабевающий интерес к диалектам языка? Это прежде всего вызвано тем, что диалектология тесно связана с историей языка, так как диалекты сохраняют многочисленные языковые явления, утраченные в современном языке.

Во всех разделах диалектологии (в фонетике, грамматике и в лексике) можно найти факты, выступающие в качестве важнейшего источника для изучения истории языка и его носителей.

Ниже попытаемся привести только некоторые моменты, в какой-то мере, на наш взгляд, связанные с историей языка и его носителей.

1. Как известно, в якутских диалектах до сих пор противостоят явления, условно названные в якутской диалектологии аканьем и оканьем, которые по сути дела являются отголосками давно минувших дней. Так как акающие варианты в исконно тюркских основах представляют собой результат традиционного произношения, вызванного объективными закономерностями палатально-велярной гармонии гласных звуков в якутском языке, сущность которых заключается в том, что качеством этимологического корневого гласного предопределяется качество гласных последующих слогов. Почти во всех тюркских языках такие слова также сохраняют традиционное произношение, т.е., по нашей терминологии, акающие варианты произношения. Ст. Калужинский

был прав, когда он писал, что якутское чередование $a > o$ и $\varepsilon > \theta$ не вызвано влиянием монгольского языка, а есть чисто якутское явление [см.: Kaluzynski, 1961, s. 16–17].

Огубленные же варианты произношения, т.е. оканье, возникли в недрах самого якутского языка в результате отклонения от прямолинейного (т.е. от начала и до конца слова) гармонического сочетания гласных, что первоначально вызвано влиянием языка, где действовало фонетическое явление, напоминающее действие уйгурского умлаута, существование которого в древнеуйгурском языке признается Т.Т. Талиповым, исследователем исторической фонетики современного языка уйгуров, и слова с умлаутированными гласными, по его мнению, восходят к глубокой древности [Талипов, 1987, с.179–180]. Однако лабиализация этимологических корневых гласных, похоже, остановилась на полпути: многие исконные слова, которые по древнему фонетическому рисунку давали бы в якутских говорах акающие и окающие варианты произношения, сохранились в традиционном акающем варианте, и во всех тюркских языках сохранилось преимущественно такое же произношение их.

Частотность употребления акающих и окающих вариантов произношения затем повысилась в связи с фонетическим освоением многочисленных монголизмов и некоторых эвенкизов, русизмов дореволюционного периода, имеющих, с точки зрения якутского сингармонизма, асингармонический состав гласных. В якутской диалектологии проблема аканья не возникла бы, если бы в других местах не появились окающие варианты тех же основ, где исторически сохранилась традиционная манера произношения.

Картографирование показывает, что якутское аканье~оканье как диалектное различие свое первоначальное локальное развитие как будто получило в области Центральной Якутии, стало дифференциальным признаком говоров центральной диалектной зоны якутского языка. Однако варьирование возникло не в результате распада единого языка в Среднеленском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп: распад, т.е. дивергентные процессы произошли где-то в южных широтах, в Циркумбайкальском регионе или в Верхнеленском крае.

Появление, локальное развитие и дальнейшее территориальное распространение акающих ~ окающих вариантов произношения в якутском

лингвистическом пространстве целиком связаны с центростремительными, а затем центробежными переселенческими движениями самих носителей говоров.

2. В некоторых периферийных говорах удалось зарегистрировать фразы: *Мас инньэ сытарын көрбөккүн дуо?* 'Разве не видите, что дерево так лежит'. *Инньэ итээби паракуокка киир барангын* 'Иди и входи в тот пароход'. *Илэр бары сэриигэ барбыттары* 'Они все ушли на фронт', где диалектные слова *инньэ* в значении 'так', *итээби* в значении 'тот', *илэр* в значении 'они' свидетельствуют, как предполагали еще О.Н. Бетлингк, С.В. Ястремский, Э.К. Пекарский, об употреблении в древнеякутском языке сегодня утраченного местоимения *i* и полузабытой местоименной основы *in*.

3. Со времени создания первой научной грамматики якутского языка исследователи языка обращают свое внимание на излюбленное употребление аффикса множественности *-т-тар*, *вм.-н-нар*, к примеру, в основах *хотун* > *хоту-т-тар*, *тойон* > *тойо-т-тор*, *удабан* > *удаба-т-тар*, *ойун* > *ойу-т-тар*, *кунан* > *куна-т-тар*, *оройуон* > *оройуо-т-тар* и т.д. вместо *хотун-нар*, *тойон-нар*, *удабан-нар*, *ойун-нар*, *кунан-нар*, *оройуон-нар*, что по закону аналогии перенесено на многие именные основы, разного языкового происхождения преимущественно с конечным *-н*. Всем якутоведам, в какой-то мере имевшим дело с аффиксом *-т-тар*, импонирует гипотеза, впервые высказанная еще О.Н. Бетлингком [1989, с. 221], когда он рассматривал словообразующий аффикс *-һыт*, о монгольском происхождении аффиксального элемента *-т*. Однако гипотеза О.Н. Бетлингка не была принята сначала В.В. Радловым [1908, s.22], считавшим *-т* показателем принадлежности 3-го лица, а затем Ст. Калужинским [1961, s.116], который в нем видел внешнюю схожесть. Этот показатель множественности, если он был заимствован у монголов, с самого начала, видимо, не был воспринят древними якутами как аффикс множественности, и не случайно, как мы видели выше, он постоянно сопровождается аффиксом множественного числа *-лар*. В этой связи весьма интересно, что компаративисты иногда склоняются к мнению о согдийском происхождении аффиксального элемента *-т* показателя множественного числа *-т-тар* [Кононов, 1980, с.147; Щербак, 1997, с.188–189]. Напомним, что в 60-х гг. XX в. академик А.П. Окладников

в 6 км от Балаганска над р. Унгой, одним из левых притоков Ангары, открыл участок древнего поселения. На основании археологического материала этого поселения ученый предположил, что в среде тюркских племен Прибайкалья оказалась целая группа вольных и невольных переселенцев из Средней Азии, судя по всей культуре – согдийцев, которые жили оседло в устье р. Унги [Окладников, 1963, с.273-281]. Как известно, древнеуйгурское письмо – согдийского происхождения, потом оно перешло к монголам [Окладников, 1963, с. 281; Владимирцов, 1929, с. 67].

Существует мнение выдающегося сибирского ученого А.П. Дульзона [1972, с. 4], согласно которому сохранившийся в монгольских и якутском языках показатель множественности *-т* был представлен уже в доурало-алтайском языковом состоянии. Кроме того, на раннем этапе развития тюркского праязыка предполагается существование десяти аффиксов собирательной множественности, среди которых фигурирует показатель множественности **-t* [СИГТЯ, 1988, с.10]. Аффикс множественности *-t*, как утверждает Г.И. Рамстедт [1957, с.58], – древняя форма множественного числа почти общепринята еще в среднетюркском, однако всем языкам более позднего времени, за исключением якутского, она неизвестна.

Таким образом, наличествовавший или освоенный показатель множественности *-т*, когда-то получивший возможность активизироваться в языке древних предков якутов, впоследствии, постепенно теряя свою продуктивность, превратился в аффиксальный элемент и в таком виде сохранился в некоторых лексических единицах (*кынат* 'крылья', *үүт* 'молоко') и грамматических формах (*булт-чу-т* 'охотник', *сахалар-бы-т* 'мы якуты', *ат-тар-бы-т* 'наши кони') и т.д.

4. В якутском языке диалектальными являются словоформы, образованные при помощи сложного аффикса *-ат-тар*: *атыыр-ат-тар* 'оленные быки', *буур-ат-тар* 'олени-самцы', *тумул ат-тар* 'мысы', *күөл-эт-тэр* 'озера', *ыал-ат-тар* 'селения', *эдэр-эт-тэр* 'молодые' и некоторые другие, противопоставляемые более распространенным *атыырдар*, *буурдар*, *тумулар*, *күөлэр*, *ыаллар*, *эдэрдэр*. Первые характерны для северных говоров, начиная с есейско-анабарских говоров, кончая колымскими идиомами, имеют четкую территориальную приуроченность; вторые распространились повсеместно, претендуя на литературную норму.

В сложном аффиксе *-am-tap* мы находим аффиксальный элемент *-am*, что в тюркологии считается аффиксом множественного числа арабского происхождения, перенесенным на тюркскую почву посредством персидского языка [Щербак, 1997, с.188].

Интересно, что аффикс *-am*, насколько нам известно, не употребляется в современных тюркских языках, зафиксирован только в некоторых старых тюркских письменных памятниках. Несмотря на это, аффикс множественности *-am-tap* довольно хорошо сохранился в северных говорах якутского языка.

Если рассмотренные показатели множественности *-t*, *-at(...)* действительно представляют собой грамматические элементы ирано-согдийского, арабо-персидского происхождения, то создается вполне определенное впечатление, что древние предки якутов когда-то переживали сильное культурно-языковое воздействие или индоиранских племен [см.: Гоголев, 1993, с. 13–20], или каких-то древнетюркских, либо древнемонгольских диалектов, испытавших длительное влияние ирано-персидских языков.

5. В якутских диалектах существуют глагольные основы: *таһаар-*, мотивированная словом *таc* `внешность, наружность`, и *табаар-*, образованная от утраченного слова *таб*, древнейшее значение которого было `гора, покрытая растительностью`. В современном якутском языке оно сохранилось в виде *тыа* со значением `лес, тайга`. Из них литературным считается *таһаар-* `вытаскивать, извлекать; выносить, выводить; подниматься вверх, наверх` и т.д. Почти такое же значение имеет диалектальный его вариант *табаар-*.

Полярное географическое расположение и локальное развитие вариантов *таһаар-* ~ *табаар-* [ДАЯЯ, 2004, карта 48] свидетельствуют о их существовании в пределах ареала якутского языка с давних времен. Якутские диалектологи объясняют происхождение вариантов фонетическими изменениями [Воронкин, 1980, с. 8; Коркина, 1992, с. 26], с чем трудно согласиться.

Возможно, мы здесь имеем дело с вариантными глаголами, по своему происхождению связанными с взаимовлиянием двух древних глагольных основ. В памятниках древнетюркской письменности зафиксированы глаголы *tayiq-* `подниматься (на гору)` [ДТС, с. 527] и *tašiq-* `выходить, выступать, отправляться в поход` [Там же, с. 540], мотивированные соответственно именами *tay*

`гора` и *taš* `внешний, наружный` и образованные при помощи аффикса *-iq*, обозначающего движение в направлении, указанном исходящей основой [Кондратьев, 1973, с. 25]. В ДТС также зарегистрирована еще форма *таиһаар-* `удалять, устранять; отправлять, провожать` [ДТС, с. 540], что соответствует якут. *таһаар-* `выносить, вытаскивать`. Др.-тюрк. *таиһаар-* расчленяют на *таи* + *-ых* + *-ар-* [Кононов, 1980, с.180]. По такой же схеме была образована глагольная форма *таб-ых* + *-ар-*, сохранившаяся в якутских диалектах в виде *табаар-*.

У якутов до недавнего времени были зимнее и летнее поселения, называемые *кыстык* и *сайылык*. Такая хозяйственная организация унаследована ими от далекого прошлого. В этой связи интересна одна древнетюркская запись: *jašil qaja jajlayim, qizil qaja qišlayim* `зеленая скала – моя летовка, красная скала – моя зимовка` [ДТС, с. 448] – по-якутски: *күөх хайа сайылыгым, кыһыл хайа кыстыгым*.

Как сообщает якутский этнограф Ф.М. Зыков, у киргизов и юрюков, кочевых племен Турции, как и у древних тюрков, летние пастбища находились в горах, а зимнее – у подножья [Зыков, 1986, с. 20, 23], так что древние тюрки летом поднимались в горы (*tayiqmiš*) на летнее пастбище – *jajliŋ* `сайылык`, а зимой спускались на зимнее пастбище (*qišlay* `кыстык`). С той далекой поры, по-видимому, сохранились понятия *сайылыкка тахсы* (а не *кирии*) `выезд на сайылык`, *кыстыкка кирии* (а не *тахсы*) `выезд в кыстык`.

Исходя из всего сказанного, мы солидаризируемся с мнением Ф.М. Зыкова [1986 с. 87], который предполагал, что южные предки якутов в далеком прошлом пасли скот летом в горах, а зимой – в долинах рек, что заставляет обратить внимание исследователей на Саяно-Алтайское нагорье, где, возможно, когда-то обитали древние предки якутов, и считаем, что в вариантной глаголе *таһаар-* ~ *табаар-* мы имеем дело с фонетическим расхождением, связанным с сосуществованием двух глагольных основ *таиых-* и *табых-* в древнеякутском языке, которые в современном языке якутов давали вариантные глагольные основы *таһаар-* и *табаар-*, из которых, как выше было сказано, вариант *таһаар-* – литературный, а *табаар-* – диалектальный.

6. При более внимательном наблюдении в лексике якутского языка, в том числе диалектной, можно обнаружить древнейшие китаизмы, ара-

бизмы, фаршизмы, тибетизмы, санскритские и другие лексические элементы, свидетельствующие о каких-то древних связях далеких предков современных якутов, например:

якут. *айах* ~ *аҕах* `самый большой кубок для питья кумыса` [Пек., стлб. 56] соответствует др.-тюрк. *ajaq* `чаша, чашка` [ДТС, с. 27], что, по А.М. Щербаку [1997, с. 169], заимствовано из санскрита – *aṣaṣa* `чаша, чашка`;

якут. *бадьыр* ~ *бадьыыр* (вил.) `небольшая посуда для сбора ягоды` [ДСЯЯ, I, с. 57]; (олекм.) `посуда для измерения`; (сунт.) `небольшое берестяное ведерко для доения коровы` [ДСЯЯ, II, с. 47] – соответствует др.-тюрк. *badir* `чаша, чашка`, что восходит к согдийскому *p'ttr* или санскритскому *patra* [ДТС, с. 77]; слово, видимо, после монгольского фонетического освоения попало в якутский языковой мир в виде *бадьыр*, *бадьыыр*;

якут. *дайды* ~ *дойду* `страна, родина` в якутских диалектах употребляется в значении `центральная Якутия`, считается монголизмом в якутском языкознании, а в монгольских языках, по мнению Т.А.Бертагаева [1974, с. 267], самым древним заимствованием из китайского языка;

якут. *дьон* `люди, народ` в якутском языкознании считается монголизмом, но слово соответствует тюркскому *йан* ~ *йон* `народ, общество` [Всадники..., 2014, с. 209];

якут. *мал* `вещь, имущество` соответствует п.-монг. и др.-тюрк. *mal* `имущество, достояние, богатство` [ДТС, с. 335], но слово восходит к арабскому *mal* `имущество; товар, скот` [Щербак, 1997, с. 129];

якут. *тойон* `господин`, `глава семьи` соответствует др.-тюрк. *tojın* ~ *tojun* `буддийский монах`, что считается китаизмом [ДТС, с. 572]; титулованное название *тойон* известно чукотскому языку, языку жителей Алеутских островов и по всему побережью северо-западного материка Америки [Пек., стлб. 2706] и другие.

Таким образом, якутский язык и его диалекты слывут репутацией идиомов, пережиточно сохраняющих многие архаические черты или реликтовые явления, утраченные не только в тюркских, но и в других языках и диалектах, когда-то имевших или имеющих сейчас языковые контакты с якутским языком.

Литература

Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. – М.: Изд-во Наука, 1974. – 383 с.

Бетлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина – Новосибирск: Наука, 1989. – 646 с.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка халхаского наречия: Введение и фонетика. – Л.: Изд-во Ленингр. ин-та, 1929. – 436 с.

Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1980. – 244 с.

Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. – 320 с.

Гоголев А.И. Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Дульзон А.П. Происхождение алтайских показателей множественного числа // Сов. тюркология. – 1972. – №2. – С. 3–15.

Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. – Новосибирск, 1986. – 102 с.

Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 352 с.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников: VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.

Кондратьев В.Г. Об отошении языка памятников орхон-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников // Сов. тюркология. – 1973. – №3. – С. 25.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992. – 270 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. 2. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.

Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // Тюркологические исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 272–281.

Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. – М., 1957. – 254 с.

Талипов Т.Т. Фонетика уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, Казах. ССР, 1987. – 256 с.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские связи – VIII–XIV вв.). – СПб: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.

Юдакин А.П. Урало-алтайское – тюрко-монгольское) языкознание: Энциклопедия). – М., 2001. – 599 с.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. – Иркутск: Изд-во кн. магазина Макушкина, 1900. – 307 с.

Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutische Sprache. – Warszawa, 1961. – 170 s.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem verhältnisse zu den Türksprachen – SPb., 1908. – S.4.

Сокращения

вил. – виллюйский говор якутского языка.
ДАЯЯ 2004 – Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты: Ч.1: Фонетика / сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут.филиал, 2004. – 128 с.
ДСЯЯ I – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
ДСЯЯ II – Диалектологический словарь якутского языка / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
олем. – олекминский говор якутского языка.
Пек. – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – 1959. – 3858 стлб. + I – VIII с.
СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
сунт. – сунтарский говор якутского языка.

S.A. Ivanov

Yakut dialectology and history of the Sakha language

Some examples of dialect phonetic, grammatical and lexical features of the Sakha language, the author tries to show the relationship of Yakut Dialectology with the history of the language and its natural host. We present cases of the use of lexical units showing, in his view, about some individual bonds ancestors of the Yakuts.

Keywords: vowel harmony, the traditional pronunciation and deviation from it, native Yakut words, Mongolism, Evenkizms, Russianisms, affixes of plurality, the oldest borrowing.

УДК 811.512.157'373

Ф.Н. Дьячковский

Итоги и перспективы развития лексикологических изысканий якутского языка последних десятилетий

Рассматривается значение и сущность некоторых работ по изучению лексического состава якутского языка, опубликованных за последние десятилетия.

Ключевые слова: современный якутский язык, лексикология, лексикография, семантическая структура слова.

Изучение лексики в богатой истории якутского языкознания занимает важное место среди других лингвистических дисциплин. Можно утверждать, что сегодня создана весьма солидная база в рамках грамматических, лексикологических работ старшего поколения якутских лингвистов.

До конца 50-х гг. XX столетия грамматические исследования строились на основе лексико-семантического анализа лексических единиц якутского языка. С тех пор прошло несколько десятков лет, и исследования по лексикологии, фразеологии, терминологии якутского языка, несомненно, продвинулись вперед. Весомый вклад в изучение словарного состава языка внесли известные якутские лингвисты Л.Н. Харитонов, Е.И. Коркина, Н.К. Антонов, Н.С. Григорьев, Н.Д. Дьячковский, П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, С.А. Иванов, Е.И. Око-

нешников, Г.В. Попов, М.С. Иванов-Багдарыын Сютлэ, А.Г. Нелунов, В.И. Лиханов, М.П. Алексеев-Дапсы, Л.А. Афанасьев, Н.Н. Васильева и др., труды которых надолго определили основные направления в области якутской лексикологии, лексикографии, терминологии.

В предлагаемой статье рассматривается значение и сущность некоторых работ по изучению лексического состава якутского языка, опубликованных за последние десятилетия. Безусловно, большим достижением якутских языковедов является фундаментальная работа над многотомным Большим толковым словарём якутского языка, в котором полно и системно раскрываются богатейшая содержательная сторона и исторически сложившаяся и динамически развивающаяся структура лексикона одного из древнейших тюркских языков. Это надежная основа для тео-

ретического и практического исследования словарного состава якутского языка.

Лексикологические исследования в основном ведутся в нескольких направлениях. Прежде всего, следует указать на многочисленные работы, относящиеся к выявлению структурно-семантических особенностей лексических единиц современного якутского языка.

Систематизации активных процессов формирования вторичного значения и исследованию способов семантической модификации лексических единиц в типовых номинативных ситуациях, в высказываниях и в тексте на материале якутского языка посвящена монография Е.Н. Афанасьевой [2013], подробно освещающая внутриязыковые и внеязыковые факторы развития значения и семантического преобразования слова. Основное внимание автора сосредоточено на выделении лексического значения как эстетической категории. По мнению автора, эстетическое значение реализуется посредством употребления заимствований, экспрессивной лексики, окказиональных слов, использования языковой игры, обозначения ощущений, чувственного восприятия человека. Преобразованию значения слова могут способствовать также и фоностилистические особенности текста.

К бесспорным достижениям семантической разработки якутского языка относится монография С.Д. Егиновой [2014] «Образные прилагательные якутского языка». Работа представляет собой первую попытку системного исследования образных имён прилагательных на материале якутского, бурятского и киргизского языков в сравнительно-сопоставительном аспекте. В результате сопоставительного анализа образных прилагательных якутского языка автору удалось выявить бурятские параллели к 17 прилагательным, 27 корневым глагольным основам, а киргизские параллели обнаружены к 26 прилагательным, 45 корневым глагольным основам.

К работам, посвященным глаголу, относится исследование Е.П. Копыриной «Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке» [2012], выполненное в качестве кандидатской диссертации. В монографии впервые на материале якутских глаголов физического воздействия на объект дана семантическая классификация полисемантических непроеизводных предикативных слов, описана семантическая структура лексико-семантической группы базовых глаголов, выявлены модели их регулярной многозначности.

Исследованию омонимии, одного из сложных языковых явлений, посвящена монография Е.В. Семёновой «Омонимы в современном якутском языке» [2014]. Автор не только провела большую работу по инвентаризации и описанию омонимических пар и групп, но и указала основные источники образования данной категории лексики. На основе «Большого толкового словаря якутского языка» она выявила более 1700 омонимических, омоформических, омофонических и омографических парных и групповых образований, в том числе 380 лексических омонимов.

Ранее не подвергнутые специальному исследованию основные языковые средства выражения экспрессивности якутского языка рассмотрены в работе А.М. Николаевой «Средства выражения экспрессивности в якутском языке» [2014]. В ней подробно охарактеризованы экспрессивные значения уменьшительно-ласкательных аффиксов, уничижительные и хвалебные аффиксы якутского языка, дана их классификация. На богатом фактическом материале рассмотрена экспрессивность, достигаемая переносным значением слова, выявлены основные типы метафоризации в якутском языке.

Большим вкладом в историческую лексикологию якутского языка является докторская диссертация Г.Г. Левина, посвященная сравнительно-сопоставительному исследованию якутского и древнетюркских языков в их отношении к монгольским и тюркским языкам с целью выяснения исторической связи. Ему впервые в истории якутovedческой науки удалось на большом лексическом материале установить, что языки древнетюркских письменных памятников оказали заметное влияние на становление якутского языка. «В этом плане особая роль отводится языку енисейских памятников. Возможно, влияние данного языка на якутский было не только на позднем этапе, но и в первые столетия древнетюркской эпохи. Прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с алтайским, киргизским, хакасским языками в более позднее время» [Левин, 2013, с. 408].

Из трудов, посвященных историческим исследованиям якутской лексики, следует отметить выполняемую в данное время работу В.Г. Попова «Этимологический словарь якутского языка» (вторая часть готовится к печати), в которой устанавливается первичная структура слова, реконструируются праформы на уровне якутского праязыка и первичной семантики. Для дериватов

сравнительно поздней эпохи приводится указание на словообразовательную модель, в отношении заимствованных слов – определение языка-источника, семантических сдвигов и фонетических изменений.

Описанию лексических особенностей современных якутских говоров с привлечением сравнительно-сопоставительного материала из тюркских, монгольских и тунгусоманьчжурских языков посвящены труды основателя сравнительно-исторической диалектологии и лингвогеографии, старейшего учёного института, д.ф.н. С.А. Иванова. «Диалектологический атлас якутского языка» [2010], составленный им, заслуживает отдельного внимания, вторая часть его посвящена диалектной лексике, состоит из 90 лингвистических карт, в том числе 36 морфологических, 48 лексических, 3 изоглоссных и 3, относящихся к диалектному членению якутского языка. Исследования С.А. Иванова имеют большое значение не только для изучения процессов исторического развития морфологии и лексики говоров якутского языка, но и закономерностей, которые действуют при контактах разноструктурных, неродственных языков.

Взаимодействие якутского языка с эвенкийским в сравнительном плане и раскрытие истории проникновения лексических элементов из одного языка в другой нашли отражение в исследованиях И.Н. Новгородова [2008].

Системному описанию монгольских параллелей в диалектной лексике якутского языка посвящена кандидатская диссертация А.Е. Шамаевой. Результаты изучения исторического отношения якутского языка к уйгурскому и языкам древнеуйгурских письменных памятников XI в. изложены Н.В. Малышевой [2015].

Что касается терминологии, фразеологии, то в их исследование посильный вклад вносят ведущие языковеды Е.И. Оконешников [2011], А.Г. Нелунов [2010], Л.М. Готовцева [2013; 2014; 2015].

За последние пять лет сотрудниками института подготовлена и издана серия терминологических русско-якутских, якутско-русских словарей по предметам школьного обучения и отраслям производства, таким, как история, общественное знание, география, природоведение, национальная культура, языкознание, технология, местное самоуправление, делопроизводство, менеджмент. Они разработаны на основе терминологического

банка данных сектора лексикологии ИГиПМНС СО РАН с опорой на другие ранее изданные словари и с использованием всех изданных томов «Большого толкового словаря якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова. В словари включены термины, выявленные ранее и творчески переработанные с помощью наиболее продуктивных способов и средств терминообразования. Особое внимание, прежде всего, обращалось на наличие якутских соответствий, эквивалентов.

Молодые сотрудники А.С. Акимова [2013], Ю.М. Борисова [2013] написали работы по терминологии и защитили кандидатские диссертации, отражённые в них теоретические обоснования проблем терминологии, несомненно, найдут применение в практике.

Сотрудниками сектора лексикологии подготовлена и издана серия научно-популярных сборников по топонимике и ономастике, имеются достаточно интересные статьи по этой части лексикологии Н.С. Багдарынына уола.

Следует отметить монографию «Ийэ тыл үгэһэ уонна онтон туорааһын» М.П. Алексеева–Дапсы [2013], содержание которой направлено на повышение уровня языковой компетентности, совершенствование речевой культуры якутского языка. Кроме того, М.П. Алексеевым–Дапсы издан словарь-справочник [2005], в котором содержатся образцы правильного употребления якутских слов вместо словесных штампов, кальки и прямых заимствований из русского языка.

Представляет интерес работа Л.В. Роббек «Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо» [2014], в которой рассмотрены функционально-семантические особенности устно-поэтического слова в лексикографическом аспекте на материале текста эпического произведения – олонхо «Ньургун Ботур Стремительный» К.Г. Оросина.

В целом основной задачей и магистральным направлением всей деятельности якутских лексикологов и лексикографов является развитие, укрепление и распространение норм якутского национального литературного языка. Несмотря на проведенную в последние десятилетия определенную работу в области якутской лексикологии, нам представляется, что в дальнейшей научной деятельности следует обратить внимание на следующее:

- во-первых, на исследование языка и культуры во взаимодействии, в частности, на исследование лексики материальной и духовной культу-

ры народа. Комплексное междисциплинарное изучение культурной лексики позволит создавать более полную картину развития лексико-семантической системы, отслеживать процессы заимствования и адаптации, взаимодействия субстратно-суперстратных элементов и выявлять национально-культурную специфику языка. В этом направлении только делаются первые шаги;

- во-вторых, на изучение неологизмов, новообразований, так как словарный состав языка находится в процессе непрерывного обогащения и изменения. Он постоянно наполняется новыми словами, возникающими в связи с развитием производства, культуры, науки, техники;

- в-третьих, на исследование внешних источников развития лексики, прежде всего процесса заимствования слов за последние 20 лет.

Центром наиболее дискуссионных проблем терминологии являются разработка принципов типологии и классификация терминологических словарей, выработка методов отбора специальной лексики для отдельных отраслей науки и установление единых методов и приёмов интерпретационных параметров (толкование-дефиниция, перевод, атрибуция и т.д.).

Литература

Акимова А.С. Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики (материалы словарей и периодической печати): автореф. дис... канд. филол. наук. – Якутск, 2013. – 26 с.

Алексеев М.П.-Дапсы. Саха тылын үйэлээх үгэһин тыдьыта. – Дьокуускай: Бичик, 2005. – 270 с.

Алексеев М.П.-Дапсы. Иньэ тыл үгэһэ уонна онтон туорааһын. – Ижевск: Книгоград, 2013. – 494 с.

Афанасьева Е.Н. Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке. – Якутск, 2013. – 171 с.

Борисова Ю.М. Перевод социально-экономической терминологической лексики якутского языка: терминологический аспект: автореф. дис... канд. филол. наук. – Якутск, 2013. – 23 с.

Готовцева Л.М. Адвербиальные фразеологические единицы времени в якутском языке // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №9. – Ч. 1. – С. 45–47.

Готовцева Л.М. Некоторые вопросы фразеологической синонимии якутского языка // Вестник СВФУ. – 2014. – №3. – Т. 11. – С. 96–102.

Готовцева Л.М. О разграничении значений многозначных фразеологических единиц в якутском языке // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №4(46). – Ч. 2. – С. 74–76.

Диалектологический атлас якутского языка. – Ч. I: Фонетика. – Новосибирск: Наука, 2004.

Диалектологический атлас якутского языка. – Ч. II: Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010.

Егинова С.Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск: Наука, 2014. – 231 с.

Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 245 с.

Копырина Е.П. Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2012. – 163 с.

Левин Г.Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск, 2013. – 436 с.

Мальшева Н.В. Отношение якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам (фоноструктурные и структурно-семантические особенности): автореф. дис... канд. филол. наук. – Якутск, 2015. – 26 с.

Нелунов А.Г. Лексикографическое оформление фразеологизмов в «Большом толковом словаре якутского языка» // Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. – Пенза, 2010. – С. 196–198.

Николаева А.М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.

Новгородов И.Н. Якутизмы эвенкийского языка. – Якутск, 2008. – 102 с.

Оконешников Е.И. Проблемы якутской терминологии // Опыт создания терминофонда тюркских языков. – Астана, 2011. – С. 139–142.

Өрөспүүбүлүкэ ааттары үөрэтии билинни туруга уонна кэлэр кэскилэ. Научная конференция матырыйааллара. – Дьокуускай, 2012. – 172 с.

Роббек Л.В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 139 с.

Семенова Е.В. Омонимы в современном якутском языке. – LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2014. – 224 с.

Шамаева А.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка. – Якутск, 2012. – 35 с.

Словари

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. География. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014 (электронная версия).

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Делопроизводство. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 46 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. История. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 140 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Лингвистика. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 107 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Менеджмент. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 204 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Местное самоуправление. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 88 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Обществознание. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 108 с.

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Окружающий мир. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014 (электронная версия).

Русско-якутский, якутско-русский терминологический словарь. Технология. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014 (электронная версия).

Якутско-русский терминологический словарь. Национальная культура. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014 (электронная версия).

F.N. Dyachkovsky

The results and prospects of development of lexicological researches of the Yakut language of the last decades

The paper is discussed the importance and essence of some works on studying of lexical structure of the Yakut language published for the last decades.

Keywords: the modern Yakut language, lexicology, lexicography, semantic structure of the word.

УДК 811

Н.Н. Ефремов

Функционально-семантическая категория обусловленности в якутском языке: причинно-следственные и уступительные отношения (в сопоставлении с казахским и алтайским языками)

В статье излагаются основные итоги исследования средств выражения причинно-следственных и уступительных отношений в якутском языке в сопоставлении с казахским и алтайским языками.

Ключевые слова: якутский язык, тюркские языки, функционально-семантическая категория, обусловленность

Введение

Грамматический строй якутского языка принципиально не отличается от других тюркских языков. Однако данный язык прошел своеобразный путь развития, функционируя в условиях неkontakта с другими тюркскими языками и взаимодействуя с монгольским, эвенским и эвенкийским языками.

«Е.И. Убрятова показала, как в результате взаимодействия древнего тюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками, через длительное двуязычие с каким-то монгольским языком и в результате распространения этого языка в тунгусоязычной среде складывается современный якутский язык со всеми его особенностями» [Широбокова, 2011, с. 7].

© Н.Н. Ефремов, 2015

Надо отметить, что результаты взаимодействия якутского языка с нетюркскими языками, а также особенности его развития в условиях неkontakта с другими тюркскими языками имеют место не только в лексике, но и в грамматике. Однако они не отражаются в основном корпусе лексического и грамматического строя якутского языка, так как ядро его структуры и системы исконно тюркское. Происходившие изменения в системе якутского языка являются дальнейшим развитием и совершенствованием этого языка в условиях его kontakта с нетюркскими языками и связаны с его функционированием в дореволюционное время в качестве языка межэтнического общения на Северо-Востоке Сибири.

Особенности развития грамматического строя якутского языка наблюдаются и в сфере средств выражения многих функционально-семантических категорий, которые в последнее время начинают изучаться в якутском языкознании.

Причинно-следственные конструкции в якутском и казахском языках

В якутском языке, как и в других тюркских языках, причинно-следственные отношения выражаются бипредикативными конструкциями (далее – БПК) синтетического, аналитико-синтетического и аналитического типов. Синтетические БПК характеризуются причастно-падежными, деепричастными зависимыми предикатами, аналитико-синтетические – зависимыми предикатами с послелогом. Аналитические БПК представляются предикативными единицами, сочетающимися при помощи союзных или бессоюзных (интонационных) средств [Ефремов, 2013]. В синтетических и аналитико-синтетических БПК зависимый предикат выполняет связующую и предикативную функцию, т.е. функционирует в качестве зависимого сказуемого (предиката), а также средства связи частей БПК.

Здесь анализируются структурно-семантические типы синтетических БПК с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках в сопоставительном аспекте.

В якутском языке синтетические БПК с причинно-следственным смыслом оформляются зависимыми предикатами, выраженными причастиями/инфинитивными предикативными структурами в формах лично-предикативного склонения: дательного, орудного, исходного падежей. Эти падежи многозначные, потому выражение обуславливаемого значения данными конструкциями обуславливается характером лексико-грамматического наполнения синтаксических позиций предложения, то есть части БПК в содержательном плане должны соотноситься как причина и следствие или как стимул и реакция. При этом форма зависимого предиката выполняет функцию структурной модели БПК. Структурная модель представляется в виде цепочки морфем – основа + показатель времени + показатель лица, числа субъекта+показатель связи (падеж, послелог или нулевой показатель: твердый порядок слов). Например: T_v =быт+// дат.п (основа глагола+показатель прошедшего времени на -быт + показатель лица, числа+дательный падеж); T_v

=быт+// оруд.п (... + показатель орудного падежа); T_v =быт+// исх.п. (... + показатель исходного падежа). Примеры.

T_v =быт+// дат.п.: *Хата, тулуйан истибиккэр махтал* 'Наоборот, спасибо за то, что ты выслушал с терпением' [Грамматика ..., 1995, с. 232];

T_v =быт+// оруд.п.: *Онон биһиги да, киэҥник биллэн барбытынан, мантан иннэ кинини «Кунай» диэн быһатытан ааттыаххайың* 'Поэтому давайте и мы будем звать его отныне Кунаем, поскольку это широко стало известным' [Там же, с. 234];

T_v =быт+// исх.п.: *Власий Порфирьевич олорооччулар бары кини диэки эргиллэ түспүттэриттэн хоргуһа суох бэйэтэ симитиннэ* 'Власий Порфирьевич из-за того, что все сидящие вдруг повернулись в его сторону, смутился, хотя был не из робких' [Там же, с. 233].

В казахском языке синтетические – причастно-падежные БПК с причинно-следственным значением подразделяются на два структурных типа: конструкции с управляемыми зависимыми предикативными единицами и конструкции с неуправляемыми зависимыми предикативными единицами (далее – ЗПЕ) [Тажикаева, 2001, с. 68].

Неуправляемые ЗПЕ представляются в виде примыкающих конструкций, то есть структур, которые сочетаются с главной предикативной единицей (далее – ГПЕ) посредством соположения – «препозитивная ЗПЕ + постпозитивная ГПЕ». Это конструкции с предикатом «глагольная основа +=гандықтан»/ T_v =гандықтан и T_v =атындықтан (используется редко). Показатель =андықтан в структурном плане состоит из трех компонентов: =ган – причастие прошедшего времени, =дық функционирует как номинализатор, =тан –аффикс исходного падежа [Там же]. В =атындықтан формант =атын= является показателем причастия настоящего-будущего времени, который представляет собой сочетание «деепричастие =а+ =тын» [Женесбаев, Карашева, 1966, с. 330]. А зависимое сказуемое с =атын «указывает на то, что действие происходит в настоящем или прошедшем времени» [Там же, с. 70].

Примеры.

Казахские БПК с зависимым предикатом, выраженным

формой T_v =гандықтан: *Қастарында кілденен кісілер болғандықтан, Оспан Абайға айтам деген оқшау сізін бастаған жоқ* 'Оспан не стал рассказывать Абаю своей тайны, так как рядом с ними были чужие люди' [Там же, с. 68];

формой T_v =атындықтан: *Жиналыс болатындықтан, біз киноға бармадық* ‘Мы не пошли в кино, потому что будет собрание’ [Там же, с. 70].

Казахские БПК указанного типа в якутском языке передаются конструкциями, ЗПЕ которых оформляются определенными падежными (синтетическими) или постпозитивными союзными (аналитическими) показателями.

Из вышеприведенных казахских конструкций структура с зависимым предикатом T_v =ғандықтан имеет в якутском языке близкий эквивалент, представленный фразой с синтетическим показателем связи – зависимым предикатом в исходном падеже, а конструкции с T_v =атындықтан передаются на якутский язык построениями с аналитической постпозитивной скрепой *буолан* (препозитивное / зависимое сказуемое + постпозитивный союз *буолан*). При этом обе фразы казахского языка могут выражаться в якутском языке при помощи как аналитической – союзной модели (зависимое сказуемое + союз *буолан*), так и синтетической – падежной (T_v причастие+//оруд. пад.). Кроме того в качестве функциональных эквивалентов приведенных казахских БПК употребляются и аналитико-синтетические конструкции – причастно-послеложные модели (T_v причастие+// послелог). Таким образом, данные казахские фразы передаются на якутский язык конструкциями синтетического, аналитико-синтетического и аналитического типов. Это следующие модели – синтетические: имя наличия (баар) в исходном падеже лично-предикативного склонения (Баар+// исх.п.); зависимый предикат-причастие на *-ар* в форме орудного падежа лично-предикативного склонения (T_v =ар+// оруд.п.); аналитико-синтетическая: предикат на *=ар* в сочетании с послелогом *быһытынан* (T_v =ар+// быһытынан); аналитические: имя наличия в сочетании с постпозитивной скрепой (союзным словом) *буолан*, снабженной аффиксом сказуемости со значением лица, числа субъекта (Баар буолан+/P/); сказуемое препозитивной предикативной единицы в сочетании со скрепой *буолан* (сказуемое + буолан + /P/). Примеры.

Якутские БПК модели Баар+// исх.п./ Баар буолан+/P/ – *Аттыгар атын дьон баалларыттан* (баар буоланнар), *Оспан Абайга бэйэтин кистэлэңин кэспии сатаабата* ‘Оттого, что (так как) рядом с ними были чужие люди, Оспан не стал рассказывать Абаю своей тайны’;

якутские БПК модели сказуемое + буолан + /P/ / T_v =ар+// оруд.п. / T_v =ар+// быһытынан – *Мунньах буолар буолан* (мунньах буоларынан/буоларын быһытынан), *биһиги киинэҕэ барбатыбыт* ‘Так как/в связи с тем, что будет собрание мы не пошли в кино’.

В казахском языке синтетические ППК с управляемыми ЗПЕ оформляются предикатами в *дательно-направительном* и *исходном* падежах.

Конструкции с дательным падежом в якутском языке и с дательно-направительным падежом в других тюркских языках (например, в казахском) являются полифункциональными. В тюркских языках подобные структуры выражают пространственные и временные отношения, изредка передают причинное значение [Тажибаева, 2001, с. 75]. В казахском языке подлежащее зависимой части обсуждаемых конструкций в разносубъектной реализации имеет форму родительного падежа, а субъект моносубъектного построения, наоборот, обозначается формой неопределенного падежа. В якутском языке родительный падеж в парадигме склонения отсутствует, потому субъекты частей якутских ППК имеют форму только неопределенного (основного) падежа.

Казахские конструкции с дательно-направительным падежом в разносубъектном оформлении транслитерируются в якутском языке обычно структурами с показателем исходного падежа. При этом следует отметить, что в речи современных носителей якутского языка имеет место использование структур и с дательным падежом, однако последние обычно расцениваются как нетипичные. Ср. казах. БПК с T_v =атын=//=на: *Болаттың қарт эке-шешесіне бар=атын=ы=на қуандым* ‘Я рад (тому), что Болат поедет к престарелым родителям’ [Там же, с. 76] и перевод данной казахской фразы с зависимым предикатом T_v =атын=//=на на якутский язык посредством БПК с T_v =ар+// исх.п.: *Болат кырдыаҕас төрөппүттэригэр бар=ар=ыттан* (ср. зависимый предикат T_v ар+// дат.п. – *бар=ар=ыгар**) *үөрэбин* ‘Я рад оттого, что Болат едет к своим пожилым родителям’.

Казахские конструкции с дательно-направительным падежом в моносубъектном оформлении имеют в якутском языке периферийные функциональные эквиваленты, выраженные аналитическими структурами с постпозитивной скрепой *диэн*. Подобные конструкции в якутском языке представляют собой также форму передачи

косвенной речи. Ср. казах. БПК с $T_v = \text{егін} = \text{іміз} = \text{ге}$: *Жұмысқа кешігіп келетінімізге уайымдап отырмыз* [Там же] ‘Мы волнуемся из-за того, что не успеем вовремя прийти на работу’ [Там же, с. 76] и ее перевод на якутский язык при помощи БПК с $T_v = \text{ыах} + //$ диэн: *Үлэбитигэр хойутуохпун диэн долгуйабыт* ‘Мы волнуемся, что опоздаем на работу / Мы волнуемся, думая, что опоздаем на работу’.

В казахских БПК с показателем исходного падежа в отличие от других тюркских языков (например, узбекского, алтайского, тувинского) значения причинно-следственной зависимости падежной формой зависимого сказуемого не выражаются. Они формируются эмотивными глаголами – главными сказуемыми, имеющими значение причины стимула – поведенческой реакции [Там же, с. 71–73]. Например:

казахская БПК с $T = \text{ған} = // = \text{нан}$: *Қайрат иттің ырылдаған ынан қорықты* ‘Кайрат испугался оттого, что зарычала собака’ [Там же, с. 72].

В якутском языке подобные фразы казахского языка также передаются БПК с исходным падежом. Ср. перевод казахской ППК с $T = \text{ған} = // = \text{нан}$ на якутский язык с помощью ППК с $T_v = \text{быт} + //$ исх.п.: *Қайрат ыт орулаабытыттан куттанна* ‘Кайрат испугался оттого, что зарычала собака’.

Деепричастные БПК с причинно-следственным значением в якутском языке оформляются зависимым предикатом, выраженным деепричастием на *-ан* (отрицательные формы *-бакка/-мына*). Названное деепричастие некоторыми исследователями возводится к монгольскому деепричастию на *-(u)n* и *-u(i)n* [Грамматика..., 1982, с. 241]. Тюркский аналог якутского деепричастия на *-ан -ур/-ір*, как предполагают тюркологи, «существовал уже на раннем состоянии тюркского праязыка» и «служит для обозначения временной (чаще предшествующей главному действию), причинной, целевой, условной характеристики действия, что зафиксировано в ранних тюркских памятниках» [Сравнительно-историческая..., 1988, с. 472]. Данное деепричастие «лежит в основе прошедшего результативного времени – перфекта» [Там же, с. 473]. В якутском языке причинные БПК с $T_v = \text{ан}$ встречаются в основном в разносубъектном оформлении, однако имеют место и случаи их моносубъектного функционирования. Потому эти БПК, характеризуясь в целом как вариативно-субъектные, расцениваются в качестве конструкций с преимущественным разносубъектным оформлением. Примеры:

якут. БПК с $T_v = \text{ан}$: *Ньээнньэ кырдьыктанан, оонньообута табыллыбыта* [Амма Аччыгыя, 1986, с. 10] ‘Няня поверила (в шутку Кириллова. – Н.Е.), и у него шутка действительно получилась’; *Ыалдьан, үлэлээбэтим* ‘Я заболел (букв. заболел) и не ходил на работу’;

якут. БПК с $T_v = \text{мына}$: *Урут, үлэһит илии аанһа көстүмүнэ, бу сир ситэ оттоммокко хаалара* ‘Раньше эту местность из-за того, что не хватало рабочих рук, косили не полностью’ [Грамматика..., 1995, с. 229];

якут. БПК с $T_v = \text{бакка} + /P/$: *Оһохпун оттубаккабын, тоңнум* ‘Я, не затопив печь, озяб’ [фраза из разговорной речи].

В казахском языке также имеются причинно-следственные конструкции, зависимый предикат которых оформлен деепричастием на *-ып (-май)*. Они вариативно-субъектны, т.е. функционируют в разносубъектной и моносубъектной формах;

казах. БПК с $T_v = \text{іп}$: *Эртістер келіп, концерт басталды* ‘Артисты, приехав, концерт начался’ [Тажибаева, 2001, с. 78].

казах. БПК с $T_v = \text{пей}$: *Жанар майы жетпей, комбайын тоқтап қалды* ‘Так как не хватило (букв.: не хватив) горючего, комбайн остановился’ [Там же];

казах. БПК с $T_v = \text{ып}$: *Бір апта ауырып, үйден шыға алмай жатым* ‘Проболел, целую неделю не мог выйти из дому’ [Там же];

казах. БПК с $T_v = \text{май}$: *Әскерлер су таба алмай, шөлден қырылатын болды* ‘Не найдя воды, воины чуть не умерли от жажды’ [Там же, с. 79].

Бипредикативные конструкции с уступительным значением в якутском и алтайском языках

Рассматриваются конструкции, выражающие уступительные отношения, в якутском и алтайском языках в сопоставительном аспекте. Материалы по алтайскому языку использованы из работ: [Исхакова, Насилов, Невская, 2004, с. 426].

В якутском языке бипредикативные конструкции (далее – БПК) с уступительным значением оформляются, прежде всего, аналитико-синтетическими БПК – послеложными конструкциями (с *урдунэн, иһин, иннигэр*) и структурами с зависимым предикатом в формах условного наклонения в сочетании с частицами *да* или *даһаны* [Грамматика..., 1995; Ефремов, 1998]. В алтайском языке уступительные конструкции представляются структурами с зависимым предикатом в форме

условного наклонения (-за) в сочетании с частицей *да*. Подобные построения передаются на якутский язык конструкциями с зависимым сказуемым в 1-й форме условного наклонения (-тар) или во 2-й форме данного наклонения «-тах+аффикс лица+на» в сочетании с частицей *да*, что показывает функциональную схожесть форм обсуждаемых конструкций в сопоставляемых языках.

Уступительные конструкции и их части локализируются в плане определенных времен, образуя те или иные темпоральные модели (комбинации) зависимой и главной частей. При этом конструкции подобных моделей характеризуются известными формами зависимых предикатов, выступающих в качестве структурно-семантической вершины уступительных предложений.

Алтайские фразы, соотнесенные с планом **реального прошедшего времени** и характеризующиеся формой зависимого предиката «отрицательное причастие прошедшего времени -баган + частица *да* + болзо», переводятся на якутский язык БПК с зависимым предикатом в аналитической или простой форме условного наклонения, снабженной частицей *да*. Аналитическая форма представляется отрицательным причастием прошедшего времени -батах (+ да) в сочетании с вспомогательным глаголом *буол*- ‘быть’, ‘стать’ в 1-й форме условного наклонения (*буол+тар>буоллар*); простая форма – структурой – батар (+да). Надо отметить, что аналитической формой выражается логически подчеркнутое, актуализированное уступительное отношение. Ср.:

алт. T_v батах да болзо: *Акчабай акчаны албаган да болзо, ийне сыйды алып берген* ‘Хотя Акчабай не получил денег, он купил жене подарок’ и

як. T_v ба=тах да буол=лар+/P/или T_v батар+/P/ да: *Акчабай харчы ылбатах да буоллар/ылбатар да, кэргэнигэр бэлэх ылбыт* (перевод тот же).

Алтайские конструкции с потенциально-возможными событиями соотносятся с планом будущего времени и характеризуются зависимым предикатом в форме -база+частица *да*, а главный предикат выражается формой -ар. А фразы с невозможными ситуациями представляются зависимым предикатом в форме прошедшего времени в сочетании со служебными компонентами: «-баган + да болзо». Подобные фразы, описывающие **потенциально возможные или невозможные** ситуации, характеризуются как условно-уступительные. Указанные фразы алтайского языка в

якутском языке имеют функциональные эквиваленты, оформленные конструкциями с предикатом зависимой части, который обозначается 2-й формой условного наклонения в сочетании с частицей *да*. При этом фразы с потенциально возможными ситуациями на якутский язык могут передаваться также конструкциями с зависимым предикатом, представленным отрицательной формой причастия прошедшего времени -батах в сочетании с *да* и послелогом *иһин*. Ср.:

алт. T_v база да *Акчабай акчаны албаза да, [ийне сыйды алып берер* ‘Даже если Акчабай не получит денег, он купит жене подарок’ и

як. T_v бат да буоллах+//на; T_v батах+//на да; T_v *батах+// да иһин: Акчабай харчы ылбат да буолаһына/ылбатаһына да/ ылбатаһын да иһин, кэргэнигэр бэлэх ылыа* (перевод тот же);

алт. T_v баган да болзо: *Акчабай акчаны албаган да болзо, [ийне сыйды алып берер эди* ‘Даже если бы Акчабай не получил денег, он бы купил жене подарок’ [Там же] и

як. T_v батах да буол-лах+//на: *Акчабай харчы ылбатах да буолаһына/ ылбатаһына да, кэргэнигэр бэлэх ылыа/ылар этэ* (перевод тот же).

Надо отметить, в якутском языке частица *да*, как и в алтайских конструкциях, размещается: а) после простого зависимого предиката в форме условного наклонения (-тар +// да); б) перед постпозитивным служебным компонентом (*буоллар/буолаһына*) зависимого предиката аналитической структуры, т.е. в интерпозиции аналитического сказуемого (например, -батах да буоллар/буолаһына).

Следующая семантическая разновидность уступительных построений – **обобщенно-уступительная** (генерализованная) конструкция в сопоставляемых языках выражается структурами с препозитивным аналитическим показателем и зависимым предикатом в аналитико-синтетической форме. В отличие от алтайского языка подобная семантика в якутском языке передается двумя моделями – послеложной и 1-й формой условного наклонения. При этом модель с формой условного наклонения характеризуется условно-уступительной семантикой. Ср.:

алт. Канайда да ... T_v за+//: *Канайда да катшагайлазаң камчыла адыңды сокпо!* Как бы ты не спешил, плетью своего коня не бей! [Там же, с.427] и

як. Төһө да ... T_v быт+// иһин / Төһө да ... T_v тар+/P/: *Төһө да ыксаабытын иһин /ыксаа-*

таргын, аккын кымньыынан кырбаама (перевод тот же).

Уступительные конструкции, соотнесенные с планом **конкретного или узуального настоящего**, передаются в алтайском языке структурами с зависимым предикатом *-пей де турза, да -уп турза*, в якутском языке – построениями с зависимым предикатом с послелогом или формой условного наклонения *-тар* в сочетании с частицей *да* (последняя формирует итеративную конструкцию, выражающую повторяющиеся действия). Ср.:

алт. T_v пей де турза: *Меге кем де чаптык этпей де турза, мен эмди нени де этпей турум* 'Хотя мне никто не мешает, я сейчас ничего не делаю' и

як. T_v бат+// үрдүнэн: Миэхэ ким да мэхэйдээбэтин үрдүнэн, билигин тугу да гыммаппын (перевод тот же);

алт. да T_v уп турза: *Бу недеде улай жааштар да болуп турза, бис кажы ла кен мала ажын жууп барадыс* 'Хотя на этой неделе часто идут дожди, мы каждый день ездим убирать овощи' и

як. T_v тар+P/ да/ T_v ар+// үрдүнэн: *Бунэдиэлэһэ субу-субу ардах түстэр да/ түһэрин үрдүнэн, биһиги күн аайы оһуруот аһын хостуу барабыт* (перевод тот же).

Использование двух синонимичных конструкций в якутском языке при выражении уступительных отношений показывает ограничение функций структур с 1-й формой условного наклонения (-тар), с которой также конкурирует 2-я форма условного наклонения, имеющая относительно больше функций, нежели первая.

Если в алтайском языке уступительные конструкции, соотнесенные с планом будущего времени, оформляются показателем условного наклонения (-за) в сочетании с частицей *да*, то в якутском языке подобные фразы передаются структурами с показателем «-таһына + частица да». Интересно отметить, что при этом якутская фраза передается на русский язык конструкцией с союзом *если даже*:

алт. T_v за да: *Мениң будым оорыза да, мен ишке барарым* 'Хотя у меня и будут болеть ноги, я буду ходить на работу' и

як. T_v тах+//на да: *Атаһым ыарыйдаһына да, үлэбэр барыам* 'Если даже у меня будут болеть ноги, я пойду на работу' и

алт. Эртэн адам тураның үстин де азарар болзо, мен ого болушпазым 'Хотя отец будет завтра чинить крышу, я не буду ему мешать' и

як. Сарсын кырыһатын өрөмүөннүүр да буоллаһына, мин киниэхэ мэхэйдэниэм суоһа (перевод тот же).

Когда части уступительных конструкций характеризуются временной моделью «ЗЧ: прошедшее – ГЧ: настоящее время», сопоставляемые языки представляются сходными структурными моделями «-баган да болзо» (алт.), «-батах да буоллар» (як.). Однако в отличие от алтайских фраз с противительным союзом *je* 'но' в главной части в якутских высказываниях противительный союз не употребляется:

алт. T_v баган да болзо: *Акчабай жуундап барбаган да болзо, ол эмди кемди де келдирбейт* 'Хотя Акчабай не уехал на совещание, он сейчас никого не принимает' и

як. T_v батах да буоллар+P/: *Акчабай мунньаха барбатах да буоллар, билигин кими да киллэрбэт* (перевод тот же);

алт. T_v пеген де болзо: *Катя јаражай болуп бүтпеген де болзо, је тыш-кебериле кеберкек келин* Катя, хоть и не родилась красавицей, но по наружности женщина очень видная и

як. T_v батар да / батах да буоллар+P/: *Катя кырасаабысса буолан да төрөөбөтөр / төрөөбөтөх да буоллар, тас көрүүнүн олус көстүүлээх дьахтар* (перевод тот же).

Уступительные конструкции, части которых соотнесены с планом прошлого, в сопоставляемых языках характеризуются зависимыми предикатами, выраженными разными структурами – условной (в алт.), послеложными (в як.):

алт. T_v ген болзо+// је: *Мен коомой до иштеген болзом, је јакшы иштеп алатам* 'Я хоть и работал плохо, но зарабатывал хорошо' и

як. да T_v бит+// иһин: *Мин куһаһаннык да үлэлээбитим иһин, үчүгэйдик хамнаһы өлөрөрүм* (перевод тот же);

алт. де T_v ган болзо: *акшы күн де турган болзо, самолеттор учкулабады* 'Хотя была хорошая погода, самолеты не полетели' и

як. да T_v быт+// (да) үрдүнэн: *Үчүгэй күн да турбутун (да) үрдүнэн, самолеттар көптөүлэр* (перевод тот же).

Когда ЗЧ соотносится с планом прошедшего времени, а ГЧ – с планом будущего времени, то в подобных конструкциях алтайского языка зависимый предикат оформляется причастием на -ган в сочетании со вспомогательным глаголом бол- в форме условного наклонения. Такие фразы передаются на якутский язык конструкциями с зави-

симым предикатом, выраженным причастием на *-быт* в сочетании с частицей *да* и вспомогательным глаголом *буол* в 1-й форме условного наклонения, что показывает типологическую схожесть данных конструкций в сопоставляемых языках. Ср.:

алт. T_v ген болзо: *Акчабай једип ме келген болзо, мен ого телефон сокпозым* ‘Хотя Акчабай уже вернулся, я не буду ему звонить’ и

як. T_v быт да буоллар+/P/: *Акчабай хайы-үйэ кэлбит да буоллар, мин киниэхэ телефоннуом суоҕа* (перевод тот же).

Если в уступительных конструкциях тюркских языков, в том числе алтайского языка, встречаются противительные показатели (союзы), например, *je/че* [Исхакова, Насилов, Невская, 2004, с. 438–439], то в якутском языке подобные союзы не имеют места. Ученые предполагают, что «на становление *je/че* как противительного союза повлияли контакты с русским языком: в русском языке междометие согласия *да* материально совпадает с союзом *да*, в том числе маркирующим и противительные отношения» [Там же, с. 439]. Нужно также отметить, что подобные фразы алтайского языка передаются на якутский язык не специализированными уступительными конструкциями, а моносубъектными БПК с зависимым предикатом, выраженным деепричастием на *-ан* в сочетании со служебным деепричастием *баран*. Ср.:

алт.: *Бистиң улус аңың изине табарган да болзо, је тайганаң једип келгелиген эмтир* ‘Наши люди, хотя напали на след зверя, однако, оказываются возвратились без зверя’ и

як. *Биһиги дьоммут, кыыл суолугар түбэхэн баран, кыыла суох төннүбүттэр эбит* ‘Наши люди наткнулись на след зверя, и вернулись без зверя (без добычи)’.

Что касается фокусных слов и оборотов, содержащихся в главной части уступительных конструкций, то в якутском языке, как и в алтайском, встречается структура со значением ‘все равно’ – *син биир* (як.), алт. *түңей ле*, усиливающая «антиследствие» [Озонова, 2015, с.68]:

алт. *Ол коркушту јакшы кижии де болзо, түңей ле јастыралары јок болбос* ‘Хоть он и очень хороший человек, но все равно не без недостатков’ и

як. *Арамаан өлбүт сураһын кистиин сатаа-быттарын үрдүнэн, ... син биир иһилибитэ* (Уйбаан Нуолур, с.36) ‘**Несмотря на то, что** известие о гибели Романа они (его родные) **старались скрыть**, ... оно **всё равно** стало известным’.

В уступительно-противительных бифинитных конструкциях алтайского и якутского языков препозитивные уступительные части снабжаются частицей (скрепой) *да*, однако в алтайском языке в отличие от якутского языка в постпозитивной (главной) части употребляется противительный союз *je*:

алт. *Ол керек дезе турбаган да, је келер күнде адазының турлузын таптап јөре берген* ‘Хотя он даже не встал по необходимости, но на следующий день отцовское стойбище покинув, (один) ушел’ и

як. *Куобах, куруппааскы, улар мэлдьи көстөллөр да, кинилэри бултаһарыгар төгүрүк өттүнэн кыаһа суоҕа* [Дмитрий Таас, 1990, с. 39] ‘Постоянно встречались на его пути) зайцы, курапатки, глухари, **но** у него не было никакой возможности охотиться на них’.

Выводы

Синтетические ППК с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках имеют общие типологические особенности, обусловленные постпозитивно-агглютинативным строем тюркских языков.

Якутские причинно-следственные ППК с зависимым сказуемым, выраженным деепричастием на *=ан*, как и казахские ППК с неуправляемыми формами зависимого сказуемого T_v =ғандықтан и T_v =ағындықтан, формируют преимущественно разносубъектные построения. Конструкции с управляемыми формами зависимого сказуемого в казахском языке в большинстве случаев тоже разносубъектны, а их якутские эквиваленты вариативно-субъектны. Субъект подобных разносубъектных ППК казахского языка в отличие от синтетических ППК якутского языка принимает форму родительного падежа.

Сопоставительный анализ уступительных конструкций якутского и алтайского языков показывает, что в алтайском языке при формировании подобных конструкций участвует в качестве зависимого предиката форма условного наклонения *-са/за*, которая в структурном плане соотносится с первой условного наклонения *-тар* в якутском языке (в древнетюркском *-сар*). Многие алтайские фразы с уступительным значением передаются на якутский язык конструкциями с зависимым предикатом во 2-й форме условного наклонения – T_v тах+//на, что связано с многозначностью данной формы, выражающей условные,

условно-временные, временные, причинные, уступительные отношения. Рассмотренные алтайские уступительные конструкции переводятся на якутский язык несколькими моделями уступительных предложений, что показывает синонимичность структурно-семантических моделей обсуждаемых конструкций в якутском языке.

Литература

Амма Аччыгыйа. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтылар. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1986. – 528 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Т. 2. – Новосибирск: Наука. 1995. – 336 с.

Дмитрий Таас. Сэһэннэр. – Дьокуускай, 1990. – 336 с.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

Ефремов Н.Н. Аналитические сложноподчиненные

предложения в якутском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч.1. – 2013. – № 11 (29). – С. 66–69.

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций /отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2004. – С. 425–595.

Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык // Языки народов СССР. – Т. 2. – М.: Наука, 1966. – С. 320–339.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Ознова А.А. Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. – 2015. – №2. – С. 62–70.

Тажыбаева С.Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 271 с.

Уйбаан Нуолур. Киэһээни алаас. – Дьокуускай, 1999. – 185 с.

Широбокова Н.Н. Предисловие // Е.И. Убрятова. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 3–11.

N.N. Efremov

Functional and semantic category of conditionality in the Yakut language: causal and concessive relationships (in comparison with the Kazakh and the Altaic languages)

The article presents the main results of the study means of expressing causal and concessive relations in the Yakut language in comparison with the Kazakh and the Altaic languages.

Keywords: the Yakut language, the Turkic languages, functional-semantic category, conditionality.

УДК 811.512.157

P.H. Anisimov

Названия ‘диких животных’ в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека

В статье впервые предпринята попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических единиц якутского языка и родственных тюркских языков. Привлекается языковой материал из тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский), относящихся к северо-восточной группе тюркских языков. В качестве сравнительного материала используются также фразеологизмы турецкого языка.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, соматизм, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы.

© P.H. Anisimov, 2015

Изучение фразеологии в последние годы развивается по антропологической парадигме, постулаты которой были заложены еще В. Гумбольдтом [1984, с.383], полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя». В тюркской фразеологии данное направление активно разрабатывается исследователями казанской фразеологической школы Г.А. Багаутдиновой [2007] и Л.Р. Сакаевой [2008]. В якутской фразеологии в антропоцентрическом аспекте выполнены сопоставительные исследования с неродственными немецким и русским языками [Прокопьева, 1996; Готовцева, 1994].

Сравнительное исследование фразеологических систем якутского языка и родственных тюркских языков еще не предпринималось, хотя в 60-х годах прошлого столетия первый якутский фразеолог Н.С. Григорьев [1960, с.170] отмечал, что фразеологию якутского языка надо изучать, не только используя средства данного языка, «но и привлекая сравнительный материал других языков, в особенности родственных» [1960, с. 170].

В свете сказанного и с учетом современных достижений лингвистической науки в предлагаемой статье предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов якутского языка с компонентом-названием 'диких животных': *эһэ* 'медведь', *бөрө* 'волк', *саһыл* 'лиса', *куобах* 'заяц', *элик* 'косуля', *киис* 'соболь', *сиэгэн* 'росомаха', *бэдэр* 'рысь', *тиинг* 'белка' – представителей лесотаёжной фауны с аналогичным материалом языков Южной Сибири (тувинский, алтайский, хакасский) и турецкого языка. В составе фразеологизмов данный компонент определяет семантику «качественно-оценочной характеристики человека», репрезентирующую оценочное описание внутренних свойств, душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека.

Во фразеологизмах с семантикой «качественно-оценочная характеристика лица» обширно представлена исторически объективная действительность вокруг носителя языка, производится оценочное описание характерных, отличительных качеств, черт индивида, его особенностей и поступков. Работы, посвященные фразеосеман-

тическому полю «качественно-оценочная характеристика человека» в отечественном языкознании встречаются у нескольких исследователей [Гоголицына, 1979; Солодуб, 1985; Арсентьева, 1989; Чумакаев; 2006]. В тюркологической компаративистике и якутском языкознании это поле объектом теоретического осмысления ранее не являлось.

Цель данной статьи – установить лексические параллели компонентов-названий 'диких животных' якутского языка в родственных тюркских языках Южной Сибири: алтайском, хакасском, тувинском, выявить фразеосемантические разряды и фразеологические параллели, образующие фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека».

Выбор тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский) в качестве объекта сравнения обусловлен тем, что эти языки, по мнению специалистов, являются близкими в генетическом отношении к якутскому языку и составляют вместе северо-восточную группу тюркских языков, «близость <...> в целом объясняется вхождением их в совместную ареальную общность» [Шёниг, 2005, с. 33].

Фразеологический материал извлечен из лексикографических источников якутского [Емельянов, 1965; Кулаковский, 1972; Фразеологический словарь..., 1974; Нелунов, 2002], алтайского [Чумакаев, 2005], хакасского [Боргоякова, 1996; ХРС, 2006], тувинского [Хертек, 1975], турецкого [Салахова, 1997; БТРС, 2006] языков.

ФЕ с компонентом 'медведь' и 'волк'

'Смелого, храброго' человека в якутском языке номинируют фразеологической единицей *эһэ-бөрө сүрэхтээх* – букв. с сердцем медведя и волка [Емельянов, 1965, с.81] // в хакасском *аба чүрөктиг* [Боргоякова, 1996, с.14] // в алтайском *айу жүректү* – букв. с медвежьим сердцем [Тюнтешева, 2006, с.46]. В якутском и хакасском языках хищного зверя – *медведя* называют *эһэ* 'дедушка' и *аба* 'отец, дед, старший родственник по мужской линии', что связано с тотемистическим культом медведя, характерным для сибирских народов [СИГТЯ, 1997, с. 159]. Алтайская лексема *айу* параллельна общетюркской **адуг* – 'медведь', их Г.Г. Левин [2013, с.147] относит к словам, не имеющим прямых соответствий по фоноструктурному признаку в якутском языке. Между тем Б.И. Татаринцев [2000, с.60] полагает, что *айы(э)* ~ *адыг* может

быть связан гомогенно с *айгыр*, общетюркским названием ‘жеребца’, возводимым к глагольной основе с семантикой ‘возбуждаться’, ‘бесноваться’, ‘неистовствовать’, и вероятно, ‘быть сильным и могучим’, характеризующим *медведя* как ‘сильного, злого и большого зверя’. Общетюркский **айгыр* сопоставим с якутским *атыыр* в том же значении [Убрятова, 1965, с. 11–16].

Образ *медведя* в составе ФЕ в тюркских языках характеризует эмоциональное состояние человека, определяемое как свирепость, суровость: *adiylaji aysun* ‘быть свирепым, как медведь’ (Кутадгу Билиг 86₂₄) [ДТС, 1969, с.10], в якутском эта семантика часто встречается в фольклорных сравнениях: *Юрюнг Уолантайы / ‘хардан эһэли ханытаата’* ‘медведем матёрым заревел’ [Джырыбына Джырылыатта, 2011, с.302].

Волк в тюркской лингвокультуре предстает символом мужественности, силы и стойкости. Почти во всех тюркских языках для обозначения волка используется общетюркское слово **bö:ri*, кроме огузских языков, где присутствует другое название волка **ku:rt* [СИГТЯ, 1997, с.160].

Как видно из примера, приведенного выше, в якутском языке храбрый, мужественный человек отождествляется также и с сердцем волка: *бөрө сүрэхтээх* – букв. с сердцем волка [Емельянов, 1965, с.81]. В тюркской картине мира стойкий человек тоже имеет силу как у волка *böri teg küci* (Кутадгу Билиг 86₂₄) [ДТС, 1969, с.10].

Вместе с тем в якутской фразеологии образ *волка* может иметь вербализацию негативной оценки: о человеке болтливом, не умеющем хранить тайны, и о человеке, занимающемся кляузлами, жалобами, доносами, говорят *бөрө эмэхтэ* – букв. зад волка [Нелунов, 2002, с.139].

А образ *старого волка* в якутском и турецком языках означает ‘опытного, бывалого, выдавшего виды человека’ *кырдыаҕас бөрө* [БТСЯЯ, 2008, с. 326] // *eski kurt* – букв. старый волк [Салахова, 1997, с. 43].

В тюркских языках *волк* метафоризируется в значение ‘сын’: *tilkütü toğdu azu börimü* ‘лиса родилась или волк?’ (Словарь Махмуда Кашгарского: 429) [ДТС, 1969: 118]. Этот метафорический перенос наблюдается и в якутском языке. Название волка употребляется по отношению к детям и подросткам мужского пола, что ярко иллюстрирует ФЕ *бөрөм бөтөһө, баҕам батана* – букв. мой волчий удалец, сабля, реализующая мои мечты [Егорова, 2010, с. 83].

ФЕ с компонентом ‘лиса’ и ‘заяц’

Во всех источниках лиса и заяц ассоциируются соответственно с хитрым и трусливым человеком. В тюркских языках животное лиса именуется **tilkü* [СИГТЯ, 1997, с.161], и только в якутском языке – *саһыл*, что сопоставимо с древнетюркским *йашыл* ‘зелёный’, с шорским *сакыл* ‘белка’ [БТСЯЯ, 2011, с.304]. По этимологии В.М. Наделяева якутский *саһыл* сопоставим с лексемой **d'auil* ‘желтый, зеленый’ [Щербак, 1961, с.135].

Обращает на себя внимание факт, что общетюркское слово **tilkü* в значении ‘лиса’ в якутском языке отсутствует. Близкая по фоноструктуре лексема обнаруживается в академическом словаре Пекарского *талкы* ‘медведь’, используемая в «Нюйском улусе Иркутской губернии» [Пек., стб. 2540]. Как вариант, тюркологи **tilkü* производят от *tiik* ‘пух’ (с метатезой **tiik-lii*), считая, однако, эту версию сомнительной [СИГТЯ, 1997, с.161].

Слово имеет довольно надежные алтайские параллели: в тунгусоманьчжурском *түлэ* ‘медведь’, *түлгэ* ‘волк’ [ССТМЯ, 1975, с.181, 210]. Можно предположить, что якутский *талкы* ‘медведь’, возможно, был заимствован из тунгусоманьчжурских языков вследствие взаимных контактов. Либо тут произошел внутренний семантический сдвиг **tilkü* ‘лиса’ → *талкы* ‘медведь’, как в случае *deve* ‘верблюды’ → *таба* ‘олень’. Как правило, у представителей огузских языков все гласные слова переходят в заднерядные, как *tan-ru, taṅara, taṅara* [СИГТЯ, 2006, с.327].

Лиса во всех тюркских языках, как и в других культурах мира, метафоризируется в хитрого человека: в тюркских языках Южной Сибири для этого используется понятие *глаза* – в алтайском *түлкү көс* [Чумакаев, 2005, с.98] // в тувинском *дилги карактыг* [Хертек, 1975, с.56] // в хакасском *түлгү харахтыг* – букв. с лисьими глазами [ХРС, 2006, с.691]. А в якутском – понятие *мозг* – *саһыл мэйиһи* – букв. лисий мозг [Нелунов, 2002, с.107].

Известно, что лиса отличается большой осторожностью и реже, чем другие звери, попадает в ловушку. Наблюдаемое носителем языка такое поведение лисы обуславливает характеристику: очень осторожный человек: *кырса-саһыл оҕото* – букв. детеныш лисицы или песка [Кулаковский, 1979, с.143]. *кырса* ‘песец’ ~ **karsak* ‘степная лисица’ [СИГТЯ, 1997, с.161].

Сиводушчатую лисицу в якутском языке называют *кэрэмэс саһыл*. Ср. эвен. *кэрэмриш* ‘сиводушка’ [БТСЯЯ, 2008, с.556]. Якутский *кэрэмэс* в составе ФЕ определяет как положительную, так и отрицательную оценку лица: о человеке, выделяющемся среди других своими положительными качествами говорят *киһи киэнэ кэрэмэнэ* – букв. лучший из сиводушек [Нелунов, 2002, с.223], про мошенника, ничего не признающего, нагло отрицающего свой неблагоприятный поступок, говорят *кэрэмэс саһыл мэлдьэбэ* – букв. отпирательство лисицы-сиводушки.

В якутской культуре «отношение к лисе как к ценному пушному зверю появилось, скорее всего, на более позднем этапе общественного развития, с приходом русских, когда поднялся спрос на теплый и красивый мех» [Павлова, 1996, с.168]. Стереотип ловкости и богатства закреплен в ФЕ *сатабыллаах саһыл саҕалаах* – букв. у ловкого, оборотистого человека воротник лисий [Кулаковский, 1979, с.163].

Для обозначения ‘зайца’ в якутском языке имеется несколько слов. Это литературно устойчивый *куобах*, который в составе ФЕ с соматизмом *сүрэх* фразеологизируется для характеристики трусливого, пугливого человека, *куобах сүрэх* – букв. заячье сердце. Диалектное слово *хотонох* распространено в говорах северных якутов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Оленекский, Усть-Янский районы) [ДСЯЯ, 1976: 293]. Якутский *хотонох* возводится к общетюркскому *кодан*, *козан*, *койан* [Пек., стб.3532] и свидетельствует о древних якутско-кыпчакских контактах [Широбокова, 2005, с.70]. Так, *хозан* участвует во фразеологизации в хакасском языке: *хозан чүрөк* – букв. заячье сердце [Боргоякова, 1996, с. 108].

Другое название зайца *табысхаан* (*табышкаан*) в основном встречается в вилуйской и заречной группах диалектов якутского языка [ДСЯЯ, 1976, с. 233], характеризуется как старинное название зайца [Широбокова, 2005, с. 71]. Обще-тюркский **тавшан* в составе ФЕ встречается в огузской группе тюркских языков [Широбокова, 2005, с. 70], например, в турецком *tavşan yürekli* – букв. с заячьим сердцем [Салахова, 1997, с. 78].

Тувинский *койгун* ‘заяц’, как замечает Татаринцев Б.И. [2004, с. 178], не имеет прямых соответствий в других тюркских языках и является специфичным для тувинского языка как и якутский *куобах*. Возможно, оба компонента образованы от глагольной основы: *койгун* от *хой-* ‘пу-

гаться, шарахаться’, *куобах* от *куой-* ‘пугаться’; Ср. хак. *хобай* ‘торчать’, тув. *ковай* ‘приподниматься’ (букв. ‘торчащий (зверь)’, т.е. заяц [БТСЯЯ, 2007, с. 483]. Тувинский *койгун* в составе ФЕ тоже обуславливает характеристику: трусливый, пугливый человек: *койгун чүрөктиг* – букв. с заячьим сердцем.

ФЕ с компонентами ‘косуля’, ‘соболь’,
‘росомаха’, ‘рысь’, ‘белка’

Пушной зверь ‘соболь’ в якутском языке обозначается общетюркской лексемой **киис* ~ *киш*. Соболь, как и лиса, у якутов особо почитаемый зверь. В быту шкура соболя высоко ценится, поэтому неудивительно, что соболь в составе ФЕ выступает для обозначения только положительного качества человека: *киһи киэнэ киһиһэ* – букв. лучший из людей, отважный, смелый [БТСЯЯ, 2007, с. 82].

В якутском языке встречается устойчивая фраза *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* – молодец из молодцов, удалец из удалцов, в которой интерес вызывает семантика компонента *элик*. Его первое значение ‘скорый, быстрый, проворный’. Второе значение слова в словаре Э.К. Пекарского обозначено как ‘чубарый олень’ [Пек., стб.248]. В Диалектологическом словаре якутского языка зафиксировано значение ‘косуля’, встречающееся в Амгинском и Горном районах [ДСЯЯ, 1976, с.319], аналогичное *туртас*. Слово *элик* в значении животного встречается в локальных эпических текстах и в других диалектах. Так, эта лексема присутствует в тексте олонхо «Өлбөт Бэргэн», записанном в Жулейском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинского) Р. Александровым в 1886 г. [Өлбөт Бэргэн, 2013, с.17].

Слово **элик* общетюркского происхождения. В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова мы находим *элик* ‘косуля’ [Радлов, 1893, с.815], в тувинском языке *элик* ‘косуля’ [ТРС, 2008, с.441], в хакасском *элик* ‘дикая коза’ [ХРС, 2006, с.1055]. Щербак А.М. [1961, с.120] под *элик* подводит значение трех разновидностей млекопитающих: ‘дикая степная коза’, ‘косуля’, ‘антилопа’. Соответственно, якутский *элик* это ‘чубарый олень’ и ‘косуля’, оба из семейства парнокопытных млекопитающих оленевых. Все животные, обозначаемые словом *элик* в тюркских языках, отличаются грациозностью, быстротой и проворностью. Можно предположить, что этот

их объективный признак явился мотивационным основанием ФЕ *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* для оценки молодого человека как доброго молодца, удалого молодого.

В якутском языке для описания человека физически сильного, но малого ростом в составе ФЕ используется зооним ‘росомаха’ *сиэгэн* → *сиэгэн бөбө* – букв. силен, как росомаха. Ср. монг. *зээх(эн)*, алт. *дьескен*, тув. *чекпе* эвенк. *дееган* [БТСЯЯ, 2011, с.470]. Тюркская праформа наименования росомахи – **д’эгэн* (**д’эгбэн*) [Щербак, 1961, с.140].

Зоонимы *тиинг* ‘белка’ и *бэдэр* ‘рысь’ в якутском языке характеризуют умственные способности человека. Так, при характеристике человека памятью употребляют ФЕ *тиинг мэйиш* – букв. беличья память. Как поясняет А.Г. Нелунов [2002, с. 186], «белка обладает невероятной памятью: с августа начинает делать запасы грибов и шишек где попало, а затем в продолжение всей зимы эти запасы постепенно находит и питается». Так, народное наблюдение за поведением белки концептуализируется в образно-мотивационной основе данного ФЕ. Лексема *тиинг* ‘белка’ общетюркского происхождения от **tijin* [Щербак, 1961, с.142].

Также мозг ‘*рыси*’ ассоциируется с умным, пронзительным человеком *бэдэр мэйиш* – букв. рысиный мозг. [СИГТЯ, 1997, с.159]. А слово *бэдэр* ‘рысь’ в якутском языке имеет параллель в письменно-монгольском **бэдэр* ‘крапинки, пятна, полосы у животных’ и считается монголизмом [Попов, 2003, с. 157], [Пек., стб.419]. *Рысь* в тюркских языках обозначается лексемой **й.š-ek*; параллель в якутском языке *үүс*.

Рассмотренный материал якутского и других тюркских языков выявляет следующие лексические параллели слов-компонентов и их фразеосемантические разряды:

а) в якутском языке выявлен компонент, имеющий лексические параллели в тюркских, монгольских и тунгусоманьчурских языках – ‘рысь’ – як. *сиэгэн* // тюрк. **д’эгэн* // монг. *зээх(эн)* // эвенк. *дееган*. Однако в создании структурного состава ФЕ из них участвует лишь якутский компонент, который создает фразеосемантический разряд, характеризующий человека: ‘росомаха’ *сиэгэн* → ‘физически сильный’.

б) в якутском языке обнаружены компоненты, имеющие лексические параллели в тюркских языках, которые также входят в состав ФЕ. С эти-

ми компонентами устанавливаются фразеологические параллели со следующими фразеосемантическими разрядами, характеризующими человека: ‘медведь’ *эһэ* ~ *аба* ~ *айу* → ‘смелость, храбрость’ (як.; хак.; алт.); ‘свирепость, суровость’ (як.; алт.); ‘волк’ *бөри* ~ *бөрө* ~ *kurt* → ‘смелость, храбрость’ (тюрк.; як.); ‘сын, наследник’ (тюрк.; як.); ‘опытность, бывалость’ (як.; тур.); ‘лиса’ *саһыл* ~ *түлкү* ~ *дилги* ~ *түлгү* ~ *tilki* → ‘хитрость’ (як.; алт.; тув; хак.; тур.); ‘заяц’ *куобах* ~ *хозан* ~ *койгун* ~ *tavşan* → ‘трусливость, пугливость’ (як.; тув; хак.; тур.).

При этом выявлены фразеосемантические разряды, присущие лишь якутскому фразеобразованию: ‘медведь’ *эһэ* → ‘мелочность, придирчивость’; ‘волк’ *бөрө* → ‘болтливость, доносительство’; ‘лиса’ → ‘ловкость, оборотливость’; ‘соболь’ *киис* → ‘смелость, отважность’, ‘лучший из лучших’; ‘косуля’ *элик* → ‘лучший из лучших’; ‘белка’ *тиинг* → ‘памятливый’;

в) в якутском языке выявлен компонент, имеющий лексическую параллель в монгольских языках и считаемый монголизмом: ‘рысь’ *бэдэр*, ‘летучая мышь’, который организует фразеосемантический разряд, характеризующий человека с точки зрения его интеллектуальных способностей: ‘рысь’ *бэдэр* → ‘умный, пронзительный’;

г) в якутском языке установлены компоненты, имеющие лексические параллели в тунгусоманьчурских языках и считающиеся возможными заимствованиями: ‘сиводушка’ *кэрэмэс* и ‘кедровка’ *оҕоло*. Они в составе ФЕ определяют фразеосемантические разряды как с позитивной, так и негативной коннотацией: ‘сиводушка’ *кэрэмэс* → ‘лучший из лучших’, ‘мошенник’; ‘кедровка’ *оҕоло* → ‘феноменальная память’.

Обнаруженное количество идентичных фразеологизмов, совпадающих по значению и лексическому составу в якутском, турецком и тюркских языках Южной Сибири может свидетельствовать о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие корни.

Выявленные в результате сравнительно-сопоставительного анализа национально-специфичные фразеологические единицы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают мнение о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в условиях отсутствия контакта с родственными языками.

Условные сокращения и обозначения

- алт. – алтайский
БТРС – Большой турецко-русский словарь
БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка
ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка
ДТС – Древнетюркский словарь
монг. – монгольский
п.-монг. – письменно-монгольский язык
Пек. – Словарь Э.К. Пекарского
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков
ТРС – Тувинско-русский словарь
ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка
тув. – тувинский
тур. – турецкий
хак. – хакасский
ХРС – Хакасско-русский словарь
эвенк. – эвенкийский
як. – якутский

Литература

- Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц: (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казань, 1989. – 126 с.
- Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии. Антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / – Казань, 2007. – 35 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 4: К. – 672 с.; 2008. – Т. 5: К. – 616 с.; 2009. – Т. 6: – Л, М, Н. – 519 с.; 2010. – Т. 7: Нь, О, Ө, П. – 519 с.; 2011. – Т. 8: С – сөллөбөр. – 572 с.
- БТРС – Большой турецко-русский словарь / сост. А.Н. Баскаков и др. – 3-е изд. – М.: Живой язык, 2006. – 960 с.
- Боргоякова Т.Г.* Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 144 с.
- Гоголицына Н.Л.* Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лица в русском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 198 с.
- Готовцева Л.М.* Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – 23 с.
- Григорьев Н.С.* О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. – Казань, 1960. – С. 165–177.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., под ред. Г.В. Рамишвили. – М., 1984. – 400 с.
- Диалектологический словарь якутского языка / отв. ред. П.С. Афанасьев, В.М. Надеяев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро / Эппиэттиир ред. Н.И. Попова. – Дьокуускай: ГЧуоААХНПИ, 2013. – 266 с. (Образцы народной литературы якутов собранные Э.К. Пекарским).
- Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр / П.П. Ядрихинской-Бэдьээлэ; олонхоһут тылыттан П.Н. Дмитриев-Туутук суруйуута. – Дьокуускай: Сайдам, 2011. – 448 с.
- Егорова Л.И.* Культ волка в традиции саха. – Якутск: Сфера, 2010. – 120 с.
- Емельянов Н.В.* Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1962. – 96 с.
- Кулаковский А.Е.* Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1925. – 122 с.
- Левин Г.Г.* Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 439 с.
- Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – 287 с. – Т. 2. – 420 с.
- Павлова И.П.* Семантическая мотивация эвфемизмов животных в табуированной речи (на материале якутского языка) // Язык-миф-культура народов Сибири: сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 1996. – С. 161–169.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд., фотомеханич. – М., 1959.
- Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дь).
- Прокопьева С.М.* Механизмы создания фразеологической образности (на материале германской и тюркской групп): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 37 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1888–1911 (М., 1963–1964).
- Сакаева Л.Р.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2008. – 34 с.
- Салахова Д.М.* Англо-русский и турецко-русский словарь фразеологических зоонимов. – Türk Dünyası Araştırmaları. Vakfi. – İstanbul, 1997. – 102 с.

Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительно-структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – 32 с.

СИГТЯ, 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 300 с.

СИГТЯ, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006 с. – 908 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с. (Т. III: К, Л).

ТРС – Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Самиздат. – 647 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т.1: А – 680 с.; 2005. – Т.2: Б – 912 с.; 2006. – Т.3: Г, Д, Дь, И. – 844 с.

Тюнтешева Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 224 с.

Убрятова Е.И. К этимологии слова АЙҔЫР ‘ЖЕ-РЕБЕЦ’ // Вопросы тюркологии. Сборник к 75-летию К.К. Юдахина. – Ташкент, 1965 – С. 11–16.

Фразеологический словарь якутского языка / сост. Н.С. Григорьев – Якутск: Кн. изд-во, 1974 – 127 с. (на якут. языке)

ХРС – Хакасско-русский словарь / под ред. О.В. Субрактовой – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.

Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. – Кызыл: Тув. изд-во, 1975. – 165 с.

Чумакаев А.Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 167 с.

Чумакаев А.Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2005. – 312 с.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С.82–172.

Шёниг К. О месте якутского языка среди тюркских языков // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. – С. 31–34.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, – 2005. – 268 с.

R.N. Anisimov

Names of “wild animals” as a part of idioms of the Yakut language characterizing person

The article is made the first attempt of comparative analysis of idioms of the Yakut language and related Turkic languages. The author uses the materials of the Turkic languages of South Siberia (Altaic, Khakas, Tuvinian) relating to North-Eastern Turkic languages. Turkish idioms also are compared too.

Keywords: idiom, component, somatizm, qualitative and estimated characteristic of the person, estimated idioms.

УДК 82-1(571.1/5)"18"

Г.Т. Андреева

Поэтический образ Сибири как проявление творческой индивидуальности русских писателей XIX века

В статье рассмотрены отдельные фрагменты цикла очерков И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада”», «Записок из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». Русская литературная классика XIX в. создала обобщенный художественный образ Сибири и Якутии, формируя концепцию особенностей отражения новой действительности. Ставятся проблемы творческой индивидуальности классиков: своеобразия эволюции эстетических взглядов Гончарова, мирообъемлющего характера гуманизма Достоевского, особенностей идейной позиции А.П. Чехова.

Ключевые слова: художественный образ, творческая индивидуальность, эстетические взгляды.

В русской литературной классике упоминание о Якутии встречается уже в XVIII в. в оде М.В. Ломоносова «На день восшествия на всероссийский престол Ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны» (1747).

Воспевая «возлюбленную тишину» и мир, принесенный новой правительницей, которая «войне поставила конец», великий мечтатель, провидец и энтузиаст не только рисует желаемое как сбывшееся, но и изображает то, чего воочию не видел. Силой могучей и роскошной фантазии Ломоносов создает картину цветущей российской окраины, ее богатых недр, прекрасной природы, пробудившегося к деятельности народа.

В северном пространстве рекам принадлежит особая роль, они поддерживают жизнь людей, помогают преодолевать суровые условия существования. Сакральное значение водного пространства придает великой якутской реке Лене особый статус: «Там Лена чистой быстринной, как Нил, народы напоет и бреги, наконец, теряет, сравнившись морю шириной».

Подводя итоги пятилетнего царствования императрицы, Ломоносов в этой изящной оде предвидит расцвет наук, искусств, связанный с талантами первооткрывателей новых земель. Темпераментно и напористо автор оды зовет на Урал, Дальний Восток, Северный Ледовитый океан, Курильские острова. Смотря сквозь столетия, гений Ломоносова предвидит, что российская наука будет произрастать Сибирью, Востоком.

Своеобразие нарисованной Ломоносовым картины мира сочетается с его общей моделью мироздания. Метафизическое явление Севера существует в особом плане бытия, формируя оригинальный тип сознания. В мироощущении поэта присутствует постоянное стремление к преодолению границ, сдерживающих полет творческой мысли. В оде «мир покидает свою пространственно-временную ограниченность, предельность, конечность» [Теребихин, 2004, с. 140]. Поэтому философский дискурс Ломоносова имплицитно как северный вариант общей философии России.

Масштабность этой оды обеспечена высотой выраженных в ней чувств автора, творчески унаследовавшего традиции лучших образцов древнерусской литературы и поэзии европейского ренессанса и барокко.

Единственным из классиков русской литературы XIX в., посетившим Якутию, был И.А. Гон-

чаров. Результатом его кругосветного путешествия явилось создание книги очерков «Фрегат “Паллада”» (1858).

Очерки Гончарова вобрали в себя три источника: судовой журнал, письма на родину и записи собственных впечатлений. Дорогая для автора мысль о столкновении покоя и движения лежит в основе главной коллизии книги, выражаясь прямо и открыто.

Первая увиденная Гончаровым дальневосточная земля – это берег Охотского моря, громадные утесы, пустынная тундра, топкие болота. Здесь в порту-станке Аян в фактории американской компании в числе других трудились и якуты. Они жили в юртах, исполняли штатскую службу, перевозили на лошадях и собаках людей и кладь, вели оседлый образ жизни, исповедовали христианство, были одеты чисто и тепло; обращались с ними ласково.

Наконец, экспедиция ступила на якутскую землю. Холодной, ветреной поздней осенью на лошадях мимо высоких каменных берегов рек она направилась к Якутску. «Тоска, – пишет Гончаров, – на расстоянии тридцати верст ни живой души, ни встречи с человеком, ни жилища на дороге, ни даже самой дороги!» [Гончаров, 1971, с. 1].

Природный компонент пространства выдвигается на первый план. Структурирование его ставит вопрос о соотношении природной и культурной составляющих. Образ новой для автора страны в ее наиболее ярких и существенных чертах складывается из значимых природных и культурных ареалов. Манера описания природы погончаровски выразительна, музыкальна, ритмична, эпитеты точны и кратки, сравнения метки и выразительны. Зримые живописные пейзажи создают иллюзию причастности природы к жизни людей.

Местность Якутии воспринята Гончаровым в целом как печальная. Вид с берега Лены однообразен и мрачен: пески, кусты, луга – все голо, неприятно и пустынно. Какая-то настороженная тишина объемлет все вокруг. Природные ареалы несут нацеленный на противостояние человеку налет, ощущается суровая враждебность природы к людям. Гончаров пишет: «Не раз содрогнешься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим все лето снегом во впадинах или на эти леса, которые растут тесно, ... деревья жмутся друг к другу, высасывают из земли скудные соки и падают сами от из-

бытка сил и недостатка почвы... Издалека доносятся до ушей шум горных каскадов, ... над всем этим тяготеет такое безмолвие, что не решаешься разговором или песнью будить пустыню, пугаясь собственного голоса [Там же, с. 530].

Первое, что увидел Гончаров, переправляясь через Лену к Якутску, – церкви: «Вдали сияли уже главы церквей в Якутске» [Там же, с. 522]. Чем-то неожиданно родным повеяло от них: «... все таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей..., что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию» [Там же, с. 524].

В пространстве города природный компонент подавляет искусственный. Человеческое участие здесь следует за главенствующим природным: культурное начало подчинено требованиям природного ландшафта, климата, самой северной атмосферы. Природные особенности формируют своеобразный тип человеческого жизнеустройства. Налет сакральности, загадочности, закрытости и почти недоступности городского пространства наталкивает на размышления о целенаправленности составляющих общий облик Якутска построек, зданий. Это и сторожевые вышки, и крепкие прочные дома, и приземистые строения. Этот город и восхищает, и страшит, и манит, как некая тайна.

О населении Якутска сказано: «Общество в Якутске, в том виде как оно теперь, ... право, порядочное». Очеркист не заметил здесь «ни малейшей вражды, никаких сплетней, а видел ... только любовь да дружбу, невозмутимый мир, всеобщее друг к другу доверие» [Там же, с. 528]. Якутское городское общество составляют купцы, служивые из переселенцев, рабочие новых золотых приисков. Обычаи горожан патриархальны, они все живут «в больших ладах». Как и прежде, Гончаров осуждает роскошь как неразумность и приветствует комфорт как необходимость.

Человек силен, смышлен, ловок, природа прекрасна, но пока человек не умеет жить нормально и разумно. Разумность автор считает основой цивилизации, но она не должна подавлять естественных потребностей и стремлений народа.

Общий портрет якутов – это «народ с широкими скулами, с маленькими глазами, таким же носом; бороду выщипывает; смуглый и с черными волосами. Они, должно быть, южного происхождения» [Там же, с. 506]. Якуты «ласковы и внимательны: они нас буквально на руках снимают с

седел и сажают на них», «на гребле работают без усталости... и чуть станем на мель, сейчас бросаются с голыми ногами в воду тащить лодку, несмотря на резкий холод». Якуты – «тихий и вежливый народ: съезжают с холмов, с дороги, чтоб только раскланяться с проезжим» [Там же, с. 513]. Городские якуты одеты нарядно, они в суконных кафтанах, подол которых у женщин обшит широкой красной тесьмой. На голове у них высокие меховые шапки. Они стригутся, оставляя сзади две тонкие пряди длинных волос, «вероятно, последний отдаленный намек на свои родственные связи с той тесной толпой народа, которая из Средней Азии разбрелась до берегов восточного океана».

Пока автор ехал по Якутску, «из окон выглядывали ласковые лица, а из-под ворот сердитые собаки, которые в маленьких городах чересчур серьезно понимают свои обязанности» [Там же, с. 524]. Ему весело было смотреть на разнообразные дрожки, на гостинный двор, на единственное каменное здание, занимаемое земским судом, на башни, он видел больницу, острог, хлебный магазин. Проезжих в Якутске пока мало, и якуты их балуют вниманием и заботой, они здесь «природные хозяева».

Русские хвалят якутов за трудолюбие, смышленность. В воровстве они обнаруживают много «тонкости, которая бы не осрамила лондонских мошенников». Якуты – хорошие скорняки, кузнецы, плотники, столяры, искусные резчики из мамонтовой кости, моржового зуба. У якутов нет боязни жизни, описанной Гончаровым в очерках об отдаленных уголках Малайзии, экзотических островах Японии, где жизнь туземцев была превращена в борьбу за существование.

Структура гончаровского образа подчиняется созданию героя как результата взаимодействия укладов «старого» и «нового». Звучит идея единства природы и духа человека. Эстетическая концепция Гончарова не позволяет ему отказаться от идеала, но идеал мыслится им как предположение. Несмотря на невозможность свести воедино полярные противоположности, писатель по-иному ставит вопрос о положительном герое: сложный конгломерат его идей трансформирует тип из образа в идеал.

Идеализация образов обретает налет тенденциозности. Эстетическая концепция Гончарова начинает ориентироваться на сакральные пласты культуры: общество, идущее путем прогресса,

ставит задачу освобождения человека из-под власти природы, церковь же стремится внутренне освободить его.

Роль, которая прежде приписывалась искусству, теперь отдается религии, искусство же подзревается в нравственной неблагонадежности. Перо Гончарова все меньше живописует портреты, природу, повествовательная манера становится скупее на краски. Даже поразившие Гончарова природные картины Якутии создаются в спокойной манере, автор как будто сдерживается, не позволяя себе развернуть всю роскошную палитру своего живописного искусства, так как теперь поэзии природы уже не придается того значения, которое придавалось прежде.

Главный «положительный» герой всего цикла очерков – прогресс, неотвратимое движение вперед, цивилизаторство в тех формах, каких Гончаров не ожидал увидеть в такой дали. Еще малолюдная Сибирь просыпается к «развитой жизни»: «Я теперь живой, заезжий свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикири возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и вызывают к жизни спящие силы... титан, который ворочает и сушей, и водой... меняет почву и климат... это... люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли черными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и молиться... они... создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее... А создать Сибирь не так легко». Этот медленный, постепенный всемирный процесс есть настоящий будничный подвиг жизни. Гончаров поражен живостью протекающей в Якутии деятельности, когда пустыни превращаются в города, смягчается стужа, из земли извлекается тепло. Неутомимо трудится целый легион титанов, это дворяне, духовные лица, купцы, поселенцы, которые «теперь хотят воздать творцу плод от брошенного им зерна».

Понять такого художника, как Гончаров, – это прикоснуться к его душе, а его очерки исследователи часто называют дневником душевной жизни русского классика.

Свои впечатления от Сибири оставил и Ф.М. Достоевский в «Записках из мертвого дома» (1862). Даже в кандалах, в окружении преступников, на тяжелых каторжных работах Достоевский чувствует могучее дыхание Сибири, ее мощь и скрытые силы. Он говорит о способности челове-

ка сохранять человечность, любовь к людям, к природе, ко всему живому. «Вообще в Сибири, – пишет он, – несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, не либеральные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники – или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжие из России... из них умеющие разрешать загадку жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются» [Достоевский, 1982, с. 5].

При всей суровости атмосферы Сибири этот край неожиданно пробуждает и проявляет в человеке тонкость чувств, духовное богатство, способности и таланты. В сцене арестантского концерта подчеркнута чуткость каторжан к искусству, после долгого концерта заключенные спали спокойно, без стонов и плача, так как «над людьми пронеслось дыхание искусства».

Живущие и работающие люди «приносят для Сибири богатые и сладкие плоды. Но другие, народ легкомысленный,... скоро наскучают Сибирью... они хлопчут о своем переводе и возвращаются восвояси, браня Сибирь и подсмеиваясь над нею. Они неправы: не только с служебной, но даже со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать» [Там же, с. 6]. Слово «плоды», может быть, говорит о знакомстве Достоевского с очерками Гончарова, где в понятие «плоды» вложено то же значение результатов деятельности энтузиастов цивилизаторства.

Сибиряки – умный, хозяйственный и трудолюбивый народ: «... есть много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности».

Автор доволен климатом Сибири, восхищен красотой ее природы: «Климат превосходный... Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника. Урожай бывает в иных местах сам - пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надо только уметь ею пользоваться. В Сибири умеют ею пользоваться».

В Сибири особенно чудесна весна: яркое солнце, воскресающая с необъятной силой природа, первые жаворонки. Каторжане задумчиво смотрят в синеющую манящую даль за острогом, на другой берег Иртыша, где необъятною скатертью расстилается вольная киргизская степь. Человека тянет вдохнуть свободного воздуха и облегчить им закованную душу. Сибирские просторы обладают чудодейственной врачующей силой

и одновременно бережат больные души заманчивым искушением бродяжничества.

Когда пришло долгожданное освобождение, Достоевский неожиданно почувствовал, как в чем-то каторга излечила его больную душу, и это чувство эмоционально выражено в последних словах книги: «Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых... – экая славная минута» [Там же, с. 302].

В конце XIX в. неожиданно для родных и друзей А.П. Чехов предпринимает поездку на остров Сахалин, впечатления от которой затем вылились в большую книгу очерков «Остров Сахалин» (1893).

Тысячи верст в открытых телегах и тарантахах по раскисшим в распутицу дорогам, переправы через разлившиеся реки на рыбачьих лодках или парамах – таков был этот трудный путь на «кандалный» остров писателя, которого из уютной Москвы гнала совесть человека, чувствующего личную ответственность за преступления правительства.

На Сахалине было проведено три месяца, здесь Чехов лечил больных, вел подробный дневник, сделал перепись населения, заполнил десять тысяч опросных карточек.

Вот общее представление Чехова о Сахалине: «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку... мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, ... мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей» [Чехов, 1970, с. 8].

О наблюдательности Чехова свидетельствует такой отрывок: «...как далека здешняя жизнь от России!... во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где то в Пагагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин

и Гоголь тут непонятны, и потому не нужны, наша история скучна, и мы... кажемся иностранцами... и нравственность здесь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращение с женщиной возводится почти в культ, и в то же время не считается предосудительным уступить за деньги приятелю свою жену; или: с одной стороны отсутствие предрассудков – здесь и с ссыльными держат себя, как с ровней, а с другой – не грех подстрелить в лесу китайца-бродягу как собаку» [Там же, с. 6–7].

Сахалин представляется Чехову адом, он вывез оттуда горечь, поселившуюся в душе на всю жизнь. Но зато, как говорил он сам, он «то ли возмужал, то ли сошел с ума»: в нем ходили какие-то широкие волны, что-то океански-огромное прошилось наружу.

Книга Чехова – это союз, синтез науки и искусства. О значении ее вспоминал А.Ф. Кони: «Чувство благодарности за большое духовное наслаждение, доставленное мне его произведениями, сливается у меня с мыслью о той не только художественной, но и общественной его заслуге, которая связана с его книгой о Сахалине» [Кони, 1969, с. 7].

Таким образом, русская литературная классика составила собственное представление о Сибири, о Якутии. Открытие писателями новой для них действительности обнаруживает важные стороны их творческой индивидуальности, зачастую способствует изменению идейной позиции, обнажая наиболее существенные черты эволюции художественного метода. Патриотизм Ломоносова, поэтичность Гончарова, всеобъемлющий гуманизм Достоевского, человечность Чехова проявляются в их восприятии новых мест и народов.

Литература

- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». – М., 1971.
Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М., 1982.
Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 тт. – Т.7. – М., 1969.
Теребихин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск, 2004.
Чехов А.П. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 8. – М., 1970.

G.T. Andreeva

The poetic image of Siberia as a manifestation of creative identity of the Russian writers of the XIX century

The article examines some fragments of the cycle of sketches by I.A. Goncharov "the Frigate Pallada", "Notes from the dead house" F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov's book "Sakhalin Island". The Russian literary classic of the XIX century created a generalized artistic image of Siberia and Yakutia, forming the concept features reflect the new reality. The problems of the creative individuality of the classics are discussed: identity the evolution of the aesthetic views Goncharova, the world-extended character of the humanism of Dostoevsky, the peculiarities of the ideological position of A. P. Chekhov.

Keywords: artistic image, creative individuality, aesthetic views

УДК 94(=512.31):82

С.С. Имхелова

Судьба бурятского народа в исторических легендах и художественной литературе

В статье анализируются особенности функционирования жанров, мотивов и образов исторических легенд в бурятской современной литературе. На конкретных примерах показана роль исторических легенд в мобилизации бурятской этничности в литературе постсоветского периода. Выявлены характер и принцип использования нарративного материала в прозе, поэзии и драме.

Ключевые слова: бурятская литература, фольклорные жанры, исторические легенды, предания, мотивы, образы.

Судьба любого этноса, проблема его идентичности особой остроты достигает в моменты, когда в обществе актуализируются вопросы, связанные с национальным самосознанием народа. Именно в конце прошлого столетия в связи с процессом национально-культурного возрождения бурят происходило возвращение бурятскому народу целого пантеона имен исторических деятелей. Вот почему в обществе возник интерес к жанру исторических легенд и преданий, которые, повествуя о значительных событиях, имевших место в действительности, об отдельных личностях, сыгравших важную роль в судьбе народа, запечатлевали память этноса, утверждали его единство, в основе которого лежат общее происхождение («кровное родство»), общая территория («родная земля») [Скрынникова, 2003, с. 178], и, конечно же, общая история.

Исторические легенды бурят представляют собой устные прозаические рассказы о таких событиях, как, например, присоединение бурятских земель к Российскому государству 350 с лишним лет назад, поездка представителей делегации 11 хоринских родов в Москву к царю Петру Первому в 1702 г., проведение русско-монгольской границы в 1725 г. Популярными в народе были леген-

ды, посвященные героическим личностям, таким, как Бабжа-барас батор, Шэлдээ Занги, Шоно-батор, Бальжан хатан, Бадан Туракин и другие. В народных легендах и преданиях они выступают защитниками родной земли и интересов простых людей, о чем свидетельствуют их деяния, подвиги, поступки. Особую группу исторических легенд представляют устные повествования об этнокультурных, этноисторических связях бурят с другими народами, имеющими с ними территориальную, генетическую общность, – монголами, тунгусами, якутами и, конечно же, русскими.

Бурятские писатели широко использовали данные фольклорные жанры из-за их достоверности в сочетании с элементами вымысла, а также ярко выраженной национальной специфики. Достаточно вспомнить трагедию «Великая сестрица шаманка» Б. Барадина (1923) или эпическую драму «Бабжа-Барас-батор» Н. Балдано (1944), заложивших традицию изображения истории и исторической личности, от поступков которой зависит судьба этноса. Или историко-революционный роман «Поющие стрелы» А. Бальбурова (1961), в котором вставная легенда о походе бурятского племени хонгодоров в поисках земли обетованной становилась метафорой про-

зрения героя-интеллекта в судьбоносное для народа время. Или поэтическое произведение Д. Улзытуева «Песня Шоно батора» (1965), где эпический герой – несправедливо гонимый народный заступник, сохраняет верность покинутой родине, признает святость и крепость родовой связи как черты национального менталитета.

Обращением к многочисленным преданиям о Шилдээ Занги отмечена и поэма Н. Дамдинова «Возвращение батыра» («Песня про Шилдээ Занги») (1966). Как и в эпическом сказании о вожде (занги) одного из бурятских племен, герой поэмы, устав от тягот кочевой жизни и военных столкновений, выбрал для своего народа место постоянной жизни – у Байкала, на скрещении дорог, прежде всего на скрещении с дорогой Белого (русского) хана. Приняв русское подданство, герой Н. Дамдинова не изменил ему, оказавшись со своими мэргэнами на чужбине, в плену. Заканчивается поэма героической смертью и одновременно символически-чудесным возвращением героя на свою родину.

Сюжет поэмы Н. Дамдинова движется мыслью рассказчика-сказителя, который верит в неистребимость национального бытия, духовно-нравственного здоровья своего народа. Он часто употребляет выражение: «...если верить преданию...». А в финале заключает: «Так в народе говорят, да, в народе: / Если смертный час к батыру приходит / Может враг его оставить без жизни, / Но не может никогда – без отчизны!». И предание о легендарной личности не исчезло, как истина, которая осталась жить в народе благодаря главной ценностью им доблести – верности родине. Ведь перед смертью Шилдэй занги думает лишь о близости к ней:

Взошел на помост он.
Спокойно прошел по скользкости бревен
И на север лицом повернулся,
Чтоб родина стала видна.
В двух шагах от него –
Граница, за границей – разъезд казачий.
Травы, родные запахи...
Все, чем дышал и жил... <...>
Если верить преданью, словно еще жива,
На север, на милый север,
По склону горы и дальше
От врагов своих подлых покатила его
Голова
[Дамдинов, 1981, с. 217].

В реальной исторической личности Н. Дамдинов видит идеал настоящего батыра, заслужив-

шего своей верностью народу и родине право остаться в преданиях и песнях. В памяти народной он вернулся на родину Шилдэй, а сказитель-улигершин эту память передает новым поколениям. Эпическая мысль автора о взаимосвязи жизни отдельного человека и истории народа движется желанием уловить момент исторического бытия, осознать место своего народа в общем историческом развитии.

Роль исторических легенд в мобилизации бурятской этничности вполне закономерно возрастает в произведениях постсоветского времени. Здесь необходимо выделить пьесу «Бальжин-хатан» Д. Эрдынеева (2005). Впервые поставленная на сцене Государственного Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева в 1984 г. пьеса была переработана так, что образы-концепты «родной земли» и «кровного родства» были решены в рамках этнокультурной рефлексии современности.

События далекой истории дали Д. Эрдынееву возможность поставить вопрос о национальной идентичности бурятского народа, на рубеже XVI–XVII вв. выбиравшего свой исторический путь, свою государственность. В бурятской истории не раз случалось так, что сообщество покидало уже освоенные новые земли и возвращалось на историческую родину. Так произошло и с племенем хоринцев. Предание о насильственном переселении людей – 11 хоринских родов в качестве инжи – приданого Бальжин-хатан в Монголию, где они стали албату (подданными) Бубэй-Бэлэй-хана, и последующем возвращении их на родину является одним из известных памятников устного народного творчества бурят [Тишков, 2000, с. 47–48]. Как Б. Барадин и Н. Балдано, А. Бальбуров и Н. Дамдинов, которые шли вслед за историческими преданиями, так и Д. Эрдынеев опирался при создании своей пьесы на коллективную память народа, сохраненную в первом произведении письменной литературы бурят «Легенда о Бальжин-хатун» [Туденов, 1972; Баяртуев, 2001].

В варианте 2005 г. акцент сделан на поэтичности первоисточника – легенды, в разных ее летописных вариантах. Героиня драмы, по воле предводителей бурятских племен выйдя замуж за сына баргутского хана, осознает всю полноту ответственности за свой народ, который желает объединиться с другими мирными народами и племенами, опасаясь угрозы иноземной маньчжурской экспансии. Автор использует мифопоэтическую основу легенды: Бальжин-хатан послана самой

Матерью-Землей спасти свой народ, взяв на себя ответственность за верный исторический выбор. Так, в начале драмы, тревожась о муже, которому предстоит облавная охота с хитрым и коварным Уувы, она согласится с ним, что необходимо помолиться и попросить удачи у Хозяев местности, Небожителей, Богов-Хранителей, и заметит: «Старики говорят, что душа сына исходит от Бога Неба, душа дочери – от матери Земли» (пер. И.В. Фроловой) [Эрдынеев, 2011, с. 17].

Смерть Бальжин-хатан в драме, как и в легенде, была и судом над врагами ее народа. В финале сбежавшая из-под стражи с помощью верных воинов, настигнутая погоней Бальжин-хатан принимает решение покончить с собой, чтобы не пролилась кровь ее народа, чтобы сила бурятских племен не была использована маньчжурами в войне против других народов. Согласно же легенде, Бальжин-хатан скрывалась от гнева хана Буубэя, то превращаясь в снег, то становясь невидимой для преследователей. Потом, пожалев их, она добровольно сдается им со словами: «У меня нет права послушаться приказа хана-отца, поступайте со мной так, как он велел» [Туденов, 1972, с.170].

В драме Д. Эрдынеева героиня, свободная от патриархальных предрассудков своего времени, также добровольно уходит из жизни и тем самым уходит от преследователей: «исчезает чудесным образом». И делает это ради мирного будущего своего народа. В таком решении финала сказало влияние народных эпических представлений о подвиге: смерть героя была стрелой, летящей во врага, вкладом героической личности в будущее торжество справедливости [Найдаков, Имхелова, 1987, с. 223].

В легенде представлена мифопоэтическая родословная Бальжин-хатан, которая еще в девичестве с присущей ей прозорливостью предсказывает свою замужнюю жизнь в рабстве и унижения, прозревает гибель ради свободы своего народа, его мирного будущего; она знает, что «отрежет свою грудь, успеет бросить ее в степное озеро у подножия величественного Алхана, увидит, что не кровью, а материнским молоком наполнится освященное озеро хори-бурят. И будут пить это молоко женщины и мужчины, и будет ее молоко питать людей, давать силы, умножать ее род, а она незримо, среди тенгриев Срединной земной сферы <...> будет присутствовать всегда, пока будут жить хоринцы, пока будет жив хоть один бурят-монгол» [Баяртуев, 2001, с. 174].

В пьесе Д. Эрдынеева отразилась эта мифопоэтическая родословная героини: ей присуща прозорливость, она предвидит свою трагическую участь, знает, что погибнет ради свободы своего народа, его будущего. Здесь для драматурга очень важным представляется поведение героини легенды: оно психологически объясняется тем главным чувством, которое владеет ею и которое придает ей величие и духовную силу, – чувством гордости. В варианте легенды, на который опирается Б.Д. Баяртуев, чудесным образом выясняется, что Бальжин – наследница небесного и воистину царского рода и самого Чингисхана, что она является от рождения хатун – княгиней, потому что ведет свой род от матери-лебедя Алан-Гуа, и что ближайшими её родственниками являются люди из рода Чингисхана. Именно гордость чингисидов движет героиней легенды и дает автору пьесы «Бальжин-хатан» возможность на рубеже XX–XXI вв. обратиться к идее национального возрождения, ориентированной на новый уровень этнического самосознания бурят.

Таким образом, в самых ярких произведениях бурятской литературы второй половины XX в., о которых шла речь, отразилось понимание их авторов разных исторических этапов формирования национального сознания бурят. Использование писателями исторических легенд и преданий способствует подключению современных поколений к общему национально-культурному контексту.

Литература

- Баяртуев Б.Д.* Предыстория литературы бурят-монголов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
- Дамдинов Н.* Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1 / пер. Р. Казаковой. – М.: Сов. Россия, 1981.
- Найдаков В.Ц., Имхелова С.С.* Бурятская советская драматургия. – Новосибирск: Наука, 1987.
- Скрынникова Т.Д.* Культура в языке дискурса национального возрождения бурят // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. – Новосибирск, 2003. – Вып. 5.
- Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2.
- Туденов Г.О.* «Легенда о Бальжин-хатун» – один из первых памятников дореволюционной бурятской литературы дооктябрьского периода // Бурятская литература: труды Института общественных наук. – Вып. 16. – Улан-Удэ, 1972.
- Эрдынеев Д.* Бальжин-хатан // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т. – Т. III: Драматургия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

S.S. Imikhelova

The fate of the Buryat people in the historical legends and literature

In the article analyzes the special features of the functioning of genres, motives and means of historical legends in the Buryat contemporary literature. In the concrete examples is shown the role of historical legends in the mobilization of the Buryat ethnicity in the literature of post-Soviet period. Are revealed nature and principle of the use of narrative material in the prose, the poetry and the drama.

Keywords: Buryat literature, folklore genres, historical legends, motives, means.

УДК 75+82 (571.54)

Т.А. Бороноева

Особенности автобиографизма в современной бурятской художественной культуре

В статье речь идет о проявлении в современных текстах художественной культуры Бурятии автобиографизма как своеобразной самоидентификации «я» художника в образе автобиографического героя. Анализируются не только литературные тексты, но и произведения живописи: повести «Маленькая война» (2001) и «Записки пожилого мальчика» (2007) Г. Башкуева, работы художника З. Доржиева 2000-х гг. и его необычный «проект» «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» (2011), в которых наиболее интересно проявилось расширение саморефлексивного потенциала текста.

Ключевые слова: автобиографизм, бурятская проза, бурятская живопись, саморефлексия, самоидентификация художника, повествование о детстве, автопортретность, автопсихологический герой.

Явление автобиографизма в бурятской художественной культуре, особенно в литературе, стало тенденцией во второй половине XX в. Произведения, созданные на пределе авторской откровенности, авторской саморефлексии, где автор часто выводит героя – собственное alter ego, особенно характерны для других национальных литератур этого времени. Часто такому герою были присущи признаки творчески одаренной натуры, родственной автору: обостренная восприимчивость, сложная ассоциативность мышления, склонность к предчувствиям и т. д. Таковы, к примеру, герои самых ярких книг русской литературы второй половины прошлого столетия: доктор Живаго из одноименного романа Б. Пастернака, Веничка – герой поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», автобиографический герой С. Довлатова («Зона», «Чемодан», «Наши», «Ремесло») и др. И это герой «автопсихологический» (Л.Я. Гинзбург), потому что автор наделяет его родственной душевной структурой.

В бурятской литературе к таким произведениям исследователи относят книгу А. Бальбурова «Двенадцать моих драгоценностей» (1975), рассказы Ч. Цыдендамбаева 1970-х гг. из книги «Ли-

вень в степи». Как писала С.С. Имихелова [1996], герой-повествователь в этих произведениях и есть сам автор, на глазах читателя создающий свой творческий автопортрет. Но главное в этих текстах – форма повествования, где «установка на “искусство” создает напряжение в самой фигуре “автобиографа”, подлинной и вымышленной одновременно» [Имихелова, 1997, с. 6]. Особенно ярко, на наш взгляд, черты метапрозы проявились в бурятском искусстве 2000-х гг., о чем свидетельствуют, например, повести Г. Башкуева (род. в 1954 г.) «Маленькая война» (2001), «Записки пожилого мальчика» (2007) и творчество художников А. Цыбиковой (1947–1995), З. Доржиева (род. в 1976 г.), в живописи которых жанр автопортрета заявлен в особой, игровой форме. В 2011 г. вышло издание «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» (2011). Соединившее альбом живописных работ и художественную прозу автора оно построено на «я»-повествовании, посвященном процессу творчества.

Исследователи считают, что автобиографизм в современном искусстве открывает широкие возможности для трансформации литературной традиции, использования литературной игры, синте-

за художественного и нехудожественного [Хатямова, 2008, с. 5]. Документальное свидетельство или вымысел в таком произведении почти трудно разделить. Но чаще всего происходит игра с фактами автобиографии, когда автор напрямую «дарит» герою собственную противоречивость, собственное раздвоенное мировосприятие, что придает характеристике его внутреннего состояния большую убедительность. В повести Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» именно творческая природа героя как раз и стала предметом напряженной рефлексии

В «Записках пожилого мальчика» состояние героя есть рефлексия самого автора, для которого нет задачи сложнее, чем стремление человека достичь душевного равновесия, гармонической цельности. Именно таким был главный герой в романе «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова – предшественника Г. Башкуева, создававшего свои произведения на русском языке: талантливый поэт Олег Аюшеев создает роман о гуннском правителе Модэ, и читатель может убедиться, насколько он талантлив, по этому «тексту в тексте», где передана авторская рефлексия по поводу затянувшегося творческого кризиса. Герой Г. Башкуева так же, как и герой В. Митыпова, выступает творческой личностью, и его рефлексия по поводу создаваемого им «текста» – записок-воспоминаний, позволяет говорить о его сущности как художника. Во всяком случае, «присутствие», «наличие» этих записок в структуре произведения свидетельствует о новой, талантливой версии реальности, которую создает герой.

В названии повести «Записки пожилого мальчика» содержится указание на жанровую природу произведения и обозначено внутреннее состояние рассказчика-героя, иронично называющего себя пожилым мальчиком. Г.Н. Болотов, сидя в следственном изоляторе, сначала в воображении, а затем на бумаге запечатлевает воспоминания о своей прошлой жизни. Отдельные главы-новеллы – это исповедальные тексты, опровергающие официальное обозначение имени и заявляющие о подлинной личностной идентификации.

Роль воспоминаний героя заключается в фиксации мгновений прошлого, позволяющей уяснить происходящее в настоящем. Острота восприятия и впечатлений, которые присущи настоящему художнику, относятся к «я» героя-рассказчика, пребывающего в прошлом, – сначала это мальчик-подросток, мучительно переживающий

разрыв в отношениях между родителями, затем переживающий одну за другой влюбленности, а потом – мужчина средних лет, женатый и уже разведенный, имеющий сына. Существование героя повести в двух временных континуумах – «я» в настоящем и «я» в прошлом ведет к такому построению текста, когда облик героя удваивается, когда обостряется и момент игры.

Читатель в каждой «записке»-новелле сталкивается с игровым, «несерьезным» отношением героя к окружающему миру (недаром его все наперебой уговаривают быть посерьезнее, не паясничать). В воспоминаниях это отношение, которое называется привычным стремлением «убить время», для сегодняшнего «я» служит объяснением всей его сумбурной и запутанной жизни. Таким образом, каждая новелла выдается за подлинную реальность и даже «вклеивается» в реальность воспоминания в виде рисунка – своеобразной, визуальной части текста.

Такое поведение героя отражает, с одной стороны, несерьезное отношение к жизни, с другой – отношение творческое, желание быть свободным в своих воспоминаниях-ассоциациях, свободным в том, чтобы заново, с удовольствием прокручивать, как киноплёнку, эпизоды собственной жизни. И эта игра объявляется героем как способ сопротивления, направленный против обыденности, против любой несвободы. И смерть главного героя становится осознанным выбором, продолжением игры как свободного волеизъявления.

Творческая натура требует от героя такого поведения, которое в конечном счете станет уходом в творчество. Поэтому все новеллы в повести претендуют на право быть текстом, запечатлевающим творческую саморефлексию героя. Творческую личность читатель ощущает в языковых особенностях новелл, в необыкновенном умении видеть мир детально, и детали в произведении приобретают статус знака, символа. С их помощью фиксируется, запечатлевается жизненный фрагмент и связанное с ним настроение. Изначально не связанные между собой жизненные фрагменты, иногда искаженные с помощью образного видения, складываются в определенный орнамент. Такая «живопись» как бы имитирует творческий процесс, который спасает героя в невыносимых условиях несвободы: «Я стоял перед черной стеной, сложенной из кирпичиков смрада, стонов, храпа, невнятицы слов, и обливался потом. В высоком, словно бойница, окне оловом

наливалась августовская ночь, порезанная на равные квадраты... Из-под двери вытекала струйка свежего воздуха, я повернулся на правый бок, как учили в детстве, уперся коленом в плинтус... Игра началась» [Башкуев, 2007, с. 289].

Игра-воспоминание передает сознание, которое переполнено материально-телесными образами, событиями жизни героя, и обрывки его размышлений, представлений соединены в эстетике коллажа. Тем не менее, при всей причудливой разноголосице новелл, в «Записках» ощущается некий лиризм, некое интонационное единство. Герой Г. Башкуева заново, с восторгом переживает лучшую часть своей жизни – детство. В его записках-воспоминаниях немало автобиографизма, хотя события детства, портреты друзей детства, родителей преобразуются творческим воображением в реальность более живописную, чем факты биографии писателя, если их зафиксировать на языке документального дискурса.

Роль мифологемы детства вполне функциональна в таком тексте и восходит к образу Вечного Ребенка, проходящего испытание жизнью и в своей рефлексии переживающего катарсис. Такой же образ выведен в повести Г. Башкуева «Маленькая война». События в ней связаны со временем детства самого автора – послевоенная реальность, полеты в космос, дружба советской страны с Кубой. И рядом – жизнь мальчика в родном городе Улановке, реальность дворовых войн («шанхайские против заудинских»), местный базар, подслушанные разговоры на тюремном жаргоне, общение с уголовником Мадерой, с безногим ветераном – чистильщиком сапог, первый вкус алкоголя, первая влюбленность. В названиях улиц, районов, перечислении территориальных объектов угадывается родной город автора – Улан-Удэ. И кажется, что все изображенное в повести списано автором с собственной жизни, и картины собственного детства со своей богатой живописью – это своеобразное признание художника в любви к родному городу, который взрастил его, закалил характер, столкнул с подлинными жизненными ценностями – верностью, способностью к состраданию, подготовил к настоящей, суровой мужской жизни. Повествование от первого лица позволяет судить о творческой натуре героя-мальчика, который на глазах читателя творит и другую, игровую, близкую к авторскому идеалу реальность.

Таким образом, дети в прозе Г. Башкуева – это еще и импульсы проявления собственного творче-

ского начала, результат поиска и создания знаков, которые отсылают к системе внутренних ценностей, отношения к культуре, к тому в ней, с чем он может себя идентифицировать. Вот почему культурная самоидентификация художника представляется интересным аспектом при рассмотрении детских образов в бурятском искусстве.

Так, в живописи Т. Манжеева, А. Цыбиковой, Д. Пурбуева достаточно много детских портретов, картин-зарисовок, связанных с детской жизнью, и часто у зрителя создается впечатление, что в них-то и выражается видение художником идеальной творческой самоидентификации [Бороноева, 2014]. Из художников нового поколения следует выделить З. Доржиева. Во многих жанровых сценках на его полотнах изображаются игры детей, их соперничество, возня и соревнование друг с другом. На картине «Игра» дети играют так самозабвенно, что их лиц, склоненных над «полем битвы», не видно за спинами, по которым уже чувствуется, что они уже скоро будут готовы к настоящим схваткам и войнам. Пока это наивная детская игра («Куча мала», «Гравитация»), пока Ребенок только держит в руках самодельный лук («На краю земли»), но скоро, скоро его ждет настоящая, взрослая жизнь. То есть Вечный Ребенок у З. Доржиева передает собственные импульсы художника, его мировоззрение и самоидентификацию. Во многом эта мифологема обнаруживает специфическую особенность пространства традиционной бурятской культуры – неразделенность мира детей и мира взрослых, включение ребенка в разностороннюю жизнь взрослых: трудовую, ритуально-обрядовую, праздничную.

Тема детства в этих произведениях тесно связана с темой творчества. Об этом идет речь в книге З. Доржиева «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева». Если в его картинах-иллюстрациях чувствуется наполненность изображаемого рефлексией автора, то в литературном тексте она дана напрямую, в повествовании от имени героя-автора. Это своеобразный литературно-живописный автопортрет, потому что словесный текст совпадает с изображением, дан на его фоне, который играет роль не обычных иллюстраций, а выполняет живописный комментарий к слову.

Одной из ключевых особенностей игрового автобиографического повествования М. Липовецкий называет тематизацию процесса творчества через мотивы сочинительства, описаний быта, помогающие сочинительству, созданию ил-

люзии «строительства» героем собственной жизни и т. д. То есть происходит репрезентация автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа, который сочинительством данного текста выступает одновременно и как автор самого произведения [Липовецкий, 1997, с. 45–46]. Именно так движется, разворачивается повествование в книге З. Доржиева.

Описание детских игр в «войнушку» сочетается с объяснением тяги к творчеству, и здесь сталкиваются реальность детства героя-автора и реальность времени «письма», когда герой, уже взрослый, объясняет свою тягу к рисованию. Именно это взрослое «я» объясняет и время, когда детство закончилось: «Просто однажды летом на нашей улице появилась одна девочка... Мне было двенадцать лет. Но это уже другая история» [Доржиев, 2011, с. 23].

Поэтика словесного текста основана на неразрывном единстве с живописным фоном, и благодаря живописным коллажам и зарисовкам – не на полях, а на самой странице вместе с литературным текстом, можно увидеть процесс создания всего «текста» книги. Автор воспроизводит «обессловленные голоса» героем, который интуитивно понимает, что он будет «написан», если выйти за пределы наличной реальности. Выход этот и происходит в живописных, рисованных комментариях, где герой постепенно развивается и становится создателем нового «текста» – живописных полотен, которыми и завершается книга.

И если есть в литературном тексте недосказанность, незавершенность, незаполненные лакуны, то их заменяет серия картин, созданных как результат словесных дум и размышлений, как результат становления характера мальчика и затем молодого человека – начинающего художника.

Прежде чем закончить книгу-альбом результатом всей предшествующей жизни, З. Доржиев завершает литературный текст лирическими зарисовками, представляющими собой поэтическую рефлексию, похожую на стихотворение-верлибр. Приведем вторую часть этого своеобразного стихотворения в прозе: «Люблю весну. За ощущение тревоги и зыбкости. Как будто натягиваешь тетиву самодельного лука и не знаешь, выдержит ли он это напряжение. Может, порвется тетива из случайной веревки? Разлетится ли сухой щепой только что срубленный сук, еще не успевший наполниться древесным соком, чтобы быть достаточно упругим? Или вылетит стрела стремитель-

ной белой молнией, и я сам удивлюсь, что смог послать так далеко ивовую ветвь, наспех высвободив ее из бугристой коры?» [Там же, с. 81]. Становление художника завершилось не только в живописных картинах взрослого героя, но и в слове, лирически напряженном словесном тексте, метафорически передающем сомнение творческой личности, восторг и счастье от результата творческого пересоздания корявого жизненного впечатления в реальность искусства.

В книге З. Доржиева передана значимость ценностей, обретенных его героем-автором в детстве и юности, – способность пережить, переварить богатство детских впечатлений, возникающих в воображении сюжетов и образов, мужественное достоинство от столкновения с первой любовью и первой ревностью, вера в тайну благодаря встрече с чудесными явлениями природы, любовь к музыке, самоуважение, вызванное первыми профессиональными заработками. И весь этот калейдоскоп зарисовок, штрихов, коллажей, эскизов – литературных и живописных – служит как бы залогом будущей насыщенной творческой жизни. Автобиографический герой «проклонется» и в мифологически-условных образах, и в облике героев-современников. Об этом говорится в статье искусствоведа: «Наряду с традиционным чеканным обликом условного “зориктоида” в лицах и фигурах появляются черты современных людей – озабоченных и нервных, напряженных и встревоженных» [Якимович, 2015, с. 9].

Для подобных художественных текстов характерна пространственно-временная свобода, в первую очередь, связанная с усилением «творческого хронотопа» (М.М. Бахтин). Это обеспечивается тем, что художник, стремясь вслушаться в тончайшие движения души героя, прикасающегося к гармонии в мире, подлинным ценностям жизни, передает сам процесс рождения этих движений в собственном субъективном чувстве, переданном в автобиографическом тексте, часто создающемся на глазах читателя/зрителя.

Литература

Байкуев Г. На переломе. Публицистика. Проза. Пьесы. – Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2007. – 492 с.

Боронова Т.А. Тема детства как культурная самоидентификация художника (на материале бурятской художественной культуры) // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – 2014. – Вып. 10. – С. 55–58.

Доржиев З. Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева. – М.: Галерея Ханхалаева, 2011. – 124 с.

Имхелова С.С. «Авторская» проза и драматургии 1960–1980-х гг.: своеобразие художественного метода. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1996. – 88 с.

Имхелова С.С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – 1997. – Вып. 1. – С.119–128.

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург, 1997. – 317 с.

Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 328 с.

Якимович Ф. Зорикто Доржиев // Зорикто Доржиев. Воображаемая реальность. – М.: Третьяковская галерея, 2015. – С. 5–11.

T.A. Voronoeva

Features of autobiographical in the modern Buryat art culture

The article is about the manifestation in modern texts of the artistic culture of Buryatiya as a kind of autobiographical self-identification "I" of the artist in the form of an autobiographical character. Analyzed not only literary texts, but also works of art: the novel "Little War" (2001) and "Notes older boy" (2007) by G. Bashkueva, the artist Z. Dorzhieva 2000th and his unusual "project" "Zorik book. Artist's Book Zorikto Dorzhieva" (2011), in which the most interesting was showed expansion of the capacity of self-reflexive text.

Keywords: autobiographism, the Buryat prose, the Buryat painting, self-reflection, self-identification of the artist, the story of his childhood, self-portrait, self-psychological hero.

УДК 938(=512.37)

Б.Б. Манджиева

Фольклорное наследие калмыков: сохранение, изучение, популяризация на современном этапе

Статья посвящена проблеме сохранения, изучения и популяризации фольклорного наследия калмыков. В рамках этого исследования сотрудниками Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН разработан «Свод калмыцкого фольклора» – один из его фундаментальных проектов, реализация которого активно осуществляется в последние годы.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, эпос «Джангар», традиция, сохранение, изучение, популяризация, фонд, архивные материалы.

Калмыцкий народ обладает огромным богатством – многожанровым и во многом уникальным устным народным творчеством. В его сокровищнице имеются героический эпос «Джангар», мифы, легенды, предания, сказки, множество прекрасных песен, большое количество глубоких по смыслу пословиц, поговорок, произведений своеобразных жанров – *йөрэл* (благопожелание), *магтал* (восхваление), *яс кемэлһн* (состязания в красноречии).

Важнейшим научным результатом является разработка концепции Свода калмыцкого фольклора – одного из фундаментальных проектов Калмыцкого института гуманитарных исследова-

ний РАН, реализация которого активно осуществляется в последние годы. В Своде во всей полноте представлено устно-поэтическое и музыкальное творчество калмыков. Комплексность издания обеспечивается единством филологической, историко-культурной, этнографической и музыковедческой интерпретации фольклорных произведений. Публикация оригинальных текстов с параллельным научно-адекватным переводом на русский язык сопровождается нотными записями напевов и фоноприложениями.

Фольклористами и джангароведами подготовлены следующие тома Свода калмыцкого фоль-

клора: «Калмыцкий героический эпос “Джангар” в пяти томах, «Мифы, легенды и предания калмыков», «Калмыцкие народные благопожелания», «Калмыцкие народные песни», «Малые жанры фольклора». В настоящее время в отделе ведется работа над томами Свода: «Калмыцкие волшебные сказки», «Калмыцкие богатырские сказки», «Калмыцкая обрядовая поэзия».

Калмыцкий героический эпос «Джангар», впервые включивший все 28 песен эпоса в оригинале и переводе, представлен в пяти томах в соответствии с хронологией записи по репертуарным циклам. Так, в первый том вошли тексты трех песен малодербетовского цикла, записанных в середине XIX в. от неизвестных сказителей, во второй – трех песен багацохуровского цикла в записи XIX в. от неизвестных джангарчи. Третий том посвящен эпическому репертуару джангарчи Ээлян Овла (запись 1908, 1910 гг.), состоящему из 10 песен. Четвертый том содержит шесть песен эпического репертуара Мукебюна Басангова (1939 г.), пятый том – четыре песни Давы Шавалиева (1939 г.), одну песню Насанки Балдырова (1982 г.) и одну песню Бадмы Обушинова.

Национальные тексты томов Свода воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка и сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Следует отметить, что переводчики в своей работе руководствовались принципами научного перевода на русский язык эпических памятников, разработанными в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН и в Институте истории, филологии и философии СО РАН в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». При этом они стремились, с учетом специфики лексики «Джангара», к максимально полной передаче на русский язык содержания, поэтической образности и художественного стиля произведений калмыцкого фольклора.

Теоретическая новизна проводимых фольклористами исследований состоит в применении к калмыцкому фольклорному материалу ряда новых концептуальных подходов. Так, монография Т.Г. Басанговой «Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика)» [2007] является первым фундаментальным трудом в отечественной фольклористике по изучению обрядовой поэзии калмыков. В работе автор исследует систему жанров и поэтику калмыцкого обрядового фоль-

клора, что до сих пор не получило должного освещения в научных трудах российского востоковедения. Т.Г. Басангова дала определение этому феномену, проследила многообразие его форм, проанализировала содержание и структуру различных в жанровом отношении фольклорных образцов обрядового поэтического творчества калмыков, таких, как благопожелания, заговоры, проклятия, календарные, производственные, семейные, свадебные песни, плачи. Автор включила в работу большое количество фольклорных текстов, до сих пор не введенных в научный оборот: это архивные материалы и полевые записи, сделанные автором в экспедициях в различные районы Республики Калмыкия, в которых она принимала участие, начиная с 70-х гг. вплоть до настоящего времени. Определенное внимание в работе уделено изучению художественной системы, вариантности и константности жанров обрядовой поэзии калмыков. В исследовании поставлена и разрешена задача реконструкции, классификации жанров обрядовой поэзии, выявления их поэтико-стилистических особенностей, проблем взаимосвязи жанров обрядовой поэзии с другими жанрами калмыцкого фольклора.

В монографическом исследовании Э.Б. Овалова «Сюжетно-стилевые традиции в эпосе “Джангар”» [2008] проведено сравнительно-типологическое исследование проблем эволюции образной системы, мотивов, сюжетов и поэтики эпоса «Джангар», его версий и ряда героических произведений монгольских народов. Сравнительно-типологический анализ показал, что героический эпос монголов, бурят, ойратов и калмыков имеет сходство на многих уровнях эпического повествования. Проанализированы также вопросы генеалогической циклизации эпоса, рассмотрены хромотипы, временные указания и частотности во всех национальных версиях «Джангара».

В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Фольклор – эпос – литература: типология взаимосвязи в контексте диалога “Восток – Запад”» [Басангова, Бурькин, Пюрвеева, 2007], посвященная проблемам фольклора и литературы монголоязычных народов.

В 2009 г. издана монография Т.Г. Басанговой «Детский фольклор калмыков» [2009]. Книга представляет собой исследование детского фольклора калмыков. К данному разряду автором отнесены сюжеты сказок с дидактической и этиологической функциями, пословицы, поговорки, за-

гадки, считалки, скороговорки, колыбельные песни. Ценность книги заключается как в фольклористическом, так и в лингвистическом плане. Т.Г. Басанговой удалось решить ряд проблем, касающихся изучения малых жанров калмыцкого фольклора, таких, как, запись, классификация и публикация источников.

Малоисследованной проблеме в калмыцкой фольклористике – сюжетному составу и традиционным формулам калмыцкой волшебной сказки – посвящено монографическое исследование Б.Б. Горяевой «Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система» [2011]. Публикация представляет собой опыт аналитического исследования всего сюжетного фонда калмыцкой волшебной сказки и основывается на самостоятельной систематизации и аналитической проработке имеющегося текстового материала, включающего большое число записей из архивного фонда КИГИ РАН, а также на полевых материалах автора. Привлечен широкий сравнительный материал славянских и других народов. Монография существенно конкретизирует и дополняет представления о калмыцкой волшебной сказке как особой категории повествований, где также анализируются контаминированные сюжеты и сюжеты сказок, не нашедшие соответствия в «Сравнительном указателе сюжетов».

В работе И.С. Надбитовой «Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок» [2011] исследованы вопросы поэтики калмыцких волшебных сказок: в сравнительно-типологическом аспекте проведен анализ сюжетного репертуара сказок, выявлены основные образы, рассмотрены особенности формульной стереотипии. В книге впервые к калмыцким текстам сборника «Седклин кюр» («Душевный разговор») применена структурно-семантическая классификация Б.П. Кербелите. В приложении дана экспериментальная версия указателя сюжетов. Исследуя сюжеты, образы и традиционные формулы в сравнении со сказочными традициями родственных народов и неродственных, но близких географически, а также далеких, с которыми калмыки не входили, ни в какие контакты, автор показала этнические особенности волшебного эпоса калмыков.

Проблемы типологического изучения калмыцкого фольклора, проявляющиеся во взаимосвязях отдельных жанров фольклора калмыков с устными традициями других народов, а также в

связях отдельных жанров внутри устной традиции калмыков, рассмотрены в монографии А.А. Бурыкина и Т.Г. Басанговой. «Типология калмыцкого фольклора» [2014].

Особенности традиционной культуры и быта калмыков и ойратов отражены в фундаментальном труде Б.Х. Тодаевой «Пословицы, поговорки и загадки ойратов Китая (Синьцзяна) и калмыков России» [Пословицы..., 2007]. Основной целью данного издания является введение в научный оборот уникальных экспедиционных и архивных материалов, собранных Б.Х. Тодаевой в 1954–1957 гг. во время лингвистических экспедиций по изучению языков и наречий всех монголоязычных народностей, представленных на территории Китая. Лучшие образцы пословиц, поговорок и загадок представляют собой сохранившуюся во времени и пространстве фольклорную память народа, передают особенности традиционной культуры ойратов Китая и калмыков России. Кроме экспедиционного материала, в работе использованы сборники пословиц и поговорок, загадок, различные словари, произведения художественной литературы, опубликованные как в России, так и в Китае. Ойратские варианты были транслитерированы на современную калмыцкую письменность и переведены на русский язык Б.Х. Тодаевой. Работа ценна тем, что переведенные на русский язык паремии позволяют исследователям и всем, кто интересуется национальной культурой, процессом ее развития, глубже изучить богатейшее устное народное творчество монголоязычных народов.

В настоящее время фольклористами института ведется активная работа по претворению научной программы, направленной на сохранение и популяризацию фольклорного и эпического наследия калмыков. В 2008 г. Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванная ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Серия открылась сказками талантливого сказителя Санджи Бутаева, записи которых были сделаны в 1970-х гг. прошлого столетия учеными КНИИЯЛИ (ныне – КИГИ РАН), «Буутан Санжин туульс» («Сказки Санджи Бутаева») [2008]. Тексты сказок данного издания, подготовленного Б.Х. Борлыковой, сопровождаются вступительной статьей, научным аппаратом, примечаниями, в приложении имеются указатели

имен персонажей, топонимов и сказочных сюжетов; словарь. Во вторую книгу серии – «Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня» («Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев») [2010] – вошли сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, песни хошутув, некоторые приметы и поверья калмыцкого народа, а также устные рассказы, записанные от современного сказителя Шани Васильевича Боктаева. Третья книга – «Хальмг улсин йөрэлмүд» («Калмыцкие народные благопожелания») [2010], представляет собой уникальное собрание калмыцких благопожеланий. В нее вошли тексты более 400 йорялов на языке оригинала, записанных от 85 информантов – знатоков калмыцкого фольклора сотрудником КИГИ РАН Эрдни-Горяевым Манджи Эрдни-Горяевичем в конце XX в. в различных районах Республики Калмыкия. Генеалогические схемы, отражающие родословную икицохуровских хошутув и составленные по материалам, собранным известным сказителем Шани Васильевичем Боктаевым, вошли в следующую книгу серии «Генеалогия икицохуровских хошутув» [2011]. В этой же серии в 2011 г. издана книга «Т.С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс» («Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой») [2011], которая содержит тексты сказочной и несказочной прозы, калмыцких народных и авторских песен, пословиц, поговорок, загадок и других образцов жанров калмыцкого фольклора, а также некоторые этнографические материалы в самозаписи знатока фольклорной традиции и исполнительницы протяжных песен Т.С. Тягиновой. В 2014 г. вышла в свет очередная книга серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков») – «Герлтсн сувсн (Б.М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрнэгс) (“Сияющая жемчужина”)» (фольклорные материалы, собранные Б.М. Санджиевой), в которой, наряду с другими жанрами фольклора, представлены калмыцкие богатырские сказки. Материалы, записанные учителем калмыцкого языка Б.М. Санджиевой от информантов из разных районов Калмыкии, были подготовлены к изданию И.М. Болдыревой. Образцы калмыцких сказок были зафиксированы в 1972–1974 гг. прошлого столетия и представляют собой варианты известных сюжетов о богатырях Хара Кюкюл, Эрян Сян Эдг и др. [Герлтсн сувсн..., 2014].

В 2011 г. было опубликовано совместное издание КИГИ РАН и Венгерской академии наук института – «Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-

19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's» («Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны»). [Kalmyk Folklore..., 2011].

В целях сохранения записей устной традиции калмыцкого народа конца XX в. и фиксации современного фольклорного материала в институте в 2009 г. была создана Лингвофольклорная лаборатория КИГИ РАН на базе отдела фольклора и джангароведения. В рамках программы Президиума РАН в 2008–2009 гг. решалась задача создания научного архива современного уровня с целью сохранения уникального фонда звуковых записей по фольклору калмыцкого народа. Одной из задач лаборатории является оцифровка магнитофонных записей, выполненных сотрудниками института во время научных экспедиций в 1960–1980-х гг. (свыше 200 катушечных кассет). На основании полученных в цифровом формате файлов создана коллекция презентационных фрагментов, которые в дальнейшем составят корпус примеров бытования различных фольклорных жанров и войдут в цифровые образовательные продукты, разрабатываемые на основе создаваемых баз данных.

В результате оцифровки материалов, перевода их на электронные носители становится возможным применение новых информационных технологий в фундаментальных и прикладных научных исследованиях.

Литература

Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной Боктаев Шаня) / сост., вступит. статья, коммент., приложение Б.Б. Манджиевой. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – 172 с.

Басангова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 592 с.

Басангова Т.Г. Детский фольклор калмыков. – Элиста: КИГИ РАН, 2009. – 72 с.

Басангова Т.Г., Бурькин А.А., Пюрвеева Н.Б. Фольклор – эпос – литература: типология взаимосвязи в контексте диалога «Восток – Запад». – Элиста: Изд-во Калм. ГУ, 2007. – 120 с.

Бурькин А.А., Басангова Т.Г. Типология калмыцкого фольклора. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 212 с.

Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – 308 с.

Генеалогия икицохуровских хошутов (по материалам, собранным Ш.В. Боктаевым) / сост. Б.Б. Манджиева. – Элиста: КИГИ РАН, 2011. – 326 с.

Герлтсн сувсн (Б.М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрңгэс). «Сияющая жемчужина» (Фольклорные материалы, собранные Б.М. Санджиевой); собир. Б.М. Санджиева, записи 1972–1974 гг. / вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов и прилож. И.М. Болдыревой. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). – 230 с. – На калм. яз.

Горяева Б.Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. – Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 2011. – 128 с.

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's (Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны) / подгот. к изд.

А. Бирталан в сотр. с д.ф.н., в.н.с. Т.Г. Басанговой (Борджановой). – Будапешт, 2011. – 380 с.

Надбитова И.С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок / отв. ред. В.Л. Кляус. – Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2011. – 260 с.

Овалов Э.Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. – 302 с.

Пословицы, поговорки и загадки ойратов Китая (Синьцзяна) и калмыков России / сост. и пер. Б.Х. Тодаевой. – Элиста: АПП «Джангар», 2007. – 839 с.

Т.С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс (Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой) / сост., прил. к.ф.н. Б.Б. Горяевой. – Элиста: КИГИ РАН, 2011. – 208 с.

Хальмг улсин йөрэлмүд (Калмыцкие народные благопожелания (йорялы) / сост., вступит. статья М.Э.-Г. Эрдни-Горяева; подгот. текстов и прилож. Э.Б. Овалова. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – 160 с.

B.B. Mandzhieva

Kalmyk folk heritage: preservation, studying, promotion at the present stage

The article is devoted to a problem of preservation, studying and promotion of folk heritage of the Kalmyks. In this study the employees of the Kalmyk Institute for Humanitarian Researches RAS is developed “the set of Kalmyk folklore” – one of its fundamental projects, the implementation of which is actively carried out in recent years.

Keywords: Kalmyk folklore, epic “Dzhangar”, tradition, preservation, studying, promotion, Fund, archive materials.

УДК: 39(=512.212)

A.H. Varlamov

Географические представления эвенков в эпосе

В публикации рассматриваются географические представления эвенков, отраженные в эпическом жанре. Автор предполагает взаимосвязь мировоззренческих представлений эвенков с их этнической историей.

Ключевые слова: эвенкийский эпос, история эвенков, историзм эпоса, мировоззрение в фольклоре.

Эпос как жанр фольклора, как культурный феномен являет собой художественное изложение важнейших исторических этапов развития этноса. В эвенкийском эпосе в особенной поэтической форме в соответствии с жанровой спецификой отражены и древняя эпоха сотворения мира, и ранние ступени развития человеческого общества, и исторические периоды, на протяжении которых формировались древние тунгусы и, впоследствии, эвенки. Исторический анализ фольклорных текстов через призму междисциплинарного подхода позволяет обнаружить различные параллели с результатами смежных научных дисциплин – линг-

вистики, археологии, истории, генетики и др. [Варламов 2011]. Не менее эффективным в указанном исследовательском направлении видится географический анализ эпических текстов. Данный тезис актуален ввиду органической взаимосвязи географической систематики – ландшафта и этнокультуры, на что указывал Л.Н. Гумилев: «Народ, приспособившийся к данному ландшафту, связан с ним своим хозяйством, добыванием средств к повседневной жизни и даже своей исторической судьбой» [Гумилев, 1998, с. 347].

В эпосе эвенков география представлена, в первую очередь, глобальными характеристика-

© А.Н. Варламов, 2015

ми, связанными с этническим мировоззрением. Для ясности кратко охарактеризуем пространственное восприятие мира в традиционном мировоззрении и эпосе эвенков. В традиционном (шаманском) мировоззрении эвенков структура мироздания троична: Средний мир «Дулин Буга» («Дулин Сивир-дуннэ»), земля, где живут люди, соотносится с горной тайгой, Верхний мир «Угу Буга», где живут божества и духи, – с Небом, Нижний мир «Хэргу буга», загробный мир, – пространство под земной поверхностью. В эпической традиции строение мира практически идентично шаманскому мировоззрению, за исключением введенных в процессе развития жанра географических знаний, в результате чего в эпосе Верхний мир располагается на востоке, Нижний – на западе от мест рождения эпического героя.

Наибольшее значение в мировоззрении и эпической традиции эвенков имеет восток, который соотносится с восходящим солнцем, Верхним миром, землей, где живут божества и народы, с которыми эпические герои связываются узами взаимобращения. Практически в каждом эвенкийском сказании отчетливо обозначается восточное направление путешествий главного героя, его детей и потомков. Приведем типологический отрывок завязки сюжета, основанной на мотиве путешествия эпического героя:

«Рассердившись, парень бросил чайник на малу, привязал лук и обратился к чуму-утэн:

– По моей земле никто не ходил, кто это осмелился прийти? Какая птица прилетела? Пойду-ка я туда, куда глаза глядят (букв.: куда передняя сторона направлена). Если мне будет удача, то вернусь через три года. Оставайся, будь здоров! Сказав, Умусликон побежал в сторону восхода солнца» [ИФЭ, с. 90, 243].

Восток в эпосе и мировоззрении эвенков соотносится с Верхним миром, где существуют верховные божества и важнейшие духовные образы. Так, в эпосе эвенков солнце соотносится с образом старика Гевана – предводителя племен верхнего мира, дочери которого становятся невестами эвенкийских богатырей:

«Иркисмондя Средней земли заговорил так громко,

Что голос его прогремел по земле

И прокатился по небу:

– Дынгдони-дынгдони, дэлэгой!

Дочери Геван-старика,

Откройте дверь, примите привет!

Меня не бойтесь, думая:

«Откуда родом-племенем мата,

Который придя, заговорил?» [ТГСЭ, с. 125].

Г.М. Василевич, анализируя тексты эвенкийских сказаний, дала подробную картину расположения земель, по которым проходит путь героев эпоса: «В сказаниях упоминаются три земли Сивир. Средняя Сивир-земля граничит с Кеян-землей; через Кеян-землю попадают в Кидан-землю. В горной тайге средней Сивир-земли живут охотники-уранкаи. К югу от Сивир-земли находится теплая местность, где «деревья не желтеют и вода не замерзает», это места зимовок птиц» [ИФЭ, с. 338].

В некоторых сказаниях далекая восточная страна, расположенная в Верхнем мире, имеет название «Юри Юлтэн»:

Семь ущелий *Ирай* одолеешь если,

Тогда солнца земли достигнешь.

На земле Солнца *урангкаев*, родившихся там,
Великое множество живет.

В земле Солнца, земле Юри Юлтэн,

Правителя их имя – *Сэялбунэр*.

Я всех *Дулин буга* племена обошел» [СВЭ, с. 166, 190].

В предыдущих исследованиях мы обозначали причину присутствия в эпосе эвенков устойчивого мотива путешествия эпического героя эвенков на восток, указывая на прямую взаимосвязь с ранней историей древних тунгусов, расселявшихся от исторической прародины (Прибайкалья) к среднему и нижнему течению Амура, а также побережью Охотского моря, где происходил многоступенчатый этногенез большинства тунгусо-маньчжурских народов, начиная с эпохи неолита [Варламов 2009 и др.].

Запад в эпической традиции эвенков связывается с заходом солнца, потусторонним миром и территорией враждебных племен-авахи. Нижний мир в сказаниях эвенков расположен в западной стороне, там, где заходит солнце. Западное направление в мотиве путешествия эпического героя выражено слабо и встречается крайне редко. Например, в сказании о Нивонинде эвенкийский богатырь начинает свои странствия со сражения с богатырем Нижнего мира, который живет в западной стороне: «Отправился на бой. Распровавшись со своим местом, пошел пешком: у него ни оленя, ни скотины никакой не было. Пешком пошел к богатырю нижнего мира. Отойдя от чума, пошел в сторону захода солнца» [ИФЭ, с. 62, 218].

Север и юг в эпосе эвенков упоминаются в гораздо меньшей степени. Эти стороны света не подкреплены устойчивым эпическим мотивом и упоминаются лишь в редких случаях в той или иной взаимосвязи с сюжетом сказания. Чаще упоминается южное направление, как символ контактов с южными племенами (предположительно монгольскими). Приведем краткое содержание эпизода из варианта сказания о Секак, записанного от хабаровских эвенков:

«Летит* она в сторону восхода солнца. В пути услышала звуки. Прислушалась к звукам. То, что она услышала, была речь:

Дэнг-дэлэ, дэлэ!

Дэнг-дэлэ, дэлэ!

Чьей земли, каких мест

Ты, девица-красавица?...

...Девушка взглянула – с полуденной (т.е. южной) стороны железный ястреб-птица, говоря подлетает» [ИФЭ, с. 199–200].

По сюжету в образе железного ястреба девушке встречается богатырь Дюпкулкон-Дюпкулдин, сын старика рода Оха и Утакан-старушки. На наш взгляд, эпический образ Дюпкулдина является символическим примером, демонстрирующим этнокультурные контакты тунгусов с монгольскими племенами, что подтверждается предположениями Г.М. Василевич в приведенных примечаниях к эпическому тексту (монгольское происхождение названия рода и суффикса имени – дин; тотем в виде ястреба, не свойственный тунгусам) [ИФЭ, с. 344].

Для эпоса эвенков характерно специфическое свойство совмещения «условного обозначения фантомы пространства, присущего архаичным эпосам» и достоверного, «поддающегося измерению географическими координатами и присущего историзованному эпосу» [Кудияров, 1991, с. 39]. В эпосе эвенков упоминаются и конкретные географические названия, обнаруживающие отчетливые параллели с данными географических карт современности.

В некоторых эвенкийских эпических текстах присутствуют географические названия, соответствующие месту рождения эпического героя. Так, в сказании о Нивониндэ местом проживания эпического героя является р. Онон:

«Угэттэн думайдатми. Мэнми д`алдуви: «Олус сонинг бихим. Миннгэчин со бэйэ ачин», – гунчэттэн. «Йэгинд`э билкэн Онон-дуннэ оргодун миннгэчин бэйэ ачин», – гунчэттэн».

– «Устал думать об этом. Сам про себя думал: «Большой я богатырь. Такого, как я, нет. В местечке Егинде, на земле Онон, нет такого человека, как я», – думал он» [ИФЭ, с. 62, 218].

В эпосе эвенков довольно часто упоминается гидроним «Аньюй»:

«Какой земли народ хочешь посмотреть?

Я знаю уранкаев

Всех трех земель,

Как свои пять пальцев.

Где проходит

Аньюй-река, знаю, все знаю» [ИФЭ, с. 204].

«Аньюй» в переводе с эвенкийского «дорога» – эти названия носят притоки Шилки, Аргуни, а также приток Амура в нижнем течении, куда он был вынесен тунгусами из Прибайкалья-Забайкалья [ИФЭ, с. 344].

Оба приведенных примера возвращают нас к вопросу восточных миграций тунгусов. При взгляде на карту Забайкалья и смежных территорий, можно обнаружить весьма интересную особенность – упоминаемая в тексте р. Онон, соединяясь с р. Ингодой, образует р. Шилку, которая ниже по течению соединяется с р. Аргунью, в результате чего образуется Амур. Водоразделы перечисленных рек с географической точки зрения являются наилучшим направлением для перемещений древних племен Прибайкалья-Забайкалья по пути на Восток.

Подобных примеров в эвенкийском эпосе можно привести достаточно много. Каждый из них способен в той или иной мере подкрепить сведения других смежных научных дисциплин для решения актуальной проблемы истории и этногенеза тунгусо-маньчжурских народов.

Список сокращений

ИФЭ – Исторический фольклор эвенков

СВЭ – Сказания восточных эвенков

ТГСЭ – Типы героических сказаний эвенков

Литература

Варламов А.Н. Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 110. – С. 142–149.

Варламов А.Н. Эпическая история бесписьменных народов: по материалам фольклора эвенков // Вестник Поморского ун-та. – 2009. – № 8. – С. 63–72.

* Героиня, чтобы достичь Верхнего мира, принимает облик белого журавля.

Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: дис. д-ра филол. наук. – Якутск, 2011. – 430 с.

Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: Ин-т ДИ ДИК, 1998. – 496 с.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.

Кудияров А.В. Хронотоп и художественное пространство народного эпоса // Фольклорное наследие

народов Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. – Якутск, 1991. – С. 23–66.

Сказания восточных эвенков / сост. Г.И. Варламова, А.Н. Варламов. – Якутск, 2004. – 235 с.

Типы героических сказаний эвенков / сост. Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 228 с.

A.N. Varlamov

Geographical representations in the Evenks' epos

In this article the geographical representations of Evenks reflected in an epic genre are considered. The author suggests relationship of philosophical ideas with their Evenk ethnic history.

Keywords: the Evenks epos, history of Evenks, historicism of the epos, world folklore.

УДК 781.7 (=512.157)

А.Д. Татарина

Многоголосие в якутском круговом танце *осуохай* (на материале образцов из Сунтарского улуса)

В статье поднимаются вопросы изучения и анализа фактуры хоровой вторы якутского кругового танца *осуохай*. Рассматриваются ранее опубликованные статьи, анализируются два образца сунтарского танца, выделяются два типа фактуры, связанные с локальными традициями *осуохай*.

Ключевые слова: якутский круговой танец, *осуохай*, многоголосие, фактура, локальные традиции, сунтарский *осуохай*.

Фактура при ансамблевом пении – один из менее изученных вопросов фольклора якутов. Для исследования этого феномена необходимы большое количество образцов разных жанров и локальных традиций, специальные многоканальные аудиозаписи, беседы с носителями фольклора.

Первые упоминания о природе якутского ансамблевого пения встречаются в этнографическом исследовании В.Л. Серошевского «Якуты», опубликованном в 1896 г. Сделанное им описание хорового пения во время шаманского камлания является очень ценной информацией: «Настоящее хоровое пение я слышал всего один раз. Это было в Колымском округе во время одного торжественного шаманства. Зрелище вышло довольно необычное. Обряд совершался в глубоком мраке. Шаман вдруг резко оборвал игру на бубне и приник без движения к земле. После минутной

паузы послышались удары огнива о камень, сноп красных искр осветил мимолетным светом внутренность юрты, и одновременно в глубине зазвучал хор мужских голосов. Затем опять непродолжительная игра на бубне, опять – пауза, удары стали о камень, фантастический свет быстро тухнувших искр и в ответ дружный, мелодичный хор женских голосов. Пели в унисон» [Серошевский, 1993, с. 572]. В этом же труде Серошевский далее описывает, вероятно, бытовое пение: «Хором якуты поют чрезвычайно редко, да и то хор поет обыкновенно припев. Так поются хороводные песни, которые поет, собственно, стоящий в середине круга, а танцующие только подпевают» [Там же, с. 571–572].

Однако еще во время ссылки в Якутию (1825–1829) А.А. Бестужев-Марлинский написал небольшую статью «Сибирские нравы. Исых». В заключении он пишет: «...скоро шум ключей

Кангаласского камня утешил мой слух, утомленный нескладным пением Исыха» [Марлинский, 1914, с. 379]. Э.Е. Алексеев в своей статье «Есть ли у якутов многоголосие?» останавливается на словосочетании «нескладное пение» и объясняет описание Бестужевым-Марлинским якутского многоголосия непривычной для человека с европейским музыкальным мышлением фактурой [Алексеев, 1967].

Первым музыковедом, поднявшим вопрос о наличии многоголосия в *осуохай*, стал Г.А. Григорян. Исследователь, у которого был большой багаж полевых экспедиций, в 1957 г. осторожно заметил, что в олекминском *осуохай* «изредка встречаются элементы многоголосия» [Григорян, 1957, с. 340]. Но свое замечание он не развил, оставив этот вопрос открытым.

В 1967 г. в журнале «Советская музыка» была опубликована содержательная работа Э.Е. Алексеева «Есть ли у якутов многоголосие?». В данной статье исследователь феномен многоголосия рассматривал на материале таких жанров, как хороводный танец *осуохай*, скороговорка *чабыргах*, парные диалогичные песни «*туой-суу ырыата*» и отдельные песни в стиле *дэгэрэн* [Алексеев, 1967]. Одними из главных и ценных результатов этой статьи являются публикация и анализ экспериментальной записи якутского кругового танца. *Осуохай* был зафиксирован от четырех исполнителей (запевала – мужчина, вторящие – две женщины и мужчина). Данная запись *осуохай* была выполнена отдельно, после общего хоровода, в котором участвовало свыше 200 человек. Она стала первым опытом многоканальной фиксации якутского фольклора. В результате изучения материала Э.Е. Алексеев приходит к выводу, что в якутском хороводном танце встречается «первичное» многоголосие, которое можно также назвать «разноголосием». Автор считает, что «для того, чтобы стать подлинным многоголосием, “разноголосие” должно быть внутренне организовано, упорядочено. Иными словами, разноголосие из явления стихийного, случайного должно стать категорией эстетической, способной нести выразительную функцию. А это означает, что подлинное многоголосие должно обязательно осознаваться прежде всего самими участниками совместного пения (разумеется, не обязательно в категориях и понятиях профессиональной музыки)» [Там же, с. 105].

Следующая попытка записи многоголосной фактуры в якутском *осуохай* была предпринята в 1986 г. участниками комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии (сектор фольклора народов Сибири), Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, фольклорной комиссии Союза композиторов СССР и Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки. На якутских материалах этой экспедиции была написана статья Т.И. Игнатъевой и В.С. Никифоровой [Игнатъева]. Авторы рассматривали записи якутского хороводного танца *осуохай*, выполненные в Вилюйском, Верхневилуйском, Ленинском и Сунтарском улусах Якутской АССР. Проанализировав один конкретный образец, они пришли к выводу, что «фактуру [*осуохай*. – А.Т.] можно определить как клястерную, а набор звуковысотных соотношений в образующейся вертикали как принципиально диссонантный. Вертикаль хороводного припева находится в русле закономерности “развивающего лада”, как бы синтезируя в одновременном сочетании несколько этапов развития лада» [Там же, с. 10].

В 2003 г. в 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в томе «Обрядовая поэзия саха» опубликована статья Ю.И. Шейкина «Обрядовое интонирование саха: *алгыс* и *осуохай*». Исследователь, основываясь на статье Т.И. Игнатъевой и В.С. Никифоровой, в развитие их идей высказывает мнение о том, что *осуохай* опирается на «разнотональные, разнорядные и даже разнотональные мелодии» [Шейкин, 2003, с. 107]. По мнению автора, можно смоделировать партию вторящих, соединив разные записи хороводного танца *осуохай*. Таким образом, партия вторящих представляет собой свод двух родственных форм, отражающих динамику интонирования *осуохай* – комбинаторной и эволюционирующей мелодии [Там же].

В 2013 г. автором настоящей работы была написана статья «Многоголосие в якутском *осуохайе*» на примере танца с приставкой «Дьэ Буо!» [Татарина, 2013, с. 229–238], где автор приходит к выводу, что в современных круговых танцах с «Дьэ Буо!» встречается своеобразное ленточное многоголосие – параллельное (почти параллельное) движение голосов на разных высотах [Там же, с. 235]:

Рисунок 1

Исходя из обзора литературы можно предположить, что фактура в якутском хороводе имеет разные типы, такие, как разноголосие, клястерное многоголосие, комбинаторное и ленточное многоголосие. Если рассмотреть проанализированные материалы, можно предположить, что эти типы связаны еще и с локальными традициями: например, такие типы, как разноголосие и клястерное многоголосие, были обнаружены в *осуохай* вилюйской локальной группы, а ленточное многоголосие – в образцах улусов бывшей Ботурусской волости. Для проверки данной гипотезы в предлагаемой статье внимание будет уделено образцам из Сунтарского улуса, записанным от

разных исполнителей. Для рассмотрения соотношения партий запевалы и вторящих отобран хоровод 2013 г., зафиксированный от Александра Васильевич Саввинова, уроженца с. Кюндя Сунтарского улуса, который в 2012 г. солировал в рекордном по количеству участников *осуохай*.

В строках с рефренными словами вступительного раздела вторящие повторяют за запевалой более монолитно, все поют почти в унисон: в первой полустроке единственное созвучие возникает на восьмой длительности третьего слога, а во второй полустроке наблюдаются гетерофонные варианты с изменением отдельных ритмических и звуковысотных параметров запева:

Рисунок 2

В строках с вербальным текстом синхронное пение получается не всегда хорошо, особенно в первых полустроках, где наблюдаются расхождения не только в звуковысотности, но и в ритмической и слоговой организации. Но во второй полустроке синхронизация голосов достигается, последний слог все вторящие поют вместе.

Соотношение партий запевалы и вторящих координируется не только каденциями, но также началь-

ными фрагментами: многие вторящие подхватывают последний звук запевалы, поют вместе с ним, только после этого повторяют строку. Запевала также начинает петь вместе со вторящими, но он, как правило, не подхватывает последний слог строки, а, вклиниваясь, начинает новую строку, нарушая более размеренный темпоритм хоровой вторы. Так возникает непрерывное пение, преодолевается цезура между партиями запевалы и вторящих:

Рисунок 3

В разделе *хаамы үнкүү* (танец шагом) запевала предлагает другой напев, который постоянно варьируется от строки к строке, при этом на-

чальные звуки полустрок и каденционный распев остаются неизменными (за исключением первой строки):

1 строка
Э - һизэ - кэй - диир э - һизэ - кэ [һэ]й

2 строка
О - һуо - кай - дыыр о - һуо - кай

8 строка
А - ча күө - бэ си - мэ - нэн

Рисунок 4

В круговом танце А.В. Саввинова в фактуре большую роль играют голоса его помощников-*кынат*, а именно: известных запевал А.А. Скрыбина и В.В. Алексеева. Эти вторящие не зря оказались рядом с запевалой Саввиным. В.В. Алексеев является представителем вилюйской традиции (из Нюрбинского улуса, с. Аранастаах), а А.А. Скрыбин – «персональным» *кынат* запевалы, что подтверждается тем фактом, что во время установления рекорда Гиннеса он стоял рядом с А. В. Саввиновым [Жители Якутии ... <http://ria.ru/culture/20120623/680081956.html>].

Кынат А.А. Скрыбин в большинстве случаев точно повторяет за запевалой напев с незначительными вариантами. Эти вариантные изменения вызваны тем, что, как было отмечено ранее, запевала сам довольно часто варьирует мелодию

танца. Второй *кынат* В.В. Алексеев исполняет своего рода «бурдонный» вариант напева с опорой на первый тон звукоряда, в некоторых случаях вторящий во вторую полустроку вводит квартовую интонацию вниз.

Помимо партий *кынат*, в аудиозаписи хорошо слышна мелодическая линия женского голоса, воспроизводящего другой напев вилюйской локальной традиции. В начальных строках раздела *хаамы үнкүү* в партии вторящей слышится типичный для вилюйских улусов ритм каденции ♪♪, но постепенно вторящая переходит к дактилической каденции запева Саввинова, при этом сохраняя мелодическое движение своего напева. Таким образом, в хороводе А.В. Саввинова партия вторящих будет иметь следующий вид:

А. Саввинов
Ал - ла ту - рар кэ - ми - гэр

А. Скрыбин
Ал-ла ту - рар кэ - ми - гэр

В. Алексеев
Ал-ла ту - рар кэ - ми - гэр

Женский голос
Ал-ла ту - рар кэ - ми - гэр

Рисунок 5

В кульминационном разделе *көтүү үнкүү* хоровода А.В. Саввинова меняются мелодия напева и ладовая организация. В партии запевалы встречаются дихорд, звуки которого расположены друг

от друга на м3, и трихорд 1,5-1. В отличие от начального напева раздела *хаамы үнкүү*, здесь опорным становится второй тон звукоряда (как в дихорде, так и в трихорде):

Рисунок 6

В партии вторящих также, как и в предыдущем разделе, самым ярким является голос А.А. Скрябина, который повторяет за запевалой А.В. Саввиновым без особых вариантных изменений. Женский голос примыкает к напеву запевалы, однако в каждой строке повторяет только дихордовый вариант. В данном разделе активно слышится голос

еще одного *кынат* – С.Я. Яковлева, который очень свободно поет в более низкой тесситуре: если Саввинов поет в рамках звукоряда c1-es1-f1, то Яковлев – в g-b-c1. Заметим, что ладовая организация обоих певцов одинаковая – трихорд с основной опорой на средний тон, между трихордами имеется один общий звук на стыке звукорядов (c1):

Рисунок 7

В ходе исследования многоголосного пласта кругового танца была проведена расшифровка многоканальной записи еще одного сунтарского *осуохай*, исполненного Айсеном Федоровым (1992 г.р., Сунтарский улус, с. Кутана). В данном

осуохай в партии вторящих четко различаются женские и мужские голоса. Если все мужские голоса, так или иначе, повторяют мелодию на высоте, задаваемой запевалой, то два верхних женских голоса вторят запеву в более высоком регистре:

Рисунок 8

Как показывает пример, здесь встречаются точное повторение запева (нижний женский голос), варианты напева на основной высоте (мужские голоса), варианты на другой высоте (верхние женские голоса). Степень стабильности высоких и низких голосов различается. Если низкие голоса начинают повторять за запевалой без особых затруднений, то высоким приходится искать свою высоту на протяжении двух-трех строк. Самый высокий голос Дагданчи со второй строки вторит запеву на кварту и квинту выше. Голос вторящей Старковой вторит за запевалой на секунду выше,

создавая диссонансное звучание по отношению к партиям, одновысотно вторящим за запевалой.

Постепенно запевала А. Федоров начинает усиливать экспрессию танца, в том числе путем расширения ладозвукоряда. Для этого он вместо «а» во второй строке вводит звук «fis». Таким образом, происходит своеобразное расширение диапазона напева. Вторящие на основной высоте мобильно реагируют на изменение в мелодии кругового танца и продолжают повторять за запевалой. Высокие голоса вначале пытаются повторить измененную запевалой мелодию, но

затем возвращаются на предыдущую высоту и не меняют свою мелодическую линию. Таким образом, в разных высотных регистрах соединяются два варианта напева, последовательно предложенные самим запевалой: средний женский голос

Старковой на сей раз повторяет на терцию выше, создавая секундовые созвучия с верхним голосом Дагданчи. Голос верхней вторящей Дагданчи опирается на дихордовую структуру, создавая мелодическую линию, приближенную к бурдону:

Рисунок 9

В кульминационном разделе экспериментальной записи также меняется высота запева,

Федоров поднимает напев на б2:

Рисунок 10

Вторящие мужские и низкий женский голоса повторяют за запевалой на новой высоте. А высокие женские голоса в первой строке ищут каждый свою высоту. Верхний голос со второй строки находит свою высоту на ч4, а средний голос – на терцию выше от мелодии запевалы. Так закрепляется секундовое соотношение между верхними голосами.

Таким образом, в этом *осуохай* встречаются партии, которые по своему характеру являются более стабильными и более мобильными. Голоса,

повторяющие на высоте запевалы, представляются более стабильными, точнее реагируют на изменения в партии солиста. А верхние женские голоса в ходе поиска более подходящего варианта к основному напеву всегда претерпевают более значительные вариантные изменения как в мелодической линии, так и на уровне звуковости и ладовой организации.

Если соединить звуки всех голосов первого раздела *хаамы уңкуу* экспериментальной образца, получится следующий звукоряд:

Рисунок 11

Данный обобщенный звукоряд включает три звена-триорда. Заметим, что все триорды по своей структуре одинаковы: диапазон – б3, расстояние между звуками 1 тон. Триорды нижних и среднего голосов, имеющих два общих тона, образуют целотоновый звукоряд с диапазоном в пределах ув4. Звукорядное звено верхнего голоса отстоит от целотоновой структуры на м2. Возможно, каждый голос повторяет запев на своей определенной высоте, но при этом, не нарушая ладовую структуру мелодии,

предложенной запевалой. Подобное тождество звукорядов разных голосов ранее было отмечено при анализе *осуохай* А. Саввинова.

Анализ двух сунтарских хороводов, записанных в разных условиях (традиционное исполнение и экспериментальная запись), показывает, что многоголосный склад сунтарского *осуохай* является образцом вариантной гетерофонии, где каждый из участников предлагает свою модификацию мелодии. Также гетерофонный склад про-

является в повторении запева вторящими на другой высоте. Этот тип гетерофонного склада связан с различием естественных певческих регистров голосов исполнителей, что часто встречается в народном многоголосии.

При анализе вилкойского кругового танца Т.И. Игнатъева и В.С. Никифорова предлагают выделить такие функции в фактуре хорового припева, как «педаль», «центр», «вершина». Если воспользоваться данной терминологией, то в проанализированных сунтарских образцах также можно наблюдать характерные функции голосов: голоса, воспроизводящие на одной высоте партию запевалы (центр), нижний или верхний бурдонные голоса (педаль) и верхние голоса (как правило, женские), либо дублирующие мелодию запевалы в определенном интервальном соотношении, либо воспроизводящие другие напевы, бытующие в рамках данной локальной традиции. Таким образом, можно говорить о наличии единой природы хоровой вторы в районах, расположенных вдоль р. Виллой.

В заключение хочется отметить, что в образцах сунтарского *осуохай* наблюдается иной от ботурусских хороводов тип организации многоголосного склада. Если в ботурусских образцах наблюдается превалирование параллельного звучания разновысотных вариантов основного напева

(летночная фактура), то в сунтарских образцах – вариантная гетерофония, состоящая из мелодических вариантов запева на разных высотах.

Литература

Алексеев Э.Е. Есть ли у якутов многоголосие? // Сов. музыка. – 1967. – № 5. – С. 97–105.

Григорян Г.А. Якутская АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. – М.: Музгиз, 1957. – С. 331–348.

Жители Якутии установили рекорд Гиннеса, выйдя на массовый хоровод [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/culture/20120623/680081956.html> (дата обращения: 25.09.2015).

Игнатъева Т.И., Никифорова В.С. Особенности традиционной фактуры в якутском *осуохай* // Архив автора статьи. – 10 л.

Марлинский А.А. Сибирские нравы. Исых // Собрание сочинений А. А. Марлинского. Повести, рассказы и романы. – Пг.: Копейка, 1914. – С. 378–379.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

Татарина А.Д. Многоголосие в якутском *осуохай* // Музыка. Исполнительство. Образование. – Вып. 4. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2013. – С. 229–239.

Шейкин Ю.И. Обрядовое интонирование саха (алгыс и *осуохай*) // Обрядовая поэзия якутов. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 58–114 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

A.D. Tatarinova

Polyphony in the Yakut round dance *osuokhay* on a material samples Suntar district

The article raises the questions of the study and analysis of choral texture of Yakut circular dance *osuokhay*. We consider previously published articles and analyze of two samples of Suntar dance. We highlight two types of traditional polyphony, which are connected with local traditions *osuokhay*.

Keywords: Yakut round dance, *osuokhay*, traditional polyphony, choral texture, local traditions, Suntar *osuokhay*.

ПАМЯТЬ

Н.И. Бурнашева

С.И. Ковлеков о трудовом энтузиазме и новаторских инициативах трудящихся Советской Якутии (к 85-летию со дня рождения С.И. Ковлекова)

В 1930-е гг. в СССР утвердилась административная система управления, под власть которой попала и экономика. Директивное плановое распределение ресурсов и продукции постепенно вытеснило из нее рыночные отношения.

Экономический курс на построение социалистического общества включал в себя задачи осуществления социалистической индустриализации и преобразования мелкотоварных крестьянских хозяйств в крупные общественные комплексы. Решение задач социалистического строительства в промышленности и в сельском хозяйстве различалось. Так, в сельском хозяйстве использовались в основном внеэкономические методы, включающие прямые изъятия, конфискации, насильственные хлебозаготовки и уничтожение кулачества. В отличие от сельского хозяйства, одной из главных задач индустриализации являлась работа с кадрами, призванная мобилизовать трудящихся на повышение производительности труда. Она включала в себя борьбу за освоение новой техники и подъем культурно-технического уровня рабочего класса. Ключевым звеном успешного решения задач индустриализации являлись организация соревновательных практик и трудового соперничества народа, использование уникальной созидательной энергии, заложенной в социалистическом соревновании и стахановском движении.

Якутский ученый-историк С.И. Ковлеков [1988; 1989] посвятил вопросам организации со-

циалистического соревнования в Якутии две монографии, выделив в истории данного явления два больших периода: 1935–1958 гг. и 1959–1988 гг. В них раскрываются этапы зарождения и развития стахановского движения в Якутии, как достойного продолжения всесоюзного процесса.

На основе изучения огромного массива документальных материалов, периодической печати и опубликованной литературы С.И. Ковлеков показал панораму трудового подвига тысяч новаторов производства, коренным образом изменивших отношение людей к труду и народной ответственности, укрепивших творческое, хозяйское отношение каждого человека к порученному делу. Примечательно, что первостепенное значение в социалистическом соревновании всегда уделялось формированию высоких нравственных качеств трудящихся, утверждению в отношениях людей таких жизненных норм, как товарищество и взаимопомощь, благожелательность и бескорыстный обмен опытом.

Значительное внимание в своих работах автор уделил вопросам организации стахановского движения, анализу его различных форм, а также динамике развития и масштабам распространения движения. За годы своего существования стахановское движение прошло несколько организационных этапов: постепенный переход от рекордов отдельных стахановцев к коллективным успехам; рост количества форм соревнования и стремление к слиянию в единую комплекс-

© Н.И. Бурнашева, 2015

ную форму; расширение границ соревнования за счет новых направлений и сфер распространения, например, учебы, быта, морально-этических норм поведения соревнующихся.

Развитие социалистического соревнования в Якутии имело свои специфические особенности, связанные с территориальными, климатическими характеристиками, а также с исторически сложившимися особенностями. По мнению С.И. Ковлекова, в условиях, где не было еще крупных предприятий обрабатывающей промышленности, где работать приходилось в тяжелейших климатических и бытовых условиях, процесс распространения идей соревнования тормозился большой текучестью кадров, нестабильностью в численности участников соревнования, вызванных сезонным характером работы, слабостью средств связи и транспорта. Тем не менее, несмотря на все трудности, стахановское движение в Якутии постепенно набирало силу.

Стахановцы заслуженно пользовались огромным авторитетом, являясь своеобразными маяками производства, за которыми тянулись люди. Их труд высоко оценивался правительственными наградами и званиями. Пятнадцати якутянам было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди них проходчик Л.Г. Горбунов, забойщик А.Н. Черканов, драгер М.О. Шишлянников, доярка Е.И. Бурцева, охотник Н.С. Колесов, оленевод И.К. Спиридонов, строитель М.А. Федотов, табунщик Р.И. Константинов и другие. Стахановцев отличали совершенное владение секретами профессии, освоение новой техники и технологий, творческий подход к труду, неумное стремление к знаниям, обостренное чувство коллективизма, нравственная чистота, общественная активность и сознательность.

Вторая из названных книг С.И. Ковлекова посвящена вопросам развития движения за коммунистическое отношение к труду, исследованию и обобщению многочисленных починов и начинаний послевоенного времени. В истории Якутии это было время, когда территория республики представляла собой крупную строительную площадку, на которой создавались Южно-Якутский территориально-производственный комплекс, алмазодобывающая промышленность, Депутатский оловодобывающий комбинат и другие объекты. В эти годы в деле активизации трудовой и творческой инициативы масс сыграло свою мобилизирующую роль движение за коммунистиче-

ское отношение к труду, названное высшей формой социалистического соревнования. По мнению С.И. Ковлекова, движение за социалистический труд, обладающее поистине неисчерпаемой созидательной силой, являлось двигателем развития, предоставляло людям примеры трудового героизма, служило стимулом к новым трудовым достижениям и победам.

Индустриализация страны положила начало еще одному замечательному трудовому движению трудящихся СССР – массовому движению изобретателей и рационализаторов. Истории этого движения, получившего распространение в советское время, С.И. Ковлеков посвятил свою книгу под названием «В вечном поиске» [1981]. Исследование охватывает период истории Якутии с середины 1920-х до 1970-х гг.

Суть этого движения являлась, по-своему уникальной, ярко характеризующей принципы активно пропагандировавшегося в СССР социалистического отношения к труду – бескорыстного, новаторского технического творчества. И действительно, известно много примеров творческого энтузиазма людей, когда изобретатель работал не только ради материального вознаграждения. Более престижной наградой считалось получение морального удовлетворения, причем, не только от признания технического решения изобретателя, а, прежде всего, от массового применения его изобретения на производстве. С.И. Ковлеков обобщил документальные данные по многим изобретателям и новаторам производства алданской золотой промышленности, строительных, транспортных предприятий и связистов Якутии, трудившихся годы в первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия. В годы послевоенных пятилеток стал заметно расти экономический эффект от использования предложений новаторов производства. Это являлось неоспоримым свидетельством ускорения научно-технического прогресса, роста культурно-технического уровня трудящихся республики.

Еще одна монография С.И. Ковлекова «Профсоюзы Советской Якутии (1917–1937 гг.)» [1983] по смысловому своему значению логически обобщает исторический опыт управления трудовыми и творческими инициативами трудящихся Якутии. В годы социалистического строительства именно профсоюзные организации взяли на себя ответственность за организацию тру-

довых движений, направленных на социалистическую реконструкцию народного хозяйства республики. Профсоюзы регулировали вопросы организации массового социалистического соревнования, борьбы за выполнение встречного промфинплана, движения новаторов производства. Во многом, благодаря профсоюзам, в 1930-е гг. в Якутии, примерно 70–80% рабочих являлись участниками социалистического соревнования. Вместе с тем, через профсоюзы рабочие осваивали школу управления и планирования производства, заключали коллективные договоры с администрацией, проводили работы в форме шефства над трудовым крестьянством, укрепляя производственную и культурную смычку города с деревней. Профсоюзные организации республики принимали активное участие в совершенствовании системы норм выработки и заработной платы, заботились об улучшении условий и охраны труда, ведали делами социального страхования, защищали интересы трудящихся в трудовых спорах.

Работы С.И. Ковлекова, посвященные трудовым инициативам и творческому энтузиазму трудящихся Якутии, являются крупным вкладом ученого в научное исследование истории республики. Впервые в якутской историографии он обратил внимание на тему зарождения и развития массовых движений трудящихся за повышение производительности труда и улучшение качества выпускаемой продукции, распространения народных инициатив за творческое отношение к труду. На основе архивных документов и литературы

С.И. Ковлеков сделал тщательный анализ деятельности партийных и общественных организаций по организации социалистического соревнования, стахановского движения, различных починов и инициатив трудящихся Якутии на разных этапах советской истории.

Исследования С.И. Ковлекова выделили особенности движений за социалистический труд, связанные со спецификой Якутии, продемонстрировали примеры трудового героизма народа, выявили формы и методы стимулирования трудящихся за высокие производственные показатели. Содержание и стиль написания работ в полной мере отразили самое искреннее и уважительное отношение автора к человеку труда, простому труженику, рабочему. Исследования С.И. Ковлекова буквально пронизаны гордостью за трудовые подвиги якутян, их инициативы и творческое отношение к работе во имя процветания родного края.

Литература

Ковлеков С.И. Социалистическое соревнование в Якутии (1935–1958 гг.). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. – 176 с.

Ковлеков С.И. Социалистическое соревнование в Якутии (1959–1988 гг.). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. – 215 с.

Ковлеков С.И. В вечном поиске. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 112 с.

Ковлеков С.И. Профсоюзы Советской Якутии (1917–1937 гг.). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1983. – 162 с.

В.И. Федоров

Институт в моей жизни

Моя трудовая жизнь связана с Институтом языка, литературы и истории ЯФ СО АН с 1973 г. По окончании аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС меня назначили инструктором отдела науки и учебных заведений Якутского обкома партии, затем в конце 1973 г. заведующим этого отдела. Отдел курировал развитие науки и всех учебных заведений независимо от отраслевой подчиненности, а также здравоохранение и социальную защиту. 70-е гг. и первая половина 80-х гг. прошлого века были годами наивысшего расцвета советской экономики и со-

ответственно – наилучшего благосостояния народа. В принципе население было довольно уровнем жизни, хотя дефицит многих промышленных и продовольственных товаров, особенно товаров длительного пользования – автомашин, телевизоров, а также бытового назначения, нарастал. Особенно остро стоял вопрос нехватки мясо-молочных продуктов, но народ жил с уверенной надеждой на «светлое будущее».

Заработная плата всех слоев общества росла, трудящиеся северных регионов страны пользовались в оплате труда кратными льготами. Науч-

© В.И. Федоров, 2015

ные работники, имеющие научные степени, относились к высокооплачиваемым категориям. Например, старший научный сотрудник со степенью кандидата наук получал 660 рублей (оклад 300, плюс надбавки – 80% и районный коэффициент – 40%), а оклад министров республики составлял 280 рублей, зампреда Совета министров, секретаря обкома – 360 рублей. Эти категории руководителей относились к высшему эшелону власти республики, однако заработная плата находилась на уровне оплаты труда старшего научного сотрудника. Таким образом, научный труд был престижен, а научный сотрудник дорожил своей работой.

Жилищный вопрос всегда решался трудно, но со временем и эта проблема решалась, в 70–80-е гг. шло интенсивное строительство жилья для научных сотрудников Якутского филиала. В связи с созданием новых институтов, особенно технического направления, многие кадры приглашались из центра и Сибири с условием первоочередного обеспечения жильем, иного почти не было. В то же время это тормозило продвижение очередников из местного населения. ИЯЛИ ЯФ СО АН получал свою квоту во всех вновь вводимых домах. Распределение её шло на общих основаниях, поэтому не возникало острой интриги вокруг этого вопроса. Жилье предоставлялось совершенно бесплатно, квартплата была символической.

Самым острым вопросом за все годы существования ИЯЛИ ЯФ СО АН оставалось размещение института. В последние годы советской власти он «сожительствовавал» во вставке Института геологии. Директор института профессор В.Н. Иванов еще в советское время добился включения строительства института в план капитального строительства СО АН, но дело шло очень туго. В 1993 г. нам очень повезло, мы попали в общий дележ средств «Фонда будущих поколений». Первый Президент РС(Я) М.Е. Николаев выделил 3 млрд. рублей на строительство административно-лабораторного корпуса ИЯЛИ, в 1994 г. выделил еще 1,6 млрд. рублей на завершение строительства этого объекта. И в 1995 г. 60-летие института торжественно отметили в новом корпусе, оснащённом современной мебелью и оборудованием, где первый Президент М.Е. Николаев в первые годы проводил важные встречи с иностранными гостями республики. Балаган и якутская ураса для них смотрелись презентабельно.

В истории института с первых же дней его деятельности возникали серьезные трудности морально-политического плана. Был репрессирован его директор, государственный и общественно-политический деятель П.А. Ойунский. Не избежали этой участи и другие научные сотрудники института. Сложности возникали и в послевоенное время, они особенно обострились с публикацией статьи в газете «Правда» и постановления бюро Якутского обкома КПСС «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы» от 6 февраля 1952 г. Эти документы стали средствами борьбы между собой группы лиц, недовольных чем-то, для решения личностных отношений. В институте действовала довольно сильная группа сотрудников, которая длительное время выступала с обвинением в национализме ведущих ученых ЯГУ, также отдельных ответственных работников обкома партии – в потворстве последним. Они рассчитывали на то, что в случае удачи смогут добиться смены руководства обкома партии, что имело бы благоприятные для них последствия. Но эти замыслы не осуществились. Они ярко проявились в результате двух значимых мероприятий: совещания историков Якутии 1974 г. и проведения 100-летия А.Е. Кулаковского в 1977 г. О накале борьбы вокруг этих мероприятий говорит тот факт, что работой совещания историков руководил лично Г.И. Чиряев – первый секретарь Обкома КПСС, а в президиуме заседания, посвященном 100-летию А.Е. Кулаковского, сидел весь состав бюро Обкома КПСС во главе с первым секретарем Г.И. Чиряевым. Таких фактов ни ранее, ни позже не было.

В качестве заведующего отделом науки и учебных заведений Обкома КПСС мне приходилось по долгу службы активно участвовать в подготовке и проведении этих мероприятий.

По достижении пенсионного возраста (60 лет) перешел на научную работу. В качестве заведующего отделом истории и замдиректора института работал до 2002 г., затем по своей инициативе оставил эти должности. С директором института В.Н. Ивановым работали в полном взаимопонимании и согласии.

Институт с 1993 г. пережил и продолжает переживать сложные периоды организационных преобразований. Под флагом суверенизации республики в 1994 г. создали свою Академию наук РС(Я) с включением 5 институтов СО РАН в её

состав и содержанием их за счет бюджета республики. Многим казалось, что под крылом суверенной республики наука приобретет новое дыхание и уверенное развитие, чего, конечно, не случилось. Под давлением бюджетных проблем конца 90-х и начала 2-го тысячелетия республика вынуждена была просить Москву взять обратно институты АН РС(Я) в состав СО РАН с соответствующим финансированием за счет бюджета РАН. Этот переход в состав СО РАН для нашего института прошел относительно спокойно, без заметных потерь в штатах и научном потенциале. Институт вернулся в большую науку.

Не успели адаптироваться к новым требованиям СО РАН, как нагрянула так называемая реорганизация РАН с первоначальным планом её фактической ликвидации. Безусловно, есть, видимо, необходимость что-то реформировать в системе РАН, совершенствовать её деятельность, но не настолько, как этого хотели неолибералы. Третий год продолжается неопределенность в этой системе, чем она будет заниматься и в каком качестве. Собственность и финансирование науки переданы вновь созданному Федеральному агентству науки. Без этих важнейших составляющих как жить и развиваться системе РАН? Место и роль научных институтов и т.п. в этой новой системе также неизвестно. Все это создает нервозность в научных коллективах, выбивает их из наработанной колеи, тем более что оно сопровождается угрозой больших сокращений научных сотрудников. Эта непродуманная затея Правительства РФ встречена научной общественностью, да и не только ею, крайне негативно, особенно претензия Минобрнауки на руководящую роль в процессе реорганизации науки. Говоря об этом, выдающийся государственный и политический деятель, недавно ушедший из жизни, академик Е.М. Примаков в последнем труде «Россия. Надежды и тревоги» (2015) писал, что «функцию формирования государственных заданий по фундаментальным исследованиям нужно возложить на Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию... При государственном финансировании того или иного фундаментального исследования... следовало бы больше опираться на личности ученых и

уже осуществленные ими работы, а не количество цитирований» [Примаков, 2015].

* * *

Перейдя в науку в довольно почтенном возрасте, я втянулся в неё, интенсивно работал, издал 4 монографии, более 80 научных и научно-популярных работ, в 2002 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Якутия в начале XX века: социально-экономическое и общественно-политическое развитие (1900 – февраль 1917 г.)». Далее продолжил и расширил эту тему, дополнив вопросами истории Февральской и Октябрьской революций и историей земского самоуправления в Якутии. В 2013 г. директор института профессор А.Н. Алексеев помог издать объединенную из двух ранее изданных книг одну монографию «Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919)» объемом 35,5 п.л. Эта первая попытка издать единую монографическую работу по очень интересному периоду истории Якутии, которая получила положительную оценку в печати. Имеются еще две завершённые и принятые как научные отчеты работы в рукописях, на публикацию которых со временем, надеюсь.

Вопреки всем этим коллизиям, институт в течение всей восьмидесятилетней истории проделал огромную и полезную для республики работу, воплощенную в научных трудах его сотрудников, показывающих историю развития края, духовную культуру его народов, этногенез народа саха.

Встречая очередной юбилей института, созданного П.А. Ойунским, третий раз, должен сказать, что в институте работаю 23-й год, что составляет более 1/3 моей трудовой деятельности и немалый период для человека, имевшего при поступлении в него пенсионный возраст. В любом случае годы работы в институте оставляют во мне благоприятную память, и подтверждают правильность моего выбора дальнейшего пути, связанного с научной деятельностью на завершающем этапе трудовой деятельности.

Литература

Примаков Е.М. Россия. Надежды и тревоги. М.: Центрполиграф, 2015. – С. 188–189.

ИНФОРМАЦИЯ

Л.Е. Винокурова

О круглом столе «И.Н. Винокуров – видный государственный и политический деятель Якутии»

20 августа 2014 г. и.о. Главы Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисовым было издано распоряжение «О создании организационной комиссии по увековечению памяти выдающегося государственного деятеля Якутии И.Н. Винокурова». С этого момента началась планомерная работа по изучению государственной деятельности Ивана Николаевича Винокурова, председателя Совета народных комиссаров Якутской АССР (1924–1925 гг.), представителя Якутской АССР при Центральном исполнительном комитете СССР. И.Н. Винокуров работал во времена М.К. Аммосова, П.А. Ойунского, И.Н. Барахова, С.М. Аржакова и других известных деятелей, дружил с ними. Вместе с соратниками сообща решал многие важнейшие народнохозяйственные задачи республики. Иван Николаевич скоропостижно скончался 15 января 1935 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

28 мая 1938 г. его объявили врагом народа как одного из создателей якутской контрреволюционной буржуазно-националистической организации, обвинили во вредительстве и шпионаже в пользу Японии.

В 1938 г. имя И.Н. Винокурова убрали с названия Национальной библиотеки республики. Бюро Якутского обкома ВКП(б) отменило также прежнее постановление, принятое тремя годами ранее, о присвоении имени «видного государственного деятеля Якутской республики» школе Таттинского района, кооперативному и рыбному

техникумам. Узнать эти подробности помог М.Е. Друзьянов (исполнитель инициативного проекта-издания книги-фотоальбома о И.Н. Винокурове), который активно поработал в архивах Москвы, Самары, Оренбурга и сделал многое для возвращения народу доброго имени Ивана Николаевича*.

25 сентября 2015 г. в с. Чурапча Чурапчинского улуса (конференц-зал администрации МО «Чурапчинский улус (район)») состоялся круглый стол «И.Н. Винокуров – видный государственный и политический деятель Якутии».

Илья Николаевич Винокуров родился 25 марта 1893 г. в Ботурусском улусе. Он окончил Якутское двухклассное училище, Якутскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию, Московскую торговую Академию. И.И. Винокуров активно участвовал в разработке проектов национальных конституций автономных республик, внес неоценимый вклад в развитие государственности Якутии. В 1923–1924 гг. занимал должность народного комиссара просвещения и здравоохранения ЯАССР; с декабря 1924 г. по июнь 1925 г. – председателя Совета народных комиссаров Якутской АССР при Президиуме ВЦИК, с 1928 по 1929 г. – наркома торговли и промышленности ЯАССР, директора Якутторга, с 1930 г. – заместителя председателя СНК ЯАССР. С 1930 по 1932 г. Иван Николаевич учился в московской торговой академии; с 1932 по 1933 г. работал нарком снабжения ЯАССР; с 1934 г. – представите-

* www.sakha.gov.ru (дата обращения: 29 сентября 2015 г.).

лем ЦИК и СНК ЯАССР при Восточно-Сибирском крайисполкоме; с 1934 по 1935 г. – представителем ЯАССР при Президиуме ВЦИК.

И.Н. Винокуров избирался делегатом XII съезда РКП(б) от Самарской губернии, XV съезда ВКП(б) от ЯАССР, с 1935 г. – член ЯЦИК. В 1925 г. на XIII Всероссийском съезде Советов стал кандидатом в члены ВЦИК, в 1927 г. на IV Всесоюзном съезде Советов – членом ЦИК СССР.

В работе круглого стола приняли участие более 80 чел.: ученые-историки Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, представители Правительства Республики Саха (Якутия) и Постоянного представительства РС (Я) при Президенте РФ, сотрудники ГКУ «Национальный архив РС (Я)», учреждений и организаций республики, руководство и общественность Чурапчинского улуса.

На круглом столе было заслушано 12 докладов и сообщений, посвященных вопросам изучения личности и многогранной деятельности И.Н. Винокурова в контексте истории государственности, экономической и социокультурной модернизации республики.

В итоге участники круглого стола приняли рекомендации: Республиканской комиссии по уве-

ковечению памяти И.Н. Винокурова рассмотреть вопрос установки памятника И.Н. Винокурову в г. Якутске; рассмотреть вопрос о повторном присвоении Якутскому торгово-экономическому колледжу потребительской кооперации имени И.Н. Винокурова; Администрации МО «Чурапчинский улус» рассмотреть возможность учреждения именных стипендий учащимся и студентам из числа уроженцев Чурапчинского улуса; проработать вопрос установки бюста И.Н. Винокурова в с. Чурапча; Академии наук РС (Я) содействовать организации чтений, конференций, посвященных И.Н. Винокурову; Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН подготовить к изданию фотоальбом о жизнедеятельности И.Н. Винокурова; отразить вклад И.Н. Винокурова в развитие государственности Якутии в III томе научного труда «История Якутии»; отметить необходимость продолжения исследований и выявления документов о жизни и деятельности И.Н. Винокурова; Национальной вещательной компании «Саха» включить в телевизионные программы передачи о И.Н. Винокурове; подготовить мультимедийные проекты о жизнедеятельности И.Н. Винокурова.

А.Д. Винокуров

Круглый стол «Подвиг народа: историческая память о Великой Отечественной войне» (к 70-летию Великой Победы)

В рамках 70-летия Великой Победы советского народа над немецко-фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и окончания Второй мировой войны по инициативе Историко-мемориального проекта «Албан аат» (www.robeda14.ru) и Совета молодых ученых и специалистов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН 29 апреля 2015 г. в конференц-зале ИГиИПМНС СО РАН (г. Якутск) состоялся круглый стол по теме: «Подвиг народа: историческая память о Великой Отечественной войне» (к 70-летию Великой Победы).

Цель круглого стола – презентация результатов исследований молодых ученых в области изучения проблем, связанных с периодом Великой

Отечественной войны 1941–1945 гг. на междисциплинарном уровне, и апробация результатов новейших исследований. Многогранность поднятой круглым столом тематики объединила молодых исследователей различных гуманитарных дисциплин: истории, этнографии, литературоведения, языкознания и политологии.

В работе круглого стола приняли участие молодые ученые, аспиранты и соискатели Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, студенты и аспиранты Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова и Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Заслушано было 20 докладов, в том числе 4 заочно.

© А.Д. Винокуров, 2015

Участники круглого стола

Заседание круглого стола открыл заведующий сектором истории Якутии ИГиИПМнС СО РАН, к.и.н. доцент Е.П. Антонов. Во вступительном слове он рассказал о научной деятельности видного якутского историка Д.Д. Петрова и об его вкладе в историографию работ, посвященных военной тематике. С приветствием в адрес участников круглого стола выступила А.Е. Андреева, заместитель руководителя исполкома ЯРО ВПП «Единая Россия». Она отметила важную роль междисциплинарных исследований о Великой Отечественной войне.

В рамках круглого стола Национальный архив Республики Саха (Якутия) организовал выставку уникальных документов о вкладе народов Якутии в общее дело Победы. Работа круглого стола получила освещение в печатных средствах массовой информации и в передачах республиканского радио и телевидения.

В целом круглый стол прошел успешно и плодотворно, представленные работы и оживленные дискуссии по проблемным вопросам указывают на высокий уровень теоретико-методологической подготовки молодых исследователей. Результатом заинтересованного проблемного разговора участников круглого стола стала выработка рекомендаций, которые станут основой дальнейшего междисциплинарного изучения вклада народов Якутии в общее дело Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Принято решение о придании нового статуса и ежегодной периодичности конференции «Подвиг народа: историческая память о Великой Отечественной войне». Молодые исследователи единогласно отметили необходимость координации усилий в области противодействия и борьбы с фальсификацией итогов Второй мировой войны.

В.В. Рыкова

Анализ потока документов из БД «Коренные малочисленные народы Севера», посвященного исследованиям народа саха

Для обеспечения информационных потребностей ученых и специалистов, занимающихся исследованием проблем коренных народов Севера и разработкой рекомендаций и программ по их преодолению, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) создала проблемно-ориентированную базу данных (ПОБД) библиографического типа «Коренные малочисленные народы Севера» [Рыкова, 2009]. Информационный массив вышеназванной ПОБД может служить значимой источниковедческой основой для целей информационной поддержки научных исследований по широкому кругу проблем коренных малочисленных народов Севера. Данная БД призвана обеспечить информационное сопровождение по широкому спектру проблем КМНС (социально-экономических, политических, этноэкологических, медико-социальных, культурно-исторических). Отличительной особенностью создаваемой ПОБД является этнографическая рубрика. Это дает возможность проведения библиометрического анализа документальных потоков (ДП) по отдельным народам Севера.

Объем ПОБД на 01.05.2015 г. составил около 25 000 документов за период с 1988 по 2014 г. Географические рамки ПОБД довольно обширны: северные районы Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера РФ, приполярные районы Зарубежного Севера: Швеции, Финляндии, Норвегии, США (Аляска), Канады, Дании (Гренландия). Источниками отбора литературы для создания и текущего пополнения БД являются обязательный экземпляр отечественной литературы, а также зарубежные издания, поступающие в ГПНТБ СО РАН по международному книгообмену, материалы из удаленных БД. Каждый документ включает полное библиографическое описание, аннотацию, географическую рубрику, переводы к зарубежным публикациям, разделы предметного рубрикатора. Поиск материала возможен по ключевым словам из заглавия, аннотации или перевода, авторам, редакторам, году и

© В.В. Рыкова, 2015

месту издания, географической или предметной рубрике, языку и виду публикации. С 2011 г. вышеозначенная ПОБД со своим рубрикатором входит в состав объединенной БД «Научная Сибирика», которая находится в свободном доступе для пользователей Интернета на сайте библиотеки по адресу www.spsl.nsc.ru.

Нами был отобран документальный поток (ДП), посвященный изучению различных аспектов жизни народа саха, из ПОБД «Коренные малочисленные народы Севера» и проведен анализ его временной, видовой, тематической структуры.

Динамика ДП за 20-летний период представлена на диаграмме (рис. 1), где отчетливо прослеживается рост интереса к вышеозначенной проблеме в последнее десятилетие. Документы 2014 г. издания еще активно поступают в фонды библиотеки, поэтому количество документов может оказаться существенно больше. Малое количество документов в начале 90-х годов прошлого века объясняется экономическим кризисом, сказавшемся на развитии науки.

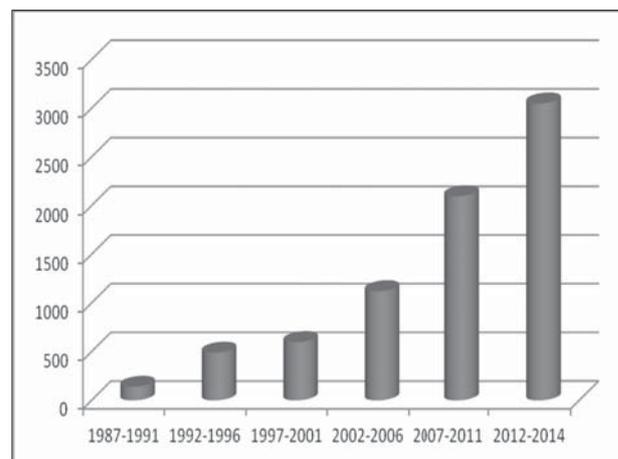

Рис. 1. Динамика ДП

Круговая диаграмма (рис. 2) отражает видовую структуру ДП, в которой преобладают материалы конференций (более 47%). Следует отметить, что конференции играют значимую роль в обмене информацией между учеными, а их мате-

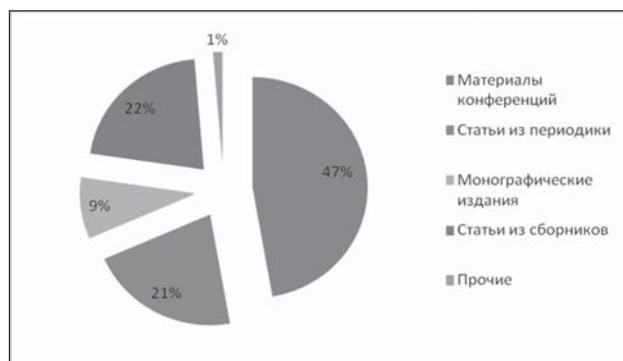

Рис. 2. Видовая структура ДП

риалы позволяют судить о состоянии современных научных и прикладных исследований. Регулярность проведения научных форумов различных уровней, посвященных разным аспектам изучения народов Якутии, является свидетельством активной работы специалистов в данной области. В рамках статьи не представляется возможным перечислить все научные форумы, посвященные народам Якутии, поэтому назовем лишь последние: «Ысыах олонхо: проблемы возрождения, сохранения, увековечивания: республиканская научно-практическая конференция» (пос. Нижний Бестях, 2012 г.); «Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: всероссийская интердисциплинарная научная конференция с международным участием, посвященная 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева» (Якутск, 2012 г.); «Творческая личность в историко-культурном пространстве: международная конференция, посвященная 100-летию послания А.Е. Кулаковского “Якутской интеллигенции”» (Москва, 2012 г.); «Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности: всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, переводчика, общественного деятеля П.Е. Ефремова» (Якутск, 2013 г.); «Этнокультуральные проблемы психического здоровья и современной аддиктологии в условиях Арктического Севера: межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А.А. Корнилова» (Якутск, 2013 г.); «Географические исследования Якутии: история, современность и перспективы: всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня создания

Якутского отдела Императорского Русского географического общества» (2013 г.) и другие. Поскольку в БД включены материалы из фондов ГПНТБ СО РАН, то материалы некоторых конференций, прошедших в 2013–2015 гг., еще не поступили в библиотеку, поэтому не упомянуты в данном списке.

Статьи составляют более 40% ДП, в том числе 21% – из периодических и продолжающихся изданий и 22% – из сборников научных трудов, где наиболее оперативно отражаются последние достижения ученых и специалистов. Наиболее продуктивными периодическими изданиями являются региональные журналы «Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», «Якутский медицинский журнал», «Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)», электронный журнал Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН «Языки и фольклор народов Сибири».

Почти десятая часть (9%) ДП представлена монографическими изданиями (монографиями, учебными пособиями, библиографическими указателями, справочниками и энциклопедиями). Существенная доля библиографических пособий освещает многообразные аспекты жизни народа саха, которые являются путеводителями в огромном количестве публикаций и систематизируют литературные данные. Перечень фундаментальных библиографических пособий, вошедших в БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН, приведен в пристатейном списке литературы.

Тематическая структура ДП соответствует разделам предметного рубрикатора БД (рис. 3).

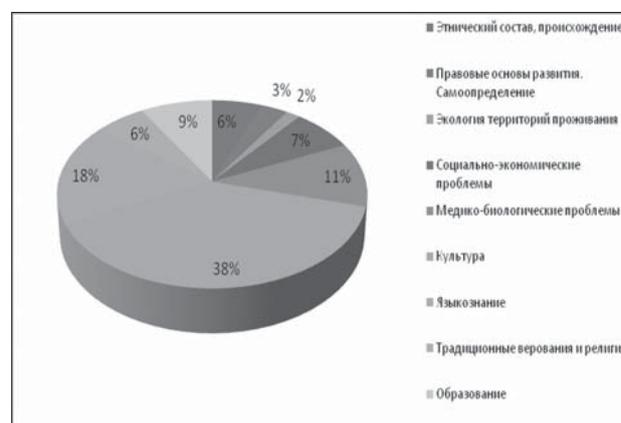

Рис. 3. Тематическая структура ДП

Как видно из диаграммы, третья часть материалов (38%) БД посвящена изучению культуры, достаточно полно представлены разделы «Языкознание» (18%), «Медико-биологические проблемы» (11%), «Образование» (9%). Существенно меньшее внимания обращается на исследование экологии территорий проживания и правовым основам развития. Возможно, при составлении планов научной работы следует обратить внимание на этот дисбаланс. Необходимо отметить, что раздел «Культура» является самым наполненным в ПОБД. Вероятно, есть необходимость сделать его более дробным, выделив подразделы в рубрикаторе БД.

Таким образом, библиометрический анализ ДП, посвященного изучению народа саха, показал, что данное направление исследований активно развивается, о чем свидетельствует постоянный рост объема документов, выявил «ядерные» журналы и библиографические пособия, которые могут служить источниковедческой основой дальнейших научных исследований.

Источники и литература

Библиография библиографии Якутии (1838–2000) / Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия); сост. А.Ф. Федорова; науч. ред. С. В. Максимова. – Якутск: Олонхо, 2011. – 655 с.

Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия), Рос. нац. б-ка. – Якутск: Бичик; Ч. 4 : Здоровоохранение. – 1995. – 95 с.; Ч. 5 : Этнография. Антропология. Фольклор. Религиозные верования и поверья. Христианская церковь и миссионерство. – 2006. – 144 с.; Ч. 6: Археология. История. – 2008. – 239 с.; Ч. 7. Языкознание. Художественная литература. Искусство. Физкультура и спорт. Печать. Издательское дело. – 2011. – 207 с.

Книги на языках коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) (1932–2007 гг.): библиогр. указ. / Рос. акад наук, Сиб. отд-ние, Ин-т проблем малочисл. народов Севера, Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия); сост. Л.Н. Потапова; ред. Я.А. Захарова. – Якутск: Офсет, 2008. – 104 с.

Писатели Земли Олонхо : биобиблиогр. справочник / Союз писателей Респ. Саха (Якутия), Якут. нац. б-ка; сост.: Д.В. Кириллин, В.Н. Павлова, С.Д. Шевков. – Якутск: Бичик, 2000. – 448 с.

Потапова Л.К. Композиторы и музыковеды Республики Саха (Якутия): биобиблиогр. справочник / ред. И.А. Потапов; Союз композиторов Респ. Саха (Якутия). – Якутск, 1994. – 55 с.

Рыкова В.В. База данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН «Коренные малочисленные народы Севера»: характеристика, анализ документопотока // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 90–95.

Сведения об авторах

Андреева Галина Трофимовна – докт. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ, gt.andreeva@s-vfu.ru

Анисимов Руслан Николаевич – завсектором эпического наследия и современности Института олонхо СВФУ, m.anisimov@s-vfu.ru

Базаров Борис Ванданович – докт. ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, bazarov60@mail.ru

Белянская Марина Христофоровна – канд. ист. наук, н.с. отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока РЭМ (СПб), daroma_20@mail.ru

Бороноева Татьяна Анатольевна. – канд. искусствоведения, доцент, директор Национального музея Республики Бурятия, tatboronoyeva@mail.ru

Бравина Розалия Иннокентьевна – докт. ист. наук, профессор, зав сектором археологии ИГИИПМНС СО РАН, bravinari@br.ru

Брагина Дарья Григорьевна – докт. ист. наук, г.н.с. отдела энциклопедического словаря Якутии АН РС(Я), filial_spbucat@mail.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – докт. ист. наук, в.н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, n_burnashova@mail.ru

Бутанаев Виктор Яковлевич – докт. ист. наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, astai@khakasnet.ru

Варламов Александр Николаевич – докт. филол. наук, с.н.с. сектора эвенкийской филологии ИГИИПМНС СО РАН, ataki2006@yandex.ru

Винокуров Александр Данилович – лаборант сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ad.vinokurov@gmail.com

Винокурова Людмила Егоровна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ludavin@yandex.ru

Головнев Андрей Владимирович – докт. ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, г.н.с. ИИиА УрО РАН, andrey_golovnev@bk.ru

Дьяконов Виктор Михайлович – канд. ист. наук, н.с. сектора археологии ИГИИПМНС СО РАН, dyakonov_vm@rambler.ru

Дьячковский Федор Николаевич – канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГИИПМНС СО РАН, fedjatschkov0801@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – докт. филол. наук, г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Захарова Тамара Викторовна – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ztv2001@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – докт. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Имхелова Светлана Степановна – докт. филол. наук, проф. кафедры русской зарубежной филологии Бурятского государственного университета, vestnikphylogolog@bsu.ru

Манджиева Байрта Барбаевна – канд. филол. наук, завотделом литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, mandjievabb@kirigan.com

Миссонова Людмила Ивановна – канд. ист. наук, с.н.с. ИЭиА РАН, missmila@iea.ras.ru

Мурашева Светлина Валерьевна – доцент кафедры дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета, v54@istu.edu

Рыкова Валентина Викторовна – с.н.с. отдела научной библиографии ГПНТБ СО РАН, onbryk@spsl.nsc.ru

Слепцов Петр Алексеевич – докт. филол. наук, проф., г.н.с. сектора лексикографии ИГИИПМНС СО РАН, petr.slepsov@mail.ru

Татарина Александра Дмитриевна – магистр музыкального искусства, лаборант сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН, sasha.sakha@mail.ru

Федоров Василий Игнатьевич – докт. ист. наук, в.н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, igi@ysn.ru

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – докт. филол. наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, hisamitdinova@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andreeva Galina Trofimovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Russian and Foreign Literature of Philological Faculty North – Eastern Federal University, gt.andreeva@s-vfu.ru

Anisimov Ruslan Nikolaevich – Chief of Department of the Epic Heritage and Modern Institutions of Olonkho North – Eastern Federal University, anisimov@s-vfu.ru

Asmondjarov Vener Nadirovich – Graduate Student of Bashkir State University, asm-vener@mail.ru

Bazarov Boris Vandanovich – Ph.D. in History, D.Sc. Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bazarov60@mail.ru

Belyanskaya Marina Khristoforovna – Ph.D. in History, Research Fellow, Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and Far East, Russian Ethnography Museum (St. Petersburg), daroma_20@mail.ru

Boronoyeva Tatyana Anatolyevna – Ph.D. in Art, Associate Professor, Director of the National Museum of the Republic of Buryatiya, tatboronoyeva@mail.ru

Bravina Rosaliya Innokentevna – Ph.D. in History, D.Sc. Professor, Head of Department of Archeology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bravinari@br.ru

Bragina Dariya Grigorevna – Ph.D. in History, D.Sc. Senior Researcher, Department of Yakutia Academy Encyclopaedia of Yakutia the Academy of Sciences Republic of Sakha (Yakutia), filial_spbucac@mail.ru

Burnasheva Nataliya Ivanovna – Ph.D. in History, Leading Researcher, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, n_burnashova@mail.ru

Butanaev Victor Yakovlevich – Ph.D. in History, D.Sc., Professor, Khakas State University named after N.F. Katanov, astai@khakasnet.ru

Varlamov Alexander Nikolaevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Department of Evenk Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ataki2006@yandex.ru

Vinokurov Alexander Danilovich – Assistance Researcher, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ad.vinokurov@gmail.com

Vinokurova Lyudmila Egorovna – Ph.D. in History, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ludavin@yandex.ru

Golovnev Andrey Vladimirovich – Ph.D. in History, D.Sc. Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, andrey_golovnev@bk.ru

Dyakonov Viktor Mikhailovich – Ph.D. in History, Research Fellow, Department of Archeology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dyakonov_vm@rambler.ru

Dyachkovsky Fedor Nikolaevich – Ph.D. in Philology, Head of Lexicology of Yakut Language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, fedjatschxov0801@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Department of Grammar and Dialectology of Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nik.efrem50@mail.ru

Zakharova Tamara Viktorovna – Ph.D. in History, Research Fellow, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ztv2001@mail.ru

Ivanov Spyridon Alekseevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Department of Grammar and Dialectology of Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Imikhelova Svetlana Stepanovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Department of the Russian Foreign Philology of the Buryat State University, vestnikphylolog@bsu.ru

Mandzhieva Bayrta Barbaevna – Ph.D. in Philology, Head of Department of Literature, Folklore and Dzhang Study, Kalmyk Institute for Humanities Research, Russian Academy of Sciences, mandjievabb@kirigan.com

Missonova Lyudmila Ivanovna – Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, missmila@iea.ras.ru

Murasheva Svetlina Valeryevna – Associate Professor, Department of Design, Irkutsk National Research Technical University, v54@istu.edu

Rykova Valentina Viktorovna – Senior Researcher, Department of the Scientific Bibliography, State Public Scientific Technical Library, Russian Academy of Science, Siberian Branch, onbryk@spsl.nsc.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Senior Research, Department of Lexicography, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, petr.slepcov@mail.ru

Tatarinova Alexandra Dmitrievna – Master of Musical Arts, Assistant, Department of Yakut Folklore, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sasha.sakha@mail.ru

Fedorov Vasily Ignatyevich – Ph.D. in History, Leading Researcher, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, igi@ysn.ru

Khislamitdinova Firdaus Gilmitdinovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Director of the Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, hisamitdinova@list.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Объем научной статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), информационные статьи – 3–6, хроникальные заметки – 1–3 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Абзац – 1,25 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются. Рукописи в печатном и электронном виде (формат Word 95, 98, 2000) направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301, 303. Тел. 35–15–16; 36–42–35.

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-50537
от 06 июля 2012 г.

Адрес издателя и редакции
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 10.02.2015. Дата выхода в свет 25.02.2016
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,25. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГИиПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
